

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРАВДА, МОСКВА

№ 41 ОКТЯБРЬ 1979

ГЕРМАНСКОЙ
ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКЕ—
ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

Берлин — столица ГДР.
Фото А. Нагальяна

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

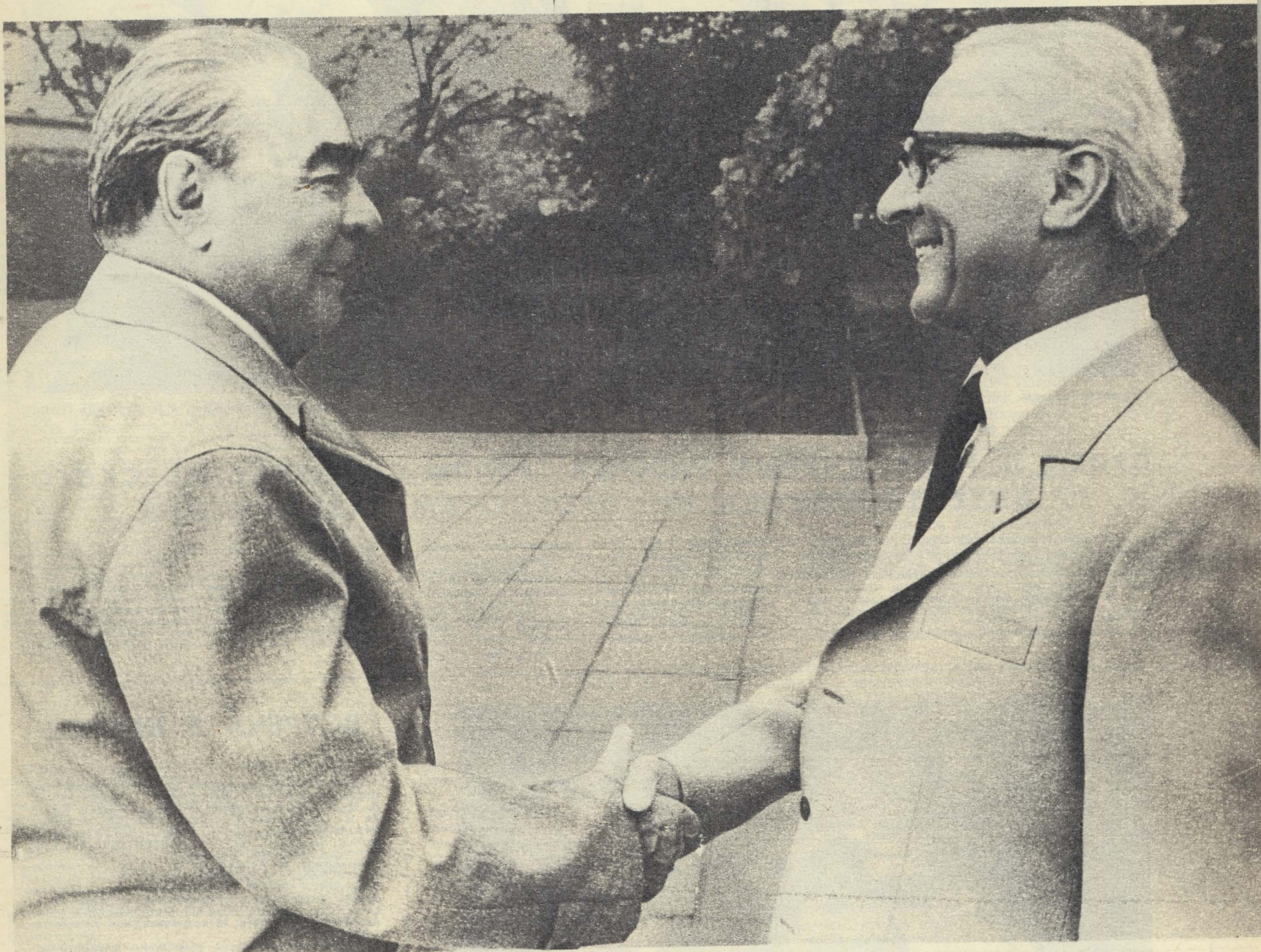
Основан
1 апреля
1923 года

№ 41 (2726)

6 ОКТЯБРЯ 1979

© Издательство «Правда», «Огонек», 1979

Встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Генеральным секретарем ЦК СЕПГ, Председателем Государственного совета ГДР Э. Хонеккером. Крым, 27 июля 1979 г.
Фото В. Мусаэльяна (ТАСС)

Дорогие читатели!

В этом номере журнала «Огонек», посвященном 30-й годовщине образования Германской Демократической Республики, я рад возможности передать вам и всем друзьям в Советском Союзе самый сердечный привет народа ГДР.

Юбилей нашего рабоче-крестьянского государства мы отмечаем в тесной дружбе с советским народом, освободившим нас от фашистского рабства и постоянно оказывающим нам братскую помощь и поддержку в построении государства рабочих и крестьян. Ныне сотрудничество с Советским Союзом достигло нового размаха. Оно охватывает все сферы общественной жизни. Все более тесными становятся контакты между нашими марксистско-ленинскими партиями, общественными организациями, предприятиями и учреждениями. Прежде всего молодое поколение проявляет в этом отношении большую активность. Многие граждане ГДР лично знакомятся с Совет-

ским Союзом, а мы, в свою очередь, имеем возможность приветствовать многих граждан Страны Советов как своих гостей. Этим достигается дальнейший прогресс в сближении наших народов. Нашим кровным делом и первостепенной задачей всегда будут укрепление и углубление нерушимой германо-советской дружбы на благо наших братских государств и народов.

Вилли ШТОФ,
Председатель Совета Министров
Германской Демократической Республики

W. Stoph

Во время беседы.

Фото В. Мусаэльяна и А. Стукина (ТАСС)

ПРИЕМ Л. И. БРЕЖНЕВЫМ РАБОЧЕЙ ГРУППЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА ПО ПРОБЛЕМАМ РАЗОРУЖЕНИЯ

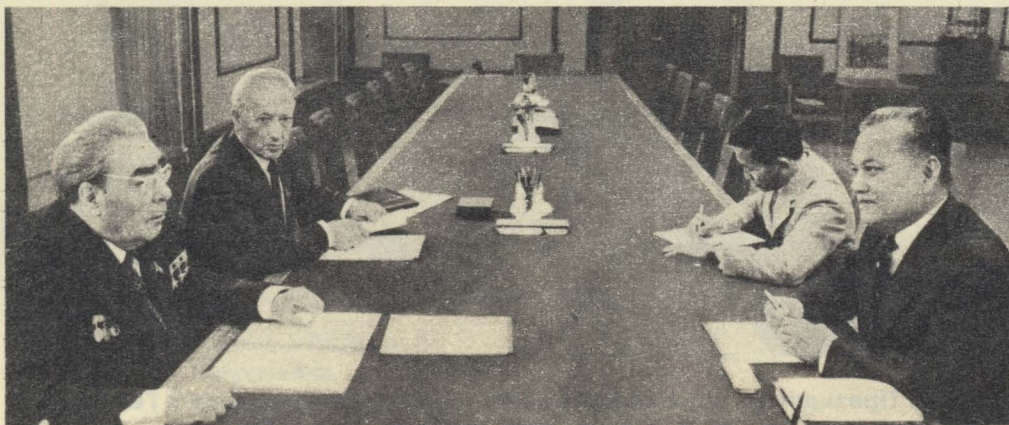
1 октября Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев принял рабочую группу Социалистического интернационала по проблемам разоружения.

В состоявшейся беседе принял участие кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев.

В беседе участвовали члены рабочей группы

Социнтерна: К. Сорса (председатель Социал-демократической партии Финляндии) — председатель рабочей группы; Б. Карлссон (генеральный секретарь Социалистического интернационала); В. Хаккер (секретарь по международным вопросам правления Социалистической партии Австрии) — секретарь группы; Л. Жоспэн (секретарь по международным вопросам Французской социалистической партии); А. Па-

вельчик (председатель подкомитета бундестага ФРГ по вопросам разоружения и контроля над вооружениями); М. Ван дер Стул (член руководства Партии труда Нидерландов); Х. Тиаи (секретарь по международным вопросам Социалистической партии, председатель внешнеполитического комитета Национального собрания Сенегала); Х. М. Буэно (член руководства Испанской социалистической рабочей партии);

ВСТРЕЧА В КРЕМЛЕ

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев встретился 26 сентября в Кремле с Генеральным секретарем ЦК Народно-революционной партии Лаоса, Премьер-Министром Лаосской Народно-Демократической Республики Кейсоном Фомвиханом.

Товарищ К. Фомвихан рассказал о положении в Лаосе, о деятельности ЦК НРП и правительства ЛНДР по строительству в стране основ социализма и преодолению экономической отсталости, тяжелых последствий феодального прошлого и хозяйничанья колонизаторов.

В ходе беседы было выражено удовлетворение успешным развитием сотрудничества между СССР и ЛНДР на многих направлениях и намечены дальнейшие меры по углублению братской дружбы обеих стран.

Во время беседы.

Фото В. Мусаэльяна и В. Кошевого (ТАСС)

ПРИЕМ Л. И. БРЕЖНЕВЫМ

По приглашению Советского правительства с официальным визитом 1 октября в Москву прибыл Премьер-Министр Греческой Республики К. Караманлис.

1—2 октября в Кремле проходили переговоры члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина и члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с Премьер-Министром Греческой Республики К. Караманлисом и министром иностранных дел Греции Г. Ралисом.

2 октября в Большом Кремлевском дворце состоялось подписание совместных советско-греческих документов.

2 октября Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев принял в Кремле Премьер-Министра Греческой Республики К. Караманлиса.

Л. И. Брежнев заявил, что у Советского Союза нет другой политики в отношении Греции, кроме политики сближения, сотрудничества и дружбы. Народы Советского Союза и Греции связывают многовековые узы истории и культуры, опыт и традиции борьбы с иноземными захватчиками. Все это важные предпо-

Э. Техера Парис (секретарь по международным вопросам партии Демократическое действие Венесуэлы).

Отметив, что Социнтерн усиливает свое внимание к задаче разоружения, которую КПСС всегда считала ключевой, жизненно важной для трудящихся всех стран, Л. И. Брежнев обстоятельно изложил в ходе встречи принципиальный подход руководства КПСС к этим проблемам. Он подчеркнул, что в 70-е годы удалось добиться заметной разрядки напряженности, оттеснить сторонников «холодной войны».

Вместе с тем Л. И. Брежнев обратил внимание на то, что враги разрядки и разоружения не сложили оружия и, если не дать им отпора, они могут перечеркнуть все то, что сделано полезного. Отстоять разрядку, продвинуть вперед дело разоружения, расширить и углубить мирное международное сотрудничество — такова основа внешнеполитического курса нашей партии. Социал-демократия, подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС, тоже может многое сделать для прекращения гонки вооружений.

КПСС, подчеркнул в заключение Л. И. Брежнев, и впредь будет выступать за деловые контакты с социалистами и социал-демократами, за конструктивный диалог со всеми другими демократическими, миролюбивыми силами.

В своем выступлении председатель рабочей группы Социнтерна К. Сорса, выразив благодарность за радужное гостеприимство, передал Л. И. Брежневу теплые личные приветствия и наилучшие пожелания от председателя Социалистического интернационала товарища Вилли Брандта. Мы, сказал он, глубоко признательны Вам за Вашу готовность выделить время для встречи и обмена мнениями с нами по вопросу о разоружении, наиболее жгучей проблеме, стоящей в настоящее время перед человечеством. Мы рассматриваем это как выражение Вашей личной решимости не щадить усилий в борьбе за разоружение и ослабление международной напряженности.

В беседе участвовали также кандидат в члены ЦК КПСС, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров и заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС В. С. Шапошников.

Встреча прошла в дружеской, деловой обстановке.

Состоялся также обмен мнениями по ряду международных проблем. При этом особое внимание было уделено обстановке в Юго-Восточной Азии. Л. И. Брежнев и К. Фомвихан отметили, что дружба и братский союз между странами Индонезия — Лаосом, Вьетнамом и Кампучией — не только не нарушают интересы безопасности какого-либо государства, но, напротив, служат фактором мира в ЮВА и Азии в целом.

На встрече, которая прошла в атмосфере дружбы, сердечности и полного взаимопонимания, присутствовали помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов и помощник Генерального секретаря ЦК НРПЛ Инпонт Суринпхуми.

На снимке: во время беседы.
Фото В. Мусазьяна и Э. Песова (ТАСС)

К. КАРАМАНЛИСА

сылки для добрососедских отношений между обеими странами.

К. Караманлис также высказался в пользу всестороннего развития отношений между Грецией и Советским Союзом.

Касаясь международных проблем, Л. И. Брежнев подчеркнул большое значение всей совокупности работы, проделанной европейскими странами в 70-е годы в целях разрядки. Этим же целям служит подписание советско-американского Договора ОСВ-2.

Вместе с тем Л. И. Брежнев обратил внимание на то, что в последнее время появились моменты, вызывающие серьезную тревогу за будущее. В этих условиях настоятельно необходимы активные усилия всех государств с тем, чтобы сохранить и упрочить атмосферу разрядки, добиться конкретных результатов в деле ограничения и прекращения гонки вооружений.

Премьер-Министр Греции отметил миролюбивый характер внешней политики своей страны, ее готовность содействовать ослаблению международной напряженности и упрочению мира. Он дал высокую оценку Договору ОСВ-2, вступление в силу которого позволило бы перейти к более решительным мерам в области разоружения.

Беседа прошла в деловой, откровенной обстановке и характеризовалась широким взаимопониманием.

КТО ТРУБИТ О «СОВЕТСКОЙ УГРОЗЕ»?

Владимир БОЛЬШАКОВ

Говорят, что биржевые маклеры в Соединенных Штатах легко угадывают, акции каких военно-промышленных концернов поднимутся в ближайшее время в цене, анализируя характер очередной пропагандистской кампании о «советской угрозе». Если в американской столице раздаются сеговования по поводу «ракетной угрозы» со стороны СССР, растут цены на акции концернов, производящих межконтинентальные баллистические ракеты. Если конгрессмены и сенаторы, как по команде, начинают кричать о советской «танковой угрозе», значит, надо срочно скупать акции фирм, занятых производством танков и противотанковых ракет. И так далее, и тому подобное.

В сентябре, когда в Вашингтоне востро шумели об «уязвимости» ракет «Минитмен» для русского ракетного удара, «угадали» биржевые маклеры, поставившие на тех подрядчиков Пентагона, которым поручено производство и развертывание новой мобильной ракеты «МХ», — она обойдется американскому налогоплательщику в 33 миллиарда долларов по самым скромным подсчетам.

Измышления по поводу «советской угрозы» не впервые, конечно, применяются правящими кругами США и военно-промышленным комплексом для подхлестывания гонки вооружений. Но в последнее время антисоветская истерия совпадает с весьма опасными тенденциями в деле строительства вооруженных сил США, а также других стран — участниц агрессивного блока НАТО. Это — тенденции к тому, что гонка вооружений поднимается на новый, уже не контролируемый виток.

Президент Картер, как писала на днях «Нью-Йорк таймс», «уже согласился увеличить нынешний бюджет Пентагона на 4 миллиарда долларов, и министр обороны Браун не исключает возможности дальнейших увеличений». Газета прямо связывает эти перспективы роста военных расходов в США с затягиванием под различными предлогами процесса одобрения сенатом договора об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-2). Прогрессивная общественность США правомерно поэтому указывает на то, что враги разрядки стремятся сорвать ратификацию Договора ОСВ-2. Ведь этот договор, как отметил 1 октября Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев в беседе с рабочей группой Социалистического интернационала по проблемам разоружения, не только ставит и количественные, и качественные пределы стратегическим вооружениям, но, что, может быть, еще важнее, он открывает перспективы дальнейшего продвижения по этому пути. Вот этого-то больше всего и страшатся те, кто сделал «индустрию смерти», то есть производство оружия массового уничтожения, своим бизнесом.

Враги разрядки и разоружения в средствах не стесняются. Миллиардные прибыли, полученные ими на гонке вооружений, стали мощными рычагами влияния на политику США и других стран НАТО. Эти рычаги пущены сейчас в ход. Вновь раздаются призывы к достижению «военного превосходства над СССР», вновь с трибун буржуазных парламентов звучат требования увеличить военные бюджеты. Кульминацией этой кампании, судя по всему, должна стать зимняя сессия НАТО, на которой ожидается принятие решения по поводу размещения в ФРГ и странах Бенилюкса новейших ракет, способных нести ядерное оружие на значительные расстояния.

Неудивительно, что подготовку к этой сессии НАТО начала с развертывания широкой пропагандистской кампании о «росте советской угрозы» Западной Европе. Спекуляции империалистической пропаганды по поводу этой несуществующей угрозы используются как дымовая завеса инициаторами гонки вооружений, которые проталкивают планы превращения Западной Европы в стартовую площадку американского оружия, нацеленного на СССР. Эти силы ведут опасную игру с огнем.

Советский Союз, как было вновь подчеркнуто Л. И. Брежневым на встрече с рабочей группой Социнтерна по проблемам разоружения, никому не угрожает, ни на кого не собирается и не будет нападать. СССР не делает ничего сверх того, что абсолютно необходимо для обеспечения его безопасности и безопасности его союзников.

Известно, сколько предложений внес Советский Союз о разоружении. Известно также, с какой неохотой наши западные партнеры идут на реализацию этих предложений. Взять хотя бы последний пример — на закончившейся на днях в Женеве конференции ООН именно из-за обструкции западных держав, блокировавшихся с Китаем, не удалось добиться выработки протокола о запрещении варварского зажигательного оружия — напалма. Подобная обструкция — причина того, что гонка вооружений продолжается.

С каждым годом эта гонка обходится человечеству все дороже. С 1949 по 1968 год страны НАТО, включая США, израсходовали на военные нужды 1 триллион 300 миллиардов долларов. Еще триллион долларов будет потрачен этим блоком всего за пять лет — с 1978 по 1983 год.

Рост arsenалов оружия массового уничтожения с каждым днем становится не только все разорительнее для человечества, но и все опаснее для самого его существования. Вот почему столь актуален призыв СССР как можно скорее перейти от слов о разоружении к конкретным делам.

Оживление в зале.

Слово взял Георгий Степанович
Тямушев.

«Послушайте, а столовая!»— гово-
рит Елена Никитична Кузьмина.

Обсуждают предложение.

Секретарь парткома комбината
Николай Николаевич Смердов
поздравляет вновь избранного
парторга — Надежду Георгиевну
Метельскую.

На трибуне бригадир Николай Иванович Макаров.

РЕПОРТАЖ
С ПАРТИЙНОГО
СОБРАНИЯ

ПРОШУ

Принято единогласно.

СЛОВА!

Эти снимки сделаны несколько дней назад в Москве, на Бескудниковском комбинате строительных материалов и конструкций, в девятом цехе. Комбинат большой, едва ли не крупнейший в Европе, его продукцию — железобетонные изделия для жилищного, да и не только жилищного, строительства — знают во всех районах столицы. Недавно девятый цех закончил выполнение почетных олимпийских заказов — он участвовал в сооружении гостиниц, крытого стадиона на проспекте Мира, других объектов. Что касается мощности цеха, то достаточно сказать: его годовой план составляет 115 тысяч кубометров изделий. Это, заметьте, при проектной мощности 98 тысяч кубометров изделий.

Много это или мало? Прикиньте: годовой план цеха в пересчете на жилье — 670 тысяч квадратных метров, другими словами, около двадцати тысяч квартир, то есть порядка пятидесяти квартир в день.

Пятьдесят квартир в день! Отсюда можно представить себе значимость четкости, безостановочной работы оборудования, вспомогательных средств, снабжения, значение каждой потерянной рабочей минуты. Вполне естественно поэтому, что партийное отчетно-выборное собрание в девятом цехе вылилось в принципиальный разговор и об использовании оборудования и об отношении к делу, к своим обязанностям.

В цехе трудно с кадрами, с рабочей силой, поэтому бережно, заботливо относятся здесь к каждому человеку, специалисту, стараются заинтересовать молодежь. Часть оборудования нуждается в капитальном ремонте, замене, поэтому так велика роль механика, так многое зависит от ремонтной службы, так следят тут за своевременным профилактическим ремонтом. В цехе трудится около трехсот человек, поэтому важно сплотить их, сделать единым коллективом, организовать питание, отдых в выходные дни. К тому же более половины работающих — женщины, а это для администрации — особые заботы, хлопоты, сложности. В цехе работает в основном молодежь, поэтому так важно наладить действенное наставничество. Сам цех — это громадное здание, которое не всегда просматривается из конца в конец, работают здесь, естественно, не в белых халатах, поэтому так важны приличные бытовки, комнаты отдыха, красный уголок.

Обо всем этом шел разговор на партийном собрании.

Начальник цеха Александр Михайлович Филиппочкин говорит о качестве продукции, о том, что, несмотря на все принятые меры, на опыт коллектива, цех до сих пор не может выдвинуть ни одного своего изделия для аттестации на Знак качества. Говорит о недостатках в ремонте оборудования, о потерях рабочего времени из-за несоблюдения техники безопасности.

— Прошу слова! — начинает механик цеха, он же председатель товарищеского суда Георгий Степанович Тямусев. И ставит вопрос о недостаточной квалификации машинистов, что приводит к поломке оборудования, о повышении квалификации, необходимости более жестких требований, более четкой ответственности за порученное дело. Он говорит о том, что товарищеский суд, которым он руководит, намерен впредь разбирать дела не только тех, кто срывает трудовую дисциплину, прогуливает, нарушает нравственные нормы в быту, но и тех, кто проявляет нерадивость в работе, кто безответственно относится к своим обязанностям.

— Прошу слова! — поднимается с места Николай Иванович Макаров, один из лучших бригадиров не только цеха, но и всего управления «Главмоспромстройматериалы» — такое вот длинное название у главка. Поскольку Макаров возглавляет группу народного контроля в цехе, то его выступление затрагивает многие стороны жизни коллектива: качество продукции, правильность использования материалов, перерасход керамической плитки, обучение молодежи, взаимозаменяемость. Николай Иванович ставит вопрос о том, чтобы каждый стропальщик мог выполнять обязанности арматурщика, машиниста, и наоборот. Он говорит, что надо разрешить ставить личное клеймо на продукцию не только отделочникам, но и рабочим других профессий.

— Прошу слова! — говорит Виктор Тябин, один из самых молодых коммунистов цеха. Ему есть о чем рассказать — недавно он перешел в бригаду, которая постоянно отставала, и теперь с законной гордостью может доложить партийному собранию о ее трудовых успехах. А они есть, эти успехи, они очевидны и значительны: уменьшилась текучка, повысилось качество продукции, возросла производительность труда, многие осваивают смежные специальности, а сам бригадир на вопрос из зала ответил, что владеет всеми специальностями, которые есть в его бригаде. Ответил, чуть смутившись наивности вопроса. Дескать, как же иначе?

— Добавлю еще, — снова поднимается Георгий Степанович Тямусев и ставит перед администрацией, перед партийной организацией комбината вопрос о замене двух бетоноукладчиков, которые дают половину простоев оборудования в цехе. Причем решение об их замене давно принято, необходимость замены для всех очевидна, бетоноукладчики отработали свое — по пятнадцать лет каждый! Значит, надо более требовательно, оперативно решать эту в общем-то несложную проблему. Надо быть настойчивее — ведь речь идет о работе всего коллектива.

А еще шел разговор о необходимости выдвижения в следующем году некоторых изделий на Знак качества, о повышении производительности труда — ведь за пятилетку число работающих в цехе сократилось на пятьдесят человек, это очень существенно, учитывая трудности с кадрами. И об улучшении работы столовой... О, эта столовая! Не проходит, наверно, собрания, где бы не говорилось о ней. Положение улучшается, но уж больно медленно.

Программа, намеченная собранием, начала выполняться с утра, с первой утренней смены. Она воплотится в новые квартиры и человеческую благодарность рабочим Бескудниковского комбината — не один раз на собрании прозвучали слова: не забывайте, товарищи, для людей работаем!

В. ПРОНИН

Фото Э. ЭТИНГЕРА

ЛЕНИНС

Свыше шестидесяти миллионов коммунистов и беспартийных заполнили в первые октябрьские дни огромную аудиторию — в стране по доброй многолетней традиции начались занятия в системе партийной и экономической учебы, комсомольского политпросвещения. Пропагандисты приступили к своей благородной миссии с тем, чтобы слушатели школ мыслью и сердцем воспринимали ленинское учение, повседневно претворяли его в жизнь.

Корреспонденты «Огонька» рассказывают о начале учебы в нескольких коллективах Москвы и столичной области.

В добрый час, пропагандисты! Секретарь Пролетарского райкома партии Москвы Л. П. Бельянский беседует с руководителями пропагандистских семинаров района.

НАУКА ПОБЕЖДАТЬ

— С какими достижениями подошли трудящиеся района к началу нового учебного года в системе политического и экономического образования?

С такого вопроса началась беседа секретаря Пролетарского райкома партии Москвы Льва Петровича Бельянского и корреспондента «Огонька» Ю. Козлова.

— Представлять Пролетарский район, думаю, не надо. Такие предприятия, как ЗИЛ, завод «Динамо», швейное объединение «Ра-

дуга», судостроительный и судоремонтные заводы, известны всей стране. План девяти месяцев нынешнего года промышленные предприятия района по основным показателям выполнили досрочно. Реализовано сверх плана продукции на десятки миллионов рублей. Причем почти семьдесят процентов ее выпускается со знаком качества. Широкое распространение получили у нас инициативы передовиков и новаторов

производства. Тридцать тысяч человек участвуют в движении «Работать без отстающих», девять тысяч — «Каждому рабочему — встречный план». Конечно же, большое значение здесь имеет политико-воспитательная работа партийных организаций. Она обеспечивает подлинную массовость каждого ценного начинания. А решающую роль в этой работе играет система марксистско-ленинского образования трудящихся.

— Впереди много знаменательных дат и событий. Найдут ли это отражение в тематике и содержании занятий? Какими особенностями будет отличаться новый учебный год? К чему должны стремиться пропагандисты?

— Прежде всего надо постараться, чтобы занятия были по-настоящему интересными. В нашем районе почти двести тысяч работающих. Различными формами учебы будет охвачено 92 процента из них, это гораздо больше, чем в прошлом году. «Мерило успеха политического воспитания масс, конечно, конкретные дела», — подчеркивал товарищ Л. И. Брежнев. — Коммунистическая идейность — это сплав знаний, убеждения и практического действия. Вот эта тесная связь марксистско-ленинской теории и практического действия и видится мне главным итогом накопленного опыта.

Естественно, в тематике занятий нынешнего года большое внимание будет уделено 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. И здесь тоже намечалась связь с практическим действием. С каждым днем все больший размах приобретает социалистическое соревнование за выполнение заданий десятой пятилетки к 110-й годовщине со дня

рождения В. И. Ленина. Уже более семисот человек из одиннадцати с половиной тысяч его участников досрочно выполнили принятые обязательства.

Думаем мы и о предстоящей Олимпиаде-80. В районе есть организации, которые будут обслуживать гостей Олимпиады. Вот, скажем, гостиница «Россия». Наши пропагандисты прочитают ее служащим цикл лекций по истории олимпийского движения, об особенностях условий, в которых им предстоит работать, на темы морали и нравственности. Подобная программа составлена и для работников двух таксомоторных парков — пятого и девятого.

— Вы говорили, что одна из задач — сделать занятия в новом учебном году интересней...

— Да. Ведь уровень подготовленности слушателей с каждым годом растет. В этом году, например, значительно сократилось число слушателей в начальном звене, а в среднем и высшем резко увеличилось. Значит, к пропагандистам теперь будут предъявляться более высокие требования. Соответственно растет их уровень. Сейчас две трети всех районных пропагандистов имеет высшее политическое образование. Накануне учебного года мы провели специальный семинар для пропагандистов. Выступал первый секретарь райкома партии А. Ф. Корчагин. Говорилось о том, что пропагандист должен быть готов к любому вопросу. Не умалчивать, не затушевывать недостатки, а давать им объективное объяснение, быть сведущим во всех аспектах нашей действительности. Это же подчеркивалось и в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

ПОСТИЖЕНИЕ

Вторник — единый день политпросвещения в хозяйствах, на предприятиях Домодедовского района столичной области. Первое занятие в ордене Ленина госплемзаводе «Заря коммунизма» провел директор Геннадий Максимович Никифоров. В парткабинете собрались слушатели школы основ марксизма-ленинизма — главные специалисты, бригадиры, специалисты-отраслевники.

— Поздравляю вас, дорогие товарищи, с новым учебным годом в системе марксистско-ленинского образования! Нам предстоит...

Лица собравшихся посерьезнели, зашелестели тетрадки, которые всем раздали заранее. Почти каждый из слушателей сам является политинформатором, сам ведет занятия или на молочнотоварной ферме, или в ремонтной мастерской, или в одном из цехов крупного специализированного хозяйства. Старший экономист Валентина Васильевна Осипова несколько

лет была пропагандистом, проводила занятия в электроцехе, а теперь ее избрали председателем методического совета. Отличным пропагандистом рекомендовал себя и заместитель директора по строительству Александр Арнадьевич Бушунов. Всегда ждут вторников на комсомольско-молодежной МТФ-3, где занятия проводил и проводит бригадир Р. Ш. Шефкиев, и на МТФ-1, где с доярками занимается бригадир К. П. Мионов.

Многие годы в госплемзаводе действовали одновременно несколько школ: партийная, комтруда и экономического образования. Нынче задумано построить занятия по единой комплексной программе, чтобы все слушатели успели за год ленинской учебы рассмотреть как теоретические вопросы, так и сугубо экономические. Думается, это и для самих слушателей более интересно и правильно с точки зрения закреп-

Первая тема... В кабинете политпросвещения госплемзавода «Заря коммунизма», Московской области. Пропагандист Г. М. Никифоров приступает к занятию.

КАЯ АУДИТОРИЯ

БЫТЬ ВПЕРЕДИ

ления ранее приобретенных знаний.

Итак, руководителям среднего звена и специалистам предстоит прослушать непростой, насыщенный современной конкретикой курс «Управление научно-техническим прогрессом в сельском хозяйстве». Главная тема и девиз года: «Ленинизм — революционное знамя нашей эпохи».

Управление научно-техническим прогрессом... Да, это уже не «политэзы» и не «ликбез», а стремительные и крутые ступени политического университета, постижение основ. Теория? Конечно. И даже обязательно. Но еще и коррекция повседневной практики, без которой не завершить напряженную пятилетку, не встретить достойно 110-ю годовщину со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

Геннадий Максимович, излагая самые первые вопросы первой темы, напомнил своим слушателям: каждодневная работа коллектива по развитию хозяйства на основе концентрации производства и специализации — это и есть ленинский план кооперации в действии! Идеи великого Ленина живут, помогают сегодня совершенствовать управление научно-техническим прогрессом.

Зал прорезал луч киноустановки. В ход пущен диафильм. И это помогает. А Геннадий Максимович от цифр и положений, характеризующих учение Ленина как теорию и метод революционного действия, снова возвращается к образу самого Ильича, к его провидческим работам, как бы постоянно сверяя задачи хозяйства и достижения страны развитого социализма с великими идеями основателя нашего государства. Я видел, с каким нескрываемым удовлетворением записывали слушатели мысль Владимира Ильича о том, что коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда. Самоотверженная забота... Забота рядовых рабочих... В коллективе орденосного госплемзавода прекрасно знают таких рабочих. Механизатор Николай Васильевич Алипченков — лауреат премии Ленинского комсомола, мастер высоких урожаев. Он и в этом нелегком на селе году намолотил почти по сорок центнеров озимой пшеницы с гектара. Слесарь Владимир Константинович Горбунов — безотказный мастер на все руки, весьма активный участник то и дело вспыхивающих дискуссий на политзанятиях. Все знают и лучшую доярку Шишкинской фермы Лидию Ивановну Смирнову. Она же партгрупорг в комсомольско-молодежном коллективе, удостоенном премии Московского комсомола.

Замечательно, когда активная забота об общем деле порождена сознанием общественной значимости личного участия в реализации народнохозяйственных планов. Этому учит единый день политпросвещения.

Н. БЫКОВ.

Зал быстро заполнился людьми. Смех, шутки, веселые возгласы, — если на минуту закрыть глаза, можно представить, что это студенты собрались на первую лекцию после каникул... Правда, название сегодняшней лекции звучит совсем не по-институтски: занятие университета научно-технического прогресса. И, конечно, здесь не студенты — у многих давно есть дипломы, а то и по два, есть огромный опыт работы, заслуги, награды... Но, видно, у учебных аудиторий — свои законы. К тому же московский металлургический завод «Серп и молот» так велик, что многим просто мудроно встретиться иначе, чем на этих лекциях, — вот откуда этот радостный шум.

Можно было заметить, что сюда, в зал, многие слушатели пришли группами. С одним таким маленьким коллективом мы познакомились: это были работники цеха контрольно-измерительных приборов и автоматики во главе со своим начальником — Николаем Петровичем Иконостасовым. Они вместе вошли в зал, сели на места в одном ряду. Даже по мелким штрихам поведения было видно, что такая вот атмосфера занятий им привычна. «Владимир Гаврилович, поищи карандаш, я свой потерял...», «Таня, продиктуйте, пожалуйста, как точно сегодня лекция называется?»...

— Да, состав нашей группы, как говорится, устоялся, не один год ведем занятия вместе, — рассказывал потом, уже у себя в кабинете, Николай Петрович Иконостасов. — Наверное, лет десять, даже больше, я являюсь ее пропагандистом, и у нас выработался, как бы сказать, свой стиль работы. Мне интересно вести занятия. Я всегда стараюсь превращать их в беседы, строить так, чтобы каждому слушателю самому захотелось поддержать докладчика или в чем-то возразить ему.

— А не мешает то, что вы одновременно и непосредственное начальство?

— Даже помогает! — смеется Николай Петрович. — С дисциплиной, посещаемостью проблем никаких... А если серьезно — мы ежедневно ощущаем непосредственный эффект политучебы. Знаете, бывает просто по-человечески интересно находить взаимосвязь теоретических положений в трудах классиков с нашей конкретной, повседневной жизнью. Недавние постановления партии и правительства по совершенствованию хозяйственного механизма выдвигают перед всеми нами новые требования — я уверен, текст постановлений станет темой многих наших занятий. Да, мы привыкли все важные дела начинать вот так, с обсуждений... А каково было приучить себя выступать, владеть аудиторией, словом! Признаться, я лишь недавно открыл,

несколько серьезно ораторское искусство. Можно считать, осваиваю новую специальность! Сколько их, специальностей, было у меня на «Серпе»...

Николай Петрович пришел на завод почти сорок лет назад, в 1940 году, после окончания МВТУ. Что привело его на завод? Смешно вспомнить — желание играть в сильной заводской команде, он очень увлекался тогда баскетболом и волейболом. Был в команде мастеров, но в большой спорт уйти не смог — завод оказался сильнее, притягательнее... В институте его специальностью было точное приборостроение, а на заводе в то время варили сталь почти без приборов, «на глазок» — пришлось создавать совершенно новую отрасль в заводском производстве. В годы войны Иконостасов ремонтировал танки, занимался переводом ав-

томобилей на газогенераторное топливо, позже создавал кислородный цех завода, сейчас в его ведении — точнейшие, современнейшие приборы, способные контролировать любые процессы металлургического производства. Николай Петрович — известный в стране специалист, он член президиума Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов...

— И еще общественный пропагандист, — добавляет Иконостасов. — Я не могу отделить эту обязанность от своих заводских дел, от высоких требований, стоящих перед каждым из нас. Быть пропагандистом — это значит чувствовать пульс времени, всеми своими помыслами быть впереди.

Б. СМЕРНОВ

Фото Г. Копосова, А. Кулешова,

Один из лучших пропагандистов металлургического завода «Серп и молот» — Н. П. Иконостасов.

З. САМОЛЕТОВА,
депутат
Верховного Совета СССР,
швея ленинградского
производственного
объединения «Большевичка»

Прошло два года со дня принятия новой Конституции нашей страны, два года с того времени, как депутаты Верховного Совета СССР единодушно проголосовали за Основной Закон. До сих пор эта памятная сессия Верховного Совета стоит у меня перед глазами, как самое яркое впечатление, которое вряд ли когда забудется или потускнеет. Поднятые одним порывом, стоя, под незаходящие аплодисменты, депутаты принимали положение Конституции. Помню ту взволнованную, праздничную атмосферу, лица людей, окружавших меня, — все понимали, что присутствуют при историческом событии.

Хорошо запомнилось и обсуждение проекта Конституции: мы, депутаты Верховного Совета, представители производственных коллективов, ездили на заводы, встречались со школьниками, воинами Советской Армии. И везде видели заинтересованное, искреннее отношение; люди обсуждали проект Основного Закона государства, стремились отразить в нем социалистический образ жизни, свою заботу об общем деле.

Одна из лучших работниц нашего объединения, Антонина Александровна Бабиева, которая подготовила не один десяток прекрасных специалистов, при обсуждении проекта Конституции просила меня передать наказ о том, чтобы внести в текст Основного Закона слова о повышении чувства ответственности за порученное дело.

Если взглянуть с точки зрения высших государственных задач, то, возможно, это пожелание кое-кому покажется слишком частным. Однако независимо от того, внесены ли эти слова в текст или нет, именно от ответственности за

НАШ ОСНОВНОЙ ЗАКОН

порученное дело чаще всего зависит выполнение самых важных задач. Именно за этим стоит и нравственный климат в бригаде, цехе, заводе, и заинтересованность в результатах общего труда.

Мне как рабочему человеку особенно близки те статьи Конституции, в которых говорится о социальном развитии советского народа, об улучшении условий труда и его охране, о здравоохранении. В этом направлении мне приходится работать и как члену комиссии при Верховном Совете СССР по вопросам труда и быта женщин, охраны материнства и детства. Комиссия проводит большую работу, а ее результаты убедительно показывают права и возможности, которые дает каждому из нас Конституция.

В качестве примера могу рассказать о недавнем обследовании на предприятиях Минрыбхоза и нефтехимической промышленности Ленинграда. Мне пришлось побывать на первом рыбокомбинате и в объединении «Красный треугольник». Здесь заняты в основном женщины, и поэтому вопросы охраны труда, охраны материнства меня интересовали в первую очередь. На этих предприятиях уделяется большое внимание труду и быту женщин, определен перечень профессий, где можно принимать женщин на неполный рабочий день или неполную рабочую неделю, что очень важно для тех, кто имеет детей дошкольного возраста, разработаны комплексные планы по улучшению условий труда. Эти меры особенно необходимы, поскольку немало женщин занято на работах с вредными условиями. Все они должны быть обеспечены спецпитанием, молоком, все должны получать дополнительный отпуск и другие льготы. На объединении «Красный треугольник» есть поликлиника на тысячу приемов в день, стационар, почти все желающие получают путевки в санатории и дома отдыха, причем до 85 процентов путевок получают женщины.

Однако сказать, что в задачи нашей комиссии входит лишь сбор положительных фактов, нельзя. Наша главная задача — добиваться улучшения условий труда и быта. Возвращаясь к тем же предприятиям, нельзя не отметить того, что на «Красном треугольнике», например, до сих пор довольно высока текучесть. Причины весьма серьезны: отсутствие жилья, недостаток мест в общежитиях, да и сами-то они не всегда хороши, далеко не везде все сделано для улучшения условий труда.

Если говорить о моем родном предприятии — объединении «Большевичка», то здесь совсем недавно нам удалось, как говорится, «пробить» здравпункт, который бы работал не одну смену, как до этого, а две. Это было достаточно хлопотно, однако мы этого добились. Разумеется, не все можно решить в одну минуту, есть у нас и трудности, есть нехватка специалистов, оборудования, средств, но, с другой стороны, нельзя надеяться и на то, что кто-то другой придет, обо всем позаботится и нам останется лишь поблагодарить его. Конституция каждому дает право активно участвовать в общественной, в производственной жизни, в коммунистическом строительстве.

Не могу не сказать подробнее о заботах нашего объединения. Здесь прошло мое становление и как специалиста и как человека. Коллектив «Большевички» вот уже второй раз выдвигает меня депутатом Верховного Совета.

Наша продукция — верхняя женская и девичья одежда. Скажу уверенно: мастера, закройщики, швеи могут работать на уровне самых высоких мировых требований, мы можем выпускать продукцию, которая вполне достойно будет выглядеть рядом с лучшими образцами знаменитых зарубежных фирм. Однако нередко с наших конвейеров сходят весьма унылые изделия, которые затем годами висят в магазинах.

Хочется спросить у руководителей Министерства легкой промышленности: до каких пор мы будем пришивать одну и ту же пряжку к женскому пальто, к детскому костюму, к туфлям и сумкам? А пуговицы! Вот уж поистине притча во языцех! Ведь мы пришиваем не те, которые требуются и которые утверждены художественными советами, конструкторами, модельерами, мы пришиваем те пуговицы, которые оказываются на складе. А названия цветов тканей, из которых мы шьем, почему-то частенько начинаются со слов «темно» или «грязно» — грязно-синий, темно-коричневый и так далее.

Да, я понимаю, не хватает критиков, пластмасс, оборудования, но рискну сказать: больше всего не хватает внимания, настойчивости, решительности. Ведь все эти сложности возникли не вчера, не позавчера, вряд ли они будут преодолены в полной мере и завтра.

Казалось бы, какое отношение имеет этот разговор к Конституции? Самое прямое. Труд должен приносить радость и удовлетворение. Труд — это не только источ-

ник существования, он еще и воспитывает, формирует взгляды, отношение к самому себе и к ближним. А престиж предприятия — это часть престижа государства, общества.

В составе делегации Общества дружбы СССР — ФРГ мне довелось побывать в Западной Германии, встречаться с людьми самых различных убеждений, профессий, взглядов. Это произошло как раз в скорости после принятия новой Конституции. Интерес к ней был огромен. Особенно много вопросов было связано с главами Конституции, посвященными социальному развитию и культуре, экономической и политической системам нашей страны, правам и свободам граждан. Не скажу, что все вопросы были доброжелательными, были и откровенно провокационные вопросы, основная цель которых была как-то принизить наши достижения в экономике, в развитии социалистической демократии, поставить под сомнение итоги Великой Отечественной войны.

Что сказать? Я не оратор и не дипломат, я швея, и если мне удавалось отвечать на подобные вопросы, то уверенностью и чувством правоты давало доверие ленинградцев, избравших меня депутатом Верховного Совета СССР, да и моя собственная судьба. Во время войны, в блокаду погибли мои родные, в 1944 году, когда на западе еще шли бои, я совсем девчонкой поступила в ремесленное училище. Оно работало на базе «Большевички», так что вся моя жизнь оказалась связанной с этим предприятием, с его коллективом. Мы учились и восстанавливали училище, мы познавали премудрости швейного дела и одновременно участвовали в сложной, трудной жизни освобожденного Ленинграда.

Казалось бы, это было куда как давно, а ведь я выросла с этим, все это и сейчас во мне. И мое отношение к нашим трудностям и нашим достижениям формировалось тогда.

Помню, в той поездке нам был задан вопрос о коммунистических субботниках. Спросили с подковыркой: неужели вы и поныне столь бедны, что вынуждены прибегать к таким мерам? Не знаю, может быть, человеку, выросшему в капиталистическом обществе, действительно трудно понять, что субботники стали для нас традицией, что мы совершенно искренне называем их праздниками труда. Наверно, надо видеть украшенные улицы, слышать марш духовых оркестров, знать о рекордных выработках в этот день на заводах, фабриках, на моей родной «Большевичке», чтобы понять суть субботника. Наверно, надо посмотреть детскую городскую больницу в Ленинграде, построенную на средства, полученные во время субботников, — это настоящий дворец матери и ребенка. Когда я бываю там, вижу просторные, светлые помещения, операционные, оснащенные совершенным оборудованием, когда вижу здоровых малышей, покидающих больницу, их счастливых матерей, я невольно вспоминаю взволнованные лица депутатов, которые два года назад единогласно приняли Основной Закон. Этот маленький факт еще раз подтверждает, что наша Конституция, по выражению Л. И. Брежнев, действует, живет, работает.

Рембрандт. 1606—1669. АВТОПОРТРЕТ С САСКИЕЙ. 1635.

Дрезденская картинная галерея

Антон Граф. 1736—1813. АВТОПОРТРЕТ 58-ЛЕТНЕГО ХУДОЖНИКА.

Дрезденская картинная галерея.

В Р А Ж Д А

Анатолий ИВАНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

* * *

Кузьма Тихомилов скончался в двадцать девятом, двенадцатого декабря, всего сорока трех лет от роду. Умирал он от прошлых огневых своих и шашечных ран долго, целый месяц, а за несколько дней до кончины призвал к себе Данилу Афанасьева и сына Степку, рослого, под девятнадцать лет уже парня, попросил похоронить его в могилке своей жены, убитой когда-то Сасоном Пилюгиным, а потом, тяжело дыша, говорил им:

— Вы мне обоим дети. Ты, Данила, мужик, Степка, хоть в года и входит, да еще глазу требует. Когда-то я тебя на укреп взял, теперь ты позаботься об Степке. И доучи его в школе-то, последний же год он ходит.

— Какой разговор, дядь Кузьма!

— А ты, Степан, слушайся его, как отца... А про тебя, Данила, я скажу людям, чтоб председателем поставили. Грамоты у тебя большой нету, да ведь и я не шибко грамотей. Читать-писать умеешь — и хватит. Силищи в тебе невпроворот, повезешь, ничего. Жену-то все на одной ладошке носишь?

— Да чего там носить-то? — смутился Данила. — Она как перышко.

После смерти Кузьмы Тихомилова люди избрали Данилу Афанасьева председателем романовского колхоза беспрекословно. Степан остаток зимы и весну, заканчивая школу, пробыл в Березовке, а вернувшись потом в Романовку, на жительство к Афанасьевым, несмотря на настойчивые их уговоры, не пошел.

— Ну кто же тебе варить-стирать будет? Как ты один-то в доме? — спрашивала Арина.

— Отец же велел тебе покуда при нашей семье жить, — неоднократно напоминал сам Данила.

Степан, длинный, как хворостина, отвечал:

— Отцу все казалось, что я маленький. А я вон головой матицу достаю. А сварить, постирать — что у меня, рук нету?

Вернувшись из Березовки, Степан первым делом подправил могилку отца, вытесал и поставил на ней новый крест, обнес деревянной оградой.

Умирая, Кузьма Тихомилов велел Даниле Афанасьеву обсадить деревьями голое кладбище, лежавшее в ложбинке меж двух холмов на виду у деревни. «А то неуютно лежать-то людям. Ты тополями обсади, они скоро вырастут», — сказал он. Данила выполнил его просьбу: весной на кладбище было высажено больше сотни молодых топольков. Принялись они почти все, только

некоторые сильно покривило ветром. Степан Тихомилов забил возле каждого деревца по крепкому колу, подвязал к ним гибкие стволы.

Покончив со всей этой работой, он принялся приводить в порядок пустовавший свой дом: печь заново глиной обмазал, стены побелил, полы кой-где перестелил, ставни покрасил.

— Никак, хоромы-то для молодухи готовишь? — любопытствовали бабенки. — Жениться, что ль, задумал?

— Жениться, бабы, не вопрос. — шутиливо отвечал он, не прекращая работы. — Да вот кабы кто научил, как ребятишек завести.

Данила снова предлагал ему свою помощь в ремонте дома, но он решительно отказывался. А приведя жилье в порядок, попросился у Афанасьева в пастухи.

— А поважней за что не взялся бы? — спросил Афанасьев. — Вон надо молотильный ток с амбарами строить.

— Так в колхозе поважней пастуха есть ли должность? Как попасешь, так и надоишь. А молокопоставки нам не маленькие...

В таких словах никакой шутовщины уже не было, и Данила, поразмыслив, признал правоту за Степаном.

Через два дня тот принял колхозное стадо. Колхоз был небольшой, а стадо на одного не так уж и малое, несколько десятков коров, телят да овец, всего за сотню голов переваливало, глаз за разномастным табуном должен быть да быть, в ключах и волчьих выводках жили, а с алтайских гор, бывало, и медведи в холмы заходили. Для пастуха выделили ружье и лошадь, каждое утро теперь, когда солнце еще было далеко за землей, Тихомилов, пощелкивая длинным кнутом, угонял скотину в холмы.

Через неделю или две ходившие за ягодами в Летний ключ бабенки принесли чудную весть: скотина ходит по буеракам безо всякого пригляда, Степка, укрывшись от зноя в кустах, наяривает в гармонику, а какая-то бесстыжая девка, гибкая, как змея, выплывает перед ним.

Сам Степан эти загулявшие по Романовке слухи не опровергал, только загадочно посмеивался, а когда мужики напрямик обращались к нему за разъяснением, в обычной своей шутовской манере говорил:

— Про гармонику бабы выдумали, про девку тоже. Остальное все правда.

— А чего остального-то?

— Да что коровы по буеракам бродят. Где ж им еще пастись?

А сам хитро улыбался, из шальных глаз будто лучи брызгали. Улыбка его озадачивала еще больше, в конце концов даже сам Данила Афанасьев спросил:

— Ты что народ баламутишь?

— Как это?

— Да вон разговоры про тебя плетутся. Про девку какую-то, которая пляшет.

— А у меня, как я заиграю, и овечки хоровод заводят, а коровы в «камаринскую» пускаются, аж земля гудит.

— Какой-то ты, Степаха, несерьезный будто.

— Ну! — Смешинки в его глазах пропадали, он делался сухим и колочим. — Овечки, может, отощали? Удой понизились?

Все как раз обстояло наоборот: овцы были гладкие, телята хорошо прибавляли в весе, удои стали выше прежнего.

— Я, дядь Данила, играть на гармонии не умею. Оно бы хорошо, конечно, научиться...

Так он ответил тогда председателю, а зимой, через два месяца после Нового года, когда председатель радостно праздновал рождение сына Михаила, Степан зашел в его дом с сильно оттопыренной полкой полушубка. И когда скинул полушубок, все увидели на его плече блестящую перламутром трехрядку.

Люди за столом удивленно замолкли, а Степан, поблескивая глазами, сел на скамеечку у порога, положил гармошку на колени.

— Ну-ка, оцените...

И ударил ту самую «камаринскую», о которой говорил председателю летом. Играл он чисто, гармошка пела и переливалась, поблескивали пуговки ладов. Гости Афанасьева, забыв на время о хозяине, хозяйке и их радости, ошарашенно смотрели на Степана Тихомилова. И десятилетняя дочь Афанасьевых Катя, свесив с печки головенку, во все глаза глядела на новоявленного гармониста.

А потом бабы и мужики кинулись плясать, прогибая половицы, выкрикивать деревенские частушки. Степка все играл и играл без передыха, кто-то его обнимал, подносил водку с закуской, он выпивал и опять играл. Кругом галдели:

— Свой гармонист теперь в Романовке!

— Теперь и жить и помирать будем с музыкой.

— Значит, бабы-то ягодницы правду тогда говорили!

— Гармония есть, объявится и тая танцорка...

Когда Степан, утомленный долгой игрой, сидел вместе со всеми за столом, председатель упрекнул его:

— Говорил — не умею, а?

— Так я ж и говорил: хорошо б научиться. А тогда так, пиликал. Купил гармонь, да на слух все лады потихоньку и освоил.

— Хитрец.

— Хитрец-то, дядь Данила, чужой песне подыгрывать старается. А я свою пою, — возразил Степан.

— Ну! Какая ж она, твоя песня? Что-то я вот, признаться, никак понять того не могу...

— Не беспокойся, дядь Данила. Человечья...

И он, весело подмигнув свесившейся с печки Катерине, отчего она мгновенно юркнула куда-то в темную глубь, будто ветром ее слизнуло, снова потянулся за гармошкой.

Целых десять лет семейство Афанасьевых не увеличивалось, сам Данила, помня о здоровье жены, вроде бы даже был таким обстоятельством доволен, но Арина молча и тяжело переживала. И когда почуяла наконец в себе новую жизнь, облегченно заплакала.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 37—40.

— Да, это славно, Аришка... Только нельзя тебе родить-то. Каткой вон чуть богу душу не отдала. А снова рисковать не стоит.

— Я не рисковать, а рожать буду, — упрямо заявила она и, несмотря на отговоры мужа, на своем настояла. Но роды, к великой радости обоих, получились намного легче прежних, оба думали, что бывшие колчаковские побои, видно, больше сказываться не будут, и находились от счастья на седьмом небе. Еще через пять лет родился Колька, снова обошлось все более или менее благополучно. А при рождении Зойки и произошла трагедия, таившаяся внутри у Арины с далекого девятнадцатого года. Произошла через два десятка лет, в ту пору, когда жизнь неузнаваемо переменялась и наладилась, когда только бы жить да радоваться на белый свет. К тридцать девятому году небольшой романовский колхоз хорошо стал на ноги, и хотя ни электричества, ни радио сюда еще не дотянули из-за дальнего расстояния от крупных сел, песни над деревушкой звучали каждый день, патефонные коробки были у многих, завелись и гармонисты, помимо давно обжившегося Степана Тихомилова. Но главное, в сусеках колхозников бывало достаточно зерна, во дворах — у каждого корова, полдюжины овец, обязательно свиноматка с хрюком, а уж о всякой птице и говорить нечего — гусей, уток и кур каждый держал сколько хотел. И хотя сельхозналоги — мясные, молочные, яичные, шерстяные и прочие, говоря по совести, были немалые, но и для себя еще оставалось достаточно. Однако после смерти жены для Даниила Афанасьева свет потух.

В тот год, как померла Арина, за месяц до ее кончины, у Степана Тихомилова родился третий уже ребенок — Дюнька. Жену Степан привез из той самой деревни Березовки, где учился когда-то в школе, звали ее Ксения, была она девкой рослой и стройной, характером общительная и веселая, как сам Тихомилов. И еще, на счастье, оказалась она бабой молочной, хватало у нее молока и для своей девочки и для осиротевшей дочери Даниила Зойки. Катя по нескольку раз в день носила Зойку к Тихомиловым, а вечером Ксения сцеживала молоко в кружку, Катя переливала его в бутылку и ночью кормила свою сестренку через соску.

— Катя-Катенька ты моя, как бы я без тебя-то теперь? — не раз вырывалось у отца. За много недель после смерти жены это были чуть ли не единственные слова, которые он время от времени только и произносил. А так целыми днями молчал, к работе сделался равнодушным, ночами, кажется, никогда не спал. Всякий раз, встав к ребенку и засветив лампу, Катя видела, что отец лежит на спине и уныло смотрит в потолок.

— Ну, чего ты, пап? — подходила она не раз к его кровати. — Мама ушла от нас с надеждой, что всех детей подыдем. Да и что ж — голые-голодные не ходим. Ничего, пап... Ты поспи.

Он только молча и благодарно гладил руки дочери.

Степан Тихомилов отвечал в артели за все животноводство, а тем летом вообще взял на себя колхозные дела полностью. Когда-то Данила Афанасьев был во всем верным помощником его отца, Кузьме Тихомилову, теперь таким же помощником Даниле стал давным-давно Степан. И с сенокосом вовремя справились и рожь скосили в положенный срок, а там принялись за ячмень, за овес, за пшеницу...

...Поздним сентябрьским днем, когда на землю падал холодный сумрак, Данила Афанасьев и Степан Тихомилов возвращались в одном ходке с дальних пашен. Председатель колхоза был по-прежнему молчалив, он угрюмо, без всякой радости оглядывал свершенную уже извечную крестьянскую работу — убранные поля и луга, стога сена и хлебные скирды, отбрасывающие длинные черные тени, довольно обширные площади поднятой зяби.

— Хватит, дядя Данила, мучиться-то. Что ж поделаешь, коли так случилось, —

проговорил негромко Степан. — Жизнь, какая бы нам судьба ни выпадала, не кончается.

— Оно, разве я не понимаю, что хватит... Любил я ее, Степан, без памяти. А теперь что мне осталось?

— Что осталось... — шевельнув крутой бровью, повторил Степан. — Немало она тебе радости оставила. На век хватит. Вон сколь детей-то! Катерина у тебя одна — прямо золото.

— Катка... Она, Степушка, дороже всякого золота. Материна у ней душа. Не хотела она нынче в школу ехать, кто, мол, с Зойкой-то будет? А ведь последний, десятый класс, ты, говорю, в уме, бабушку Андрониху попрошу.

— Это правильно, что отправил ее. Пущай доучится.

Едва приметный проселок, покрытый ржавой, давно высохшей травкой, влился меж невысоких сопков, сейчас черных и унылых. Лишь по весне сойки эти покрывались редкой зеленью, до середины июля по склонам их еще пасли скотину, а затем и без того скудная растительность выгорала в прах, каменистая земля покрывалась горячим пеплом, из которого торчали одни полынные метелки, меж полынных стеблей шныряли мелкие ящерицы.

Потом проселок вынырнул в ложину, полого опускающуюся к деревне, потек мимо деревенского погоста.

— Остановись-ка, — проговорил председатель.

Степан натянул вожжи. Данила сошел с ходка, прошел под густо разросшиеся кладбищенские деревья, к могиле жены. Холмик порос за лето невысоким полынком, вокруг оградки кой-где побились лопухи, сейчас уже пожухлые. Данила повыдергал полынь, обломал сухие стебли лопухов.

То же самое сделал и Степан на могиле своего отца с матерью, потом подошел к председателю, который стоял на том же месте, только повернувшись к расположенной рядом могиле своих родителей. Похоронены они были друг возле друга, могильные холмики давным-давно исчезли, на ровном месте стояли склонившиеся один к другому два небольших деревянных креста, почерневших от дождя и солнца. Нынче весной, укладывая рядом в землю свою Аришку, Данила подправил подгнившие кресты на могиле родителей, а они опять наклонились так же.

— Ровно друг к дружке тянутся, — проговорил Данила.

Внизу лежала Романовка, отсюда, с кладбища, деревушка была видна как на ладони, до последнего домишка. Многие хозяйки топили уже печи, вечер ложился безветренный, дым из труб поднимался высоко и бесследно таял в беспредельном осеннем небе над землей.

— Родители мои были немолодые уж, Степан, — кивнул на кресты Данила. — Да не своей смертью померли. Матерь мою Федотья Пилюгина сгубила. За утенка. Знаешь?

— Да что-то такое слышал от людей.

— У Пилюгиных они в работниках жили, на мельнице. Твои и мои родители. Федотья та и спихнула в пруд однажды мою мать. Не устерегла, мол, утенка, которого шука утащила. А старуху заволокло на мельничное колесо и бросило вниз, разбило. Я все сам видал, своими глазами... А там с такого горя и отец мой скончался.

Данила Афанасьев постоял у могил недвижимо еще минуты две, простоволосый, пыльную фуражку держал в опущенной руке так, будто она была с пуд весом и гнула его к земле. А потом разомкнул губы в горькой усмешке:

— Я что это вспомнил... сын той Федотьи Пилюгиной, Артемка, письмо мне прислал.

— Письмо?! — удивился Степан. — Это с чего же?

— В Романовку просится. Вместе с семьей.

— Во-он чего! — протянул холодно Степан.

— Где-то они в северных краях живут, под Норильском, что ли.

— Как они там оказались-то?

— Старик Ловыгин, отец Федотьи, их туда увез... Правильно рассчитал, старый лис, все равно бы потом выслали. Так он сам. Там и помер. Артемка этот женатый. За родителей я, говорит, не в ответе, вы друг с дружкой посчитались, а я при чем? А тем больше мои дети. Двое их у него.

— А сама Федотья? Живая?

— Живая, пишет. Всего пять человек, значит. Вот, надо решать.

Данила медленно натянул фуражку и пошел к ходку. Но прежде чем тронуться, оба еще помедлили, потоптались молча на пыльном проселке.

— А может, дядя Данила, ничего не надо решать? — проговорил Степан. — Зачем они нам тут?

— Да у меня тоже сердце не лежит. А с другой стороны — не за утенка же мы друг с дружкой считались.

— Так тем больше! — воскликнул Степан. — Вон какая вражда была.

— Была, — кивнул Афанасьев. — А вот Артемий правильно вопрос задает: дети-то при чем?

— Дети — конечно, — согласился Степан. — А бабка Федотья до конца с нами не примирится.

— Ну, время всех утихомиривает, — кивнул председатель на кладбище. — Сколько ей жить-то осталось?

Но Данила Афанасьев ошибся. Бабка Федотья, дочь Ловыгина, жена Сасония Пилюгина и мать Артемия, прожила еще долго, сея вокруг себя ненависть и смерть...

* * *

Став неожиданно председателем колхоза, Катя Афанасьева почувствовала себя еще более беспомощной и растерянной. Раньше она делала то, что ей поручали, — крутила вялки на токах, косила травы, ухаживала за овечками. А теперь, затемно приготовив кой-чего ребятишкам, шла в ободранную контору. Но чем там заниматься — не знала. Счетоводиха Мария молча и уныло щелкала счетами, и именно этот неживой звук костяшек еще больше сдавливал ей сердце, она начинала плакать и убегала в слезах на овцеферму, до вечера занималась там привычными делами.

— Что ты все брякаешь ими! — выкрикнула она на третье или на четвертое утро. — Что ты все считаешь-то?

— А ты, дура, что решишь-то? — в свою очередь, спросила Мария.

Грубый вопрос не оскорбил Катю, она расслышала в нем сочувствие, уловила что-то дружеское. И, прижавшись к дверному косяку, еще пуще заплакала.

— Что ж они сделали со мной! Что сделали? Какой с меня председатель?

— Такой и председатель.

— Да ведь надо что-то делать. А я не знаю, с чего и начать.

— С того и начать, — опять односложно и сердито ответила Мария. — Вот давай сперва контору побелим. Выскоблим отсюда дух пилюгинский. А то, гляжу, заходишь, а в нос-то его вонь тебе и бьет!

— Правда, давай, — обрадовалась Катя. — А только с овечками-то как?

— А назначь кого к овечкам. Тебе-то зачем теперь самой? Теперь у тебя другие дела будут.

— Да кого ж назначить?

— Кого, кого... Хотя бы вон Лидию Пилюгину.

— Ты что?! — испугалась искренне Катя. — Да ведь что они обо мне тогда подумают?

— Кто они-то?

— Да бабка хотя бы Федотья.

— А что тебе Федотья! Ты на нее не смотри. Ты теперь за весь колхоз наш горемычный в ответе. Вот за него и отвечай. А Лидия, я кумекаю, ничего бабенка. Затырканная только. Вот я сейчас ее и позову.

— Постой, постой... — вскричала ей вслед Катя, но та или не расслышала, или не захотела больше с ней спорить.

Лидия пришла скоро, через полчаса. Зайдя в тесную, в два оконца всего комна-

тушку, она оглядела бывший кабинет своего мужа так, будто сроду тут и не бывала, и произнесла:

— Ну-к, что?

— Хочу я попросить тебя, Лидия, на овцеферме... вместо меня теперь.

Она произнесла это и сразу же поняла, что последние три слова говорить бы не надо, они неприятно царапнули жену Пилюгина — у той чуть дрогнули ресницы, длинные и красивые.

— Ладно, — сказала она. — Прямо сейчас, что ли?

— Да они, поди, уж с голоду изревелись. Соломы им хоть с крыши надергай.

— Ага, ладно, — произнесла Лидия и вышла.

А Катя и счетоводиха принялись за дело. Мария притащила из дома несколько комков негашеной извести и две рогожные кисти, Катя тем временем натаскала воды. Известь они загасили в большом старом ведре, стол и стулья выставили на улицу и начали промывать закопченные с довоенного еще времени табачным дымом стены и потолок. День был солнечный и теплый, в открытые окна тек пахучий апрельский воздух, тут же сушил пробеленные участки. Помещение преображалось, становилось светлее, потолок будто поднимался. Улучшалось и настроение Кати, и, закончив побелку на первый ряд, она, забрызганная известью, обвела взглядом кабинет, удивилась:

— Ты гляди-ка!

— А ты думала, — с улыбкой кивнула Мария. — Сейчас вот еще разок пробелим, да окна промоем, да пол выскаблим — и что твои палаты! Слава богу, теперь табачищем коптить некому. А там как-нибудь пол покрасим, оконные рамы...

— Ага, все сделаем! — по-детски воскликнула Катя. — Отец придет и не узнает свой кабинет... — И тут же сникла: — Только вот третий месяц письма от него не приходят.

— Ну... ждать надо, — произнесла Мария, не глядя на Катю, не в силах поднять на нее глаза.

— Ждать... Я и жду, чем еще жить-то.

И она, бросив кисть, заплакала, прислонившись к влажной еще стене.

— Опять реветь, дура... — Мария подошла к ней, оторвала от стены, неловко прижала к себе. — Ну что ты... будет. Ничего. Что поделаешь? Ждать надо покуда...

Мария говорила все это сбивчиво, через силу, язык ей не повиновался. Катя уткнулась ей в забрызганное известью плечо, а Мария вздрагивающей рукой гладила ее по худой спине. Потом в сердцах отстранила ее от себя, властно и сурово бросила:

— Бери кисти!

Перемена в Марии была настолько неожиданной, что Катя, перестав плакать, с изумлением поглядела на нее.

— Расхлюпалась тут. На нее колхоз доверили, а она... Отец-то вот придет, так похвалит?

Катя поморгала мокрыми ресницами, вытерла их белыми от извести пальцами.

— У кого сейчас горя нету? — продолжала счетоводиха. — У меня вон тоже мужика убили, у других. У каждого горя — сколь воды в море, до самых ноздрей плещется. Так что не у тебя одной.

Мария говорила все это зло и отрывисто, хлестала Катю словами без жалости. А та, забрызганная известью, стояла посреди пустого и гулкого кабинета, сжалась, как от холода, хотя через открытое окно тек в помещение теплый солнечный свет. Там, за окном, радуясь этому, уже по-настоящему весеннему теплу, ошалело кричали воробы — извечные спутники людей и в бедах и в радостях, но Катя птичьих голосов не слышала, в ушах ее стоял какой-то больно звон.

— Что ты на меня орешь-то? — спросила она с обидой.

— Я не ору, а говорю. — Мария с раздражением ткнула кистью в ведро, сделала несколько резких взмахов вверх и вниз по стене и снова обернулась: — И дальше

горюшка-то не убудет, не надейся! А жить все одно как-то придется. Так что, Катюшка, надо стиснуть зубы да жить. Это простое дело и привычное — похныкать да поплакать. А в людях-то вот как раз и говорится: прохныкаешь до вечера, а вечером и вовсе жрать будет нечего.

Мария снова принялась за побелку, а Катя подошла к окну, плохо видящими глазами стала глядеть на заснеженные еще увалы, верхушки которых только-только зачернелись. Теперь снег начнет с увалов сползать все ниже и ниже, оголенные участки будут быстро прогреваться солнцем,

черные сперва от влаги, они через день-другой подсохнут, прогреются, каменная почва станет белесой, а потом зазеленеет. Учув запах травы, ошалело заревут оголодавшие за зиму коровенки, но выгонять их на увалы еще несколько дней будет нельзя — по подножию холмов обычно чуть не до самого конца апреля лежат вязкие, набрякшие водой снега, скотина, проваливаясь по брюхо, переломает ноги.

Но обо всем этом Катя не думала. Думала она о последних словах счетоводихи, в которых вдруг неясно почувствовала жестокую, но необходимую ей правду.

До конца работы они ни о чем больше и не говорили, молча добелили, окатили окна водой, протерли стекла, вымыли пол, убрали кисти и ведра с остатками извести.

— Вот, завтра и приходи в новую свою контору. Веселей будет, — сказала на прощание Мария, и они разошлись.

Домой Катя брела вовсе не усталая, какая-то опустошенная, легкая. «Веселей будет...» Не веселей, а, конечно, хорошо, что побелили, думала она с благодарностью за что-то к Марии. Только вот завтрашний день с чего начать?

Подходя к дому, Катя заметила, что из трубы вьется дымок — значит, детишки затопили печь. Захар, как самый старший теперь, приставил к огню чугунок картошки и чугунок с водой для чая, который они заваривали то листьями брусники, то зверобоем, то поджаренными до черноты тыквенными корками, потому что настоящего чая давным-давно не было, как и пахнет забыли. Глядя на дымок, улыбнулась: славные у нее ребятишки, послушные, всю домашность, какая по силам, без всяких напоминаний делают. Конечно, при Мишке все было куда как легче, теперь без мужской руки дом, когда-то девятилетний Захар дотянется до Мишуки.

При мысли о своем меньшем братишке, который мыкается уж какую неделю в неволе, она прихмурилась, в горло полез тяжкий комок. А потом на сердце стало еще тревожнее, вспомнила Катя, что месячные вовремя что-то не наступили, полтора срока прошло, а их все нету. Ну да это, видно, так, и раньше такое бывало, от всяких переживаний, наверное, или от тяжелой работы, от голодного питания, кто знает. Но раньше она была спокойна, а сейчас-то...

Вдруг ее кто-то резко дернул за локоть. — С-су-учка! — услышала она скрипучий свист и, прежде чем различить, кто это перед ней, по хрипящему голосу узнала Федотью. Та стояла, согнувшись, опираясь обеими руками на костыль. Из-под толстой шали на голове ее виднелся пестрый платок, которым была туго повязана маленькая головка, из-под платка свисали две пряди седых волос, глаза старухи горели желтым огнем, мокрые веки тряслись. — С-сука ты паскудная! Не успела угнездиться, да уж яички несешь!

Смысл этих слов до Кати как-то не дошел, она спросила:

— Чего тебе?

— Лидку дерьмо овечье топтать послала. Не нашла кого, сразу Лидку... Норов свой афанасьевский сразу выказала! — Она приподняла костыль, затрясла им. — Да укоротим уж...

— Чем это ты мне грозишь? — нахмурилась Катя.

— А вот подрастут Артемушкины дети...

Старуха ткнула в грязную снежную жижу костылем, снова оперлась на него обеими руками и, сжигая Катю желтыми глазами, стояла так, часто и тяжело дыша. И Катя некоторое время стояла перед ней молча, будто виноватая. А на самом деле в голове ее именно в этот момент опять всплыли почему-то и заворшились недавние слова Марии о том, что коли прохныкать до вечера, то вечером и совсем есть будет нечего. Только сейчас эти слова ее поразили вдруг большим, важным и конкретным смыслом. «А ведь правда, правда, сев же скоро, а чем сеять, в амбарах семян-то вроде и нету?! — заметались у нее тревожные мысли. — И хоть никакой я не председатель, это так, неизвестно как и получилось, но коли было собрание и бабы

все проголосовали, так ведь надо что-то делать! А то и правда отец-то придет и не похвалит, и Степану как в глаза глянуть...» И она подняла сухие, построжевшие глаза на Федотью.

— Ребятишки его вырастут, понятно... А вот ты, бабка, век прожила, а ума не нажила.

Старая Федотья разжала было высохшие губы, но Катя опередила ее, повысив голос: — Хватит меня стращать! Ступай давай.

И, повернувшись, пошла. Но пошла теперь не домой, а к скотным дворам. Не оборачиваясь, она поднималась на угор, чувствуя, что Федотья так и не тронулась с места, все торчит крючком среди единственной в деревушке улицы, колет зрчками ей в спину.

* * *

Когда Катя зашла на овцеферму, Лидия была еще там, она отбила ягнят от маток, заперла их в небольшой отгороженный тут же, в помещении, закуток, чтобы ночью напуганные чем-нибудь матки не потоптали молодняк. Так всегда и делалось (редкую ночь волки не бродили вокруг скотных дворов), и Лидия делала то же самое. Когда подошла Катя, она затворяла воротца закутка, набросила крючок.

Потом они постояли молча, глядя на ревущих, тыкающихся в стены загородки ягнят. Их было немного, десятков около трех — весь годовой колхозный приплод, и обе знали, что некоторые ягнята до травы не дотянут и погибнут, потому что матки отоцали, молока у них почти нет.

— Может, Катерина, шибко уж слабых коровым попоить, — произнесла Лидия.

— А там тоже телятам не хватает, — ответила Катя.

Лидия была когда-то, видимо, женщиной сильной и красивой, и сейчас она держалась прямо, в больших синих глазах плавал затаенный какой-то свет, который, казалось, сразу же щедро выплеснется на людей, стоит ей лишь улыбнуться. Только Лидия никогда не улыбалась, Катя и не помнит, чтобы со дня появления в Романовке лицо ее хоть на мгновение осветилось. Губы у нее были сомкнуты со дня приезда накрепко, и, казалось, навечно, из уголков губ пролегли вниз глубокие, обиженные складки, которые за последние полтора месяца стали вроде еще глубже и длиннее. Несколько дней назад, когда собралось на собрание, и Катю сделали по воле Дорофеева председателем, Лидия эта зашла в контору одной из последних, встала у самых дверей, лицо ее, одрябшее и усталое, было еще сильнее обиженным, чем обыкновенно. И Катя, пока что-то там говорил Дорофеев, потом размахивал зажатой в кулаке шапкой дед Андрон, все думала: знает или не знает Лидия, за что Мишука убил из берданки ее мужа? Эту причину в деревне вслух никто никогда не называл, и Катя лишь попервоначально смертельно боялась, что о происшедшем в кузне узнают люди, а когда брата засудили, поняла, что как же не знают, раз Михаил таким образом заступился за нее. И неожиданно для самой себя сделалась равнодушной. Когда еще болтали, что она живет с Пилюгиным, тогда все это понапрасну сплетни плели, а теперь вот Катя, не видя выхода, и в самом деле покрыла себя в беспомоществе позором, и пусть теперь все знают про нее с Пилюгиным, и Лидка в том числе. Миша себя не пожалел, а расплатился за ее позор. И все же наперекор всему в тот час собрания в голове больно долбило: знает Лидия или нет? Знает или нет? «Так что же женщины молчите-то? — пробился тогда сквозь звон в голове голос Дорофеева. — Мужская часть высказалась — и Андрон Игнатьевич и товарищ Макеев Петрович...» Вот как, очнулась Катя, и кузнец Макеев высказался. А она не слышала его и не видела. Где ж он? А, вон сидит на подоконнике. А вон Лидка завертела головой, сейчас завопит: потаскушку, мол, зачем нам в председатели! И правильно это скажет и хорошо, что объявит всем это вслух, а то какой из меня председатель... Но Лидия Пилюгина промолчала. «Чего разговоры-то вести? По уму ежели раскинуть — так больше ведь неко-

му, — услышала тогда Катя глухой, усталый голос Василихи. — Одно дело, что она с грамотой, а другое — мы вот все удивляемся, сколько ж сил-то у нее, горемычной! И на колхоз только у нее сил и хватит». «Значит, поддерживаете?» — спросил опять Дорофеев. «Мы ее слушаться будем», — проговорил кто-то под одобрительный шумок остальных женщин. А Лидия Пилюгина так против и не высказалась, и когда все подняли за Катю руки, подняла и Лидия...

...Постояв перед закутком, Катя и Лидия вышли из помещения, остановились перед овечьим загонном, огороженным жердями. Летом сюда овцы помещались на ночь, а всю зиму он пустовал и сейчас еще до конца не вытаял от снега.

Длинный апрельский день стекал за облысевшие холмы, лысины эти были черными, парок над ними уже не курился. Небо, наливаясь тяжелой синевою, меркло и меркло, спускалось все ниже. В самой Романовке, лежащей в холмах, как в мешке, было уже сумрачно, кой-где тускло засвечивались маленькие оконца. Ни одного человека в деревушке не было видно, и если бы не эти унылые огоньки в избах да не рев голодной скотины — нельзя бы и подумать, что здесь теплится еще какая-то жизнь.

Катя и Лидия еще некоторое время скванно постояли у загона, и надо бы поскорее разойтись, но, видно, каждая чувствовала: надо что-то сказать друг другу, да только неизвестно что.

Наконец Катя вздохнула и проговорила: — Меня сейчас сквернов твою... выстрамила. За то, что тебя послала вот на ферму.

— А я видела, — усмехнулась Лидия.

— В отместку, говорит, дерьмо топтать...

— Дерьмо-то это у нее всегда со рта и валится, — угрюмо произнесла Лидия.

После этих фраз между ними стало что-то таять, и та незримая перегородка, которая разделяла их, если не исчезла вовсе, стала тоньше.

— Я все гляжу — тебе не сладко там... у них. — Катя хотела сказать «не сладко с Федотьей», но произнесла сознательно «у них», имея в виду и бывшего мужа.

— Да что об этом говорить, — промолвила с горечью Лидия. — И, чуть помедлив, всхлинула: — Кто бы знал... Кто бы знал, Катерина...

Что знал — она не договорила, но Кате и так было ясно.

— А она меня насквозь прогрызла: радуешься, мол, что мужика-то Афанасьев выродок ухайдакал.

Лидия вытерла тяжелыми пальцами мокроту со щек. И они еще какое-то время помолчали.

Потом Катя деревянным голосом произнесла:

— А я думала, ты меня вилами запорешь.

— Это Артемия бы надо, паразита, — откликнулась Лидия, повернувшись к Кате, подняла на нее глаза. — Раньше я вот на тебя зазря грешила, ты уж прости. А сейчас другое тебе совсем скажу — не терзайся ты этим... У тебя и без того горя невпрохлеб. А я что ж... мне вот моих детишек только жалко.

Брови у Кати дрогнули, она отвела взгляд. А Лидия сердито вскинула голову:

— Да не потому, что сироты... А потому, что Пашку вот Федотья давно научила тож дерьмо изо рта вываливать. Малец, а злющий уж на людей, как хорек. Сонька — та хоть и меньше, да как-то не поддается ей. Да все равно, карга старая, доколотится своего, сгубит и ее всю душу.

— Так, Лидия... Ты бы как-то пресекала все это.

Пилюгина только головой качнула:

— Э-э, разве я не делаю? Да без толку все. Не умею, видно... Ну ладно, заболтались. Пошли, что ли.

* * *

Подходя к своему дому, Катя думала: за сегодняшний день вот сперва счетоводиха Марушня, а сейчас Лидия открылись каждая с новой и невидимой ей никогда стороны. И вообще за последние дни происходит

что-то странное, непонятное, была она ни-кто-никто и вдруг сразу — на место Пилюгина, самого страшного для нее на земле человека. Но Пилюгина теперь нет, за это Мишуха, добрый и щедрый сердцем ее братишка, заплатил такую цену. А древняя Федотья, ишь, пригрозила, цена, мол, не вся, вот подрастут Артемушкины дети... Да и правда, все может еще эхом гремучим отозваться, недаром даже Лидия сказала про Пашку своего: малец, а злоющий уж на людей, как хорек. Господи, как жутко жить на земле одной! Мишка-то когда теперь вернется, через вечность. Ну, да вроде война за перевал перёвалила, отца и Степана она дождетя, и сразу поведут они тут всю жизнь, как раньше, что тогда там Пашка Пилюгин, дряхлая эта Федотья или кто другой? А покуда, правду сказала счетоводиха, надо стиснуть зубы да жить...

Ребятишки ее встретили, как всегда, терпеливым и голодным блеском глаз, но, как и всегда, чугунок со сваренной картошкой стоял на шестке нетронутый. Такой уж был порядок, ужинали только вместе. Чтoб картошка не остыла, Захар обмотал чугунок старой тряпкой.

— Че так долго-о? — пискнула Зойка. — Ишь охота.

— Ты — сыт! — прикрикнул на нее Захар, разматывая чугунок. — Ровно маленькое. Мало теперь у мам-Кати делов-то!

Катя разделась, погладила Зойку по голове.

— Вы ужинайте. А я не хочу.

— Как же не хочешь? — удивился Захар.

— Правда. Устала шибко. Я вот лягу. И мое съешьте. Разделите поровну.

Лежа под рваным одеялом, Катя чувствовала, как кружится голова, все слышала голос Захара: «Мало теперь у мам-Кати делов-то!». И в сердце, во всей груди ее тупо ныло, мозг больно просверливалось: вон даже дети как про нее думают, а бна... Господи, да ведь надо начинать с чего-то! А с чего? А Марунька, дура, придумала контору белить, не подождала бы эта контора. Что теперь бабы-то скажут...

Засыпала она медленно и трудно, долго еще сквозь тяжкую, словно угарную, дремоту пробивались у Кати разные мысли, никак не связанные одна с другой. Правда, думала она, надо завтра сразу все семенные суеки проверить... Оголодали дети, и картошка кончается... Господи, когда письма-то от отца со Степаном придут?.. Отец перед севом в МТС всегда ездил. Ей, что ли, съездить? А зачем, что там говорить?.. Марунька-то что сказала — и дальше горюшка не убудет, не надейся. Че это она? И глаза отворачивала... Кузнец-то Петрован после собрания вроде как сгинул, на глаза не попадался. Что он? Да нет, вроде стучал в кузне... Картошки займы у кого-то попросить. Да молока детям хоть бы по стакану в день как-то надо... «Не успела угнездиться, да уж яички несешь». Гадюка прямо, как Лидия с ней живет?.. Вернется Степан с войны, как ему объяснить про то... чего Пилюгин с ней сделал? Господи, разве поймет он?! Мужики такого не понимают никогда... А в энтэзе узнать — на их поля какие трактора будут? Сколько? Да ить это все как-то еще Пилюгиным, должно быть, договорено меж МТС и колхозом, надо все узнать... И в пастухи вот какую-то бабенку выделить, чтоб готовилась. А к ней подпaska. Может, Захарку? А тогда кто с детьми будет? А Степан, ежели не поймет, то и пусть. То и пусть... Сколь ягнят-то еще попадает, хоть бы половина выдюжила. Скорей бы сопки обтаяли. И скотина и детки всякую зелень щипать начнут...

Мысли эти одна за другой пробивались откуда-то в уставший мозг, всплывали из небытия, как щепки из бездонной пучины, а потом больно разворачивали все под черепом и, сделав свое жестокое дело, исчезали, тонули, как тяжелые камни в мутной воде.

Уж нет-нет да сознание оцепенело, Катя провалилась в глухой сон, отключившись на время от тяжелой действительности.

Продолжение следует.

САМООТВЕРЖЕННЫЙ ПОСТУПОК ШКОЛЬНИКА

Второклассник тамбовской школы № 18 Коля Кузнецов после уроков возвращался домой. Поднимаясь по лестнице, вдруг почувствовал запах дыма. Где-то пожар? Быстро открыл дверь в свою квартиру и... отшатнулся. Сквозь клубы дыма пробивались языки пламени. Горели занавески, гардероб...

Где сестренка и братишки? Как их найти в этом дыму? Парнишка бросился в охваченную пожаром квартиру. Обшарил все комнаты и, наконец, нашел шестилетнюю Машу, четырехлетнего Женю и годовалого Сашу. Они всхлипывали, забившись в угол. Недолго думая, Коля сорвал с постели одеяло, закутал в него малышей и волоком вытащил на лестничную площадку. И тут только догадался позвать на помощь. На крики прибежал рабочий машиностроительного завода В. С. Глинин и вызвал пожарную охрану.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 июня 1979 года за отвагу и самоотверженность, проявленные при спасении детей во время пожара, Николая Кузнецова наградили медалью «За отвагу на пожаре».

Т. МАТЮШЕНКО

Тамбов.

Я воспитала двоих детей — сына и дочь. Сын относится ко мне хорошо, а вот с дочерью у меня очень плохие отношения.

До 8 лет она росла в нашей семье единственным ребенком. Все в доме было ТОЛЬКО для нее. После десятилетки она решила стать юристом. Мы сделали все, чтобы помочь ей поступить на юрфак. Отпустили ее одну, семнадцатилетнюю, не решились. Пришлось мне вместе с девятилетним сыном ехать с Дальнего Востока в Алма-Ату. Пока она училась, мы с сыном оставались с ней рядом. А муж не стал ждать меня, взял да женился. Трудно нам тогда пришлось, но я утешала себя мыслью: «Вот дочь окончит университет, будет юристом — обществу польза, и меня отблагодарит».

Что же получилось? Эгоизм задушил в ней все человеческое. Со своими сослуживцами и окружающими держится высокомерно. Личная жизнь у нее сложилась неудачно — осталась одна с ребенком. Я понимаю, что ей нелегко, но помочь ей я не могу. Мне 68 лет, я еле-еле хожу, работать уже не могу. Получаю пенсию 45 рублей. А она постоянно требует у меня деньги. А вчера сказала: «Что-то ты часто домой заходить стала, в сарае ешь и пей».

Они с внуком питаются от меня отдельно. А ведь в Конституции сказано, что дети должны помогать родителям.

Уважаемая редакция! Я уверена, что таких эгоисток не я одна воспитала. Многие просто скрывают правду, стыдятся рассказать о своей горе, терпят, молчат. А я решила поделиться своими переживаниями, облегчить свою душу. Уж очень велика и горька материнская обида.

Может быть, мое письмо убережет других матерей от ошибок, поможет избавиться от слепой материнской любви, которая непременно порождает эгоизм.

И все-таки виновата я сама: не сотвори себе кумира.

С. А.

Я — ЗА ТРУДОВОЕ ВОСПИТАНИЕ

Прочитала очень интересную статью В. Пронина «Второе счастье?» в № 28 журнала и не могла удержаться, чтобы не написать. В печати много раз обсуждалась тема: какими воспитывать детей — честными, правдивыми или угодливыми и пронирыливыми.

Мое детство прошло во время войны, молодость — в тяжелые послевоенные годы, отец погиб, мать одна воспитала нас. Брат у меня заслуженный колхозник, одно слово — труженик. Я тоже всю жизнь работаю и воспитываю четырех детей. Три дочери уже взрослые, самостоятельные, работают, а сыну одиннадцать лет. Детей я воспитывала трудно и никогда ничего лишнего им не покупала, говорила так: «Будете сами зарабатывать, будете и сами покупать, что хотите». Учились все очень хорошо, за всех мы с мужем получали только благодарности. Живем мы в своем доме, все необходимое есть. А ковров и

других излишеств нет, я считаю, что они не обязательны.

Ковры, шубы — все эти вещи не дают настоящей радости. У меня дочь меньшая только что окончила курсы машинисток и столько грамот, наград получила, что я плакала от счастья. На ней было скромное платье в горох, а она вся светилась от похвал. Вот это истинная радость. Неужели не могут понять родители, что вещи губят детей? Не покупайте им с первого класса лаковые туфли да дорогие шубы, а требуйте хороших оценок да побольше заставляйте работать. У нас девочки с 5-го класса все каникулы работали в колхозе и были очень довольны. А когда мою среднюю дочь послали в колхоз (она экономист в г. Кирове), она смогла проявить себя везде: и в поле и на ферме. Вот цена трудового воспитания.

Н. БЕРЕЗНЕВА

Новороссийск,
Гайдук.

ГЕРМАНСКОЙ
ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКЕ
ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

В И Д

НА УНТЕР-ДЕН-ЛИНДЕН

Юрген ЕССЕЛЬ

«Немцы нам больше не враги. Никакой пощады фашистам, но никакой мести немцам. Они будут тяжело работать, пока снова не встанут на ноги. И мы им в этом поможем». Такие слова прозвучали в советской воинской части наутро после боя в один из последних дней войны.

На самом деле помощь началась не утром после последней перестрелки, а задолго до этого. Весной 1945 года — было 23 апреля — Гитлер сидел в своем бункере и кричал, сотрясаясь от истерических приступов, что немецкий народ не стоит того, чтобы выжить. В этот понедельник вышел приказ № 5 по 1-му Белорусскому фронту. Всем частям вокруг Берлина предписывалось после взятия города организовать охрану всех продовольственных запасов и раздавать населению продукты по ранее существовавшим нормам. 470 офицеров откомандировала Красная Армия с одним-единственным заданием: позаботиться о снабжении жителей Берлина. Две тысячи военных машин перевозили в город продукты, преимущественно из армейских запасов.

Так было — с первого черпака борща из полевой кухни для голодных немецких детей до принятия ГДР в ООН. Нет ни одной страницы в нашей истории, которая не была бы написана вместе с Советским Союзом!

...В горячей дискуссии «О русских и о нас», которая началась в 1948 году с газетной статьи и затем долго продолжалась, один советский офицер сказал: «Большинство немцев начало думать о русских самое раннее пятого мая 1945 года. Мы о немцах начали думать самое позднее в июне 1941 года».

Правдивые слова. Но была группа немцев, не считая антифа-

шистов, к которым эти слова не относились, — военнопленные. Они начинали маршировать с песнями: «Сегодня нам принадлежит Германия, а завтра — весь мир». Разучившиеся думать, едва ли они задавались вопросом: что в Германии им действительно принадлежит? Маршируя к Волге и Кавказу, они уже в первую зиму поняли: легкой, «молниеносной» войны не будет. За что они проливали кровь и мерзли, многие и не подозревали. Чтобы узнать это, они должны были попасть в плен.

В США война не разбила ни одного оконного стекла. Там были рады избавиться от пленных немцев, ненужных нахлебников. Многие из них возвращались домой в новеньких форменных кепи, какие носили американские солдаты. Но что творилось под кепи?

Советский Союз не раздавал новых пилотов. Его больше интересовало, что происходит в головах немцев. Он старался разогнать туман в умах тех, кто пришел врагом на его землю. Не все добросовестно выучили свой урок. Многие его потом снова забыли. Но многие воспользовались предоставленным шансом и в советском плену освободились от иллюзий, прозрели. Такими они пришли домой — полными решимости не позволить злоупотребить собой еще раз, знающими, как этого избежать, и способными создать государство, о котором они по праву смогут сказать, что оно принадлежит им.

После войны западногерманские политики и газеты взяли моду называть жителей ГДР «братьями и сестрами». Столь трогательное родственное обращение сопровождалось обычно словечком «бедные».

Мы были бедны не только из-за войны. Еще когда шла стрельба, один американский деятель предложил превратить всю Германию в картофельное поле. Если бы эта идея и осуществилась, на востоке Германии мало что изменилось бы. В год своего основания ГДР имела один металлургический завод с четырьмя устаревшими доменными печами, в то время как в ФРГ было более 120 современных домен!

До войны на территории, которая вот уже три десятилетия называется ГДР, производилось 1,3 процента чугуна, 2 процента каменного угля, 7 процентов стали, 32 процента машиностроения. Это в масштабах всей Германии. Чтобы выжить, республика как раз больше всего нуждалась в том,

чего она меньше всего имела. Об этом, конечно, знали хозяева западногерманских сталелитейных заводов и угольных шахт. Поступили они так, как и следовало ожидать: они пытались задуть ГДР, порвав договоры о поставках и значительно сократив приток сырья. Однако убить, как Каин убил своего брата, они нас не убили. Но разве это их заслуга?

Историю нельзя записать в акт как законченный процесс, историческое наследие нельзя отвергнуть.

Из 39 тысяч немецких учителей в советской зоне оккупации 28 тысяч раньше были членами нацистской партии, остальные, разумеется, тоже не были активными противниками Гитлера. Одним словом, после войны нужно было найти почти сорок тысяч новых учителей. И их нашли.

Учителей можно было заменить, учеников надо было брать такими, какие есть, и даже самый хороший педагог не смог бы за один урок выкинуть весь мусор из голов своих питомцев, чтобы расчистить место для Павла Корчагина и Зои Космодемьянской.

Но постепенно семена давали всходы, и именно молодые люди с пустым желудком, в нетопленных комнатах начинали задавать вопросы: откуда берется война? Ответ на эти вопросы дала партия, партия немецких коммунистов.

Потом молодые люди пришли на стройки тех первых лет. Что их туда тянуло? Они жаждали приключений? Возможно. Наделись заработать большие деньги? Предположим. Но самым важным было другое: там, на стройках, они почувствовали свою ответственность. Долгое время они жили только сегодняшним днем. Смысл жизни заключался лишь в том, чтобы выжить: пережить бомбежку этой ночью. Потом, когда уже больше не стреляли, — раздобыть горсть картошки на обед и пару брикетов угля. И вот партия сказала: «Все зависит от тебя! В этом году — плотина, в будущем — сталелитейный завод. И еще: ты должен научиться думать. Думать и смотреть вперед. На два года, на пять лет, на десять лет вперед». Вот тут молодые подняли головы. Жизнь их приобрела смысл, нормальный человеческий смысл. Тогда молодые люди об этом не говорили. Но так было.

Осенью 1949 года — ГДР только что родилась — одна западногерманская газета писала: «Эта так

называемая ГДР, чье экономическое существование покоится буквально на руинах, едва ли доживет до 1950 года и, во всяком случае, не переживет его».

В том же 1950 году, а точнее, 18 августа, недалеко от городка Фюрстенберг-на-Одере министр Фриц Зельбманн вместо того, чтобы вынуть традиционную первую лопату земли, срубил сосну. Вокруг был лес, картофельные поля и много песка. Между деревьями ветер раскачивал транспарант: «Металлургический комбинат Ост». Западногерманская фирма бралась построить доменную печь за два года. ГДР с помощью Советского Союза построила две печи за один год. И там, где не было ни одного дома, вырос город.

Министр Зельбманн не случайно выбрал именно 18 августа: в этот день шесть лет назад в концентрационном лагере Бухенвальд был убит Эрнст Тельман. Фашисты хотели предать смерти всю партию и все дело Тельмана.

...Трудно, пожалуй, найти улицу, которая видела бы столько исторических событий, как Унтер-ден-Линден в Берлине. Здесь в марте 1848 года прусская военщина, напуганная революцией, расстреливала демонстрации трудящихся; здесь в ноябре 1918 года патрулировали вооруженные рабочие и матросы; здесь 30 января 1933 года с триумфом промаршировали гитлеровские штурмовики, а летом 1940 года после похода во Францию прошел победоносный парад через Бранденбургские ворота.

И на этой улице октябрьским вечером 1949 года молодежь праздновала создание немецкого государства, решившего окончательно и навсегда порвать с темным прошлым. Правда, до того по Унтер-ден-Линден должны были пройти советские солдаты и водрузить на Бранденбургских воротах алое знамя.

Молодые люди, которые шли с факелами в этот прохладный осенний вечер, едва ли подозревали, сколько камней и преград они встретят на своем пути в будущее. Камни, которые оставили после себя Гитлер и его война, камни, которые враги новой Германии будут специально громоздить на этой дороге. Пожилой человек с седой головой, стоявший на трибуне возле университета, бывший столяр, коммунист всю свою жизнь, избранный в этот день первым президентом первого немецкого рабоче-крестьянского государства, — Вильгельм Пик и его партия не строили иллюзий. Они знали врага и знали, с кем имели дело.

На Западе предсказывали: у молодого государства нет никаких шансов выжить. Предсказатели колебались между тремя неделями и шестью месяцами. Больше всего им хотелось собственными руками задуть эту республику нищих еще в колыбели. Когда ГДР была принята в ООН, «Нью-Йорк таймс» назвала эту дату поворотным пунктом и писала о «конце одной эры». Несколько запоздалое признание! Вильгельм Пик уже в октябре 1949 года говорил о поворотном пункте в немецкой истории — в истории Европы. И вот ГДР уже в тридцатый раз справляет свой день рождения. И, разумеется, непременно на улице Унтер-ден-Линден!

У Гюнтера Юнкера мужественное загорелое лицо, открытый, прямой взгляд, большие, привыкшие к труду руки крестьянина. В селе каждый на виду, и все знают, что он не только отличный работник, но и хороший семьянин: жена, трое детей. Живут дружно, любят и уважают друг друга. Такому человеку поверишь сразу. И неудивительно, что постоянно идут к нему люди: кто посоветоваться, кто за помощью, кто с жалобой на неполадки, а кто просто поговорить по душам.

Гюнтер Юнкер — секретарь парткома растениеводческого кооператива «Зеефельд». Коммунисты кооператива впервые избрали его своим парторгом еще в 65-м и с тех пор выбирают бесменно. «За свой рабочий день, который летом начинается в половине шестого утра, он успевает сделать так много, что хватило бы на целое учреждение», — сказал нам о своем парторге один из коммунистов кооператива.

Уже потом, наблюдая за Гюнтером Юнкером, за тем, как он контролировал работу комбайнеров, сушильной установки, как во время обеда в поле беседовал с коммунистами, как незаметно помогал советом молодым рабочим, стало ясно, что наш собеседник ошибался: никакое учреждение, никакая канцелярия никогда не заменят одного преданного делу человека, коммуниста!

А по профессии Гюнтер Юнкер садовод, у него диплом инженера по садоводству.

— Кооператив наш как специализированное растениеводческое хозяйство существует всего два года, — рассказывает парторг. — Он создан почти сразу после девятого съезда Социалистической единой партии Германии, принявшего программу дальнейшего построения развитого социалистического общества в ГДР. Осуществить эту программу невозможно без прочной материальной основы, в том числе без интенсификации сельского хозяйства республики и создания крупных специализированных предприятий на промышленной основе. Именно таким предприятием стал наш кооператив. Если раньше мы занимались всем понемногу, начиная с животноводства и кончая выращиванием овощей, то теперь наше дело — хлеб, картофель, ячмень, корма. Выбор специализации связан и с традициями и с землей, которая особенно хорошо родит эти культуры.

Мы беседуем в просторной светлой столовой кооператива, которая служит одновременно и клубом. Уютные мягкие кресла, цветы на столах, нарядные вышитые салфетки. Здесь можно вкусно пообедать, а вечерами потанцевать.

— У нас много молодежи, и такой вечерний клуб просто необходим, — говорит Гюнтер Юнкер. — Всего в кооперативе четвереста пятьдесят человек, из них больше семидесяти совсем молодых девушек и юношей. Недавно мы купили звукоустановку для дискотеки, чтобы было уют-

нее, повесили маленькие цветные лампочки.

Здесь же бывают лекции, самодеятельные спектакли, в которых с охотой принимает участие не только молодежь, но и люди постарше. Вообще в Зеефельде, как мы узнали, есть немало заядлых театралов. Кооператив имеет постоянный абонемент в городские театры. На спектакли и после них домой развозит людей автобус.

Товарищ Юнкер предлагает нам проехать на поля, посмотреть хозяйство «Зеефельда». Аккуратные

следования, что внедрено за последнее время.

— В основном исследования касаются семеноводства, — отвечает агроном. — С опытной станции мы получаем семена новых сортов пшеницы, ячменя и других культур. Мы их испытываем и размножаем. А потом они расходятся по республике и даже попадают за рубеж, в том числе и в Советский Союз. А из новинок техники к тридцатилетию республики нами внедрена сушильная установка и новая установка орошения. В установке для орошения интерес-

и девушки проходят в кооперативе двухгодичное спецобучение. В первый год слушают лекции по проблемам сельского хозяйства, во второй — занимаются практикой на полях. Это будущие агротехники, механизаторы, садоводы. Во время уборки мы даже доверяем им весьма серьезную технику. Да вот вы сейчас увидите сами, как они работают на комбайнах.

Останавливаемся на пригорке. Отсюда хорошо видны поля с наступающими на созревшие хлеба мощными комбайнами.

ТРОЕ ИЗ «ЗЕЕФЕЛЬДА»

двухэтажные и одноэтажные домики под черепичными крышами прячутся в зелени садов. Особенно хороши в этом году яблоки — урожай небывалый. В домах побольше живут по четыре семьи, поменьше — две. Много индивидуальных коттеджей.

Гюнтер ловко ведет свой «Вартбург». Добрый в этом году выдался урожай, осень словно вобрала в себя свежие ливни весны и знойную пышность запоздалого лета. На полях, где урожай уже убран, пасутся овцы.

— За кооперативом осталось две тысячи овец, так сказать, для местных нужд, — рассказывает нам главный агроном по химизации Роланд Кюнляйн, — мы пускаем их на поля, пусть подкисят остатки. Ничего не должно пропасть.

Роланд Кюнляйн едет с нами. Нет, не похож он на главного агронома кооператива. Худенький, синеглазый, с черной модной бородкой, в джинсах и зеленом джемпере, он кажется слишком юным для такой ответственной должности. Но уже с первых минут разговора понимаешь, как любит и как глубоко знает свое дело молодой агроном.

Счастливы те, кто нашел себя в детстве. Любовь к земле, к сельскому хозяйству у Кюнляйнов семейная, хотя жили они не в деревне, а в древнем Дрездене. Отец Роланда был агроинженером, преподавал в школе, работал в сельскохозяйственном отделе окружного совета. Мать — тоже специалист по агротехнике. А Роланд с первого класса мечтал стать агролетчиком. Окончил он школу с сельскохозяйственным уклоном, но в летное училище не прошел по здоровью. Со строгой медицинской комиссией не поспоришь. Поступил учиться в Берлинский университет имени Гумбольдта, чтобы стать агроинженером, как отец.

Друзья Роланда посмеиваются, что у него весьма своеобразное хобби — все свое свободное время он отдает... сельскому хозяйству. Собрал великолепную библиотеку по агрохимии и биологии, ездит в Берлин и другие города слушать лекции о новинках в этих областях и все новое применяет в своем хозяйстве. Словом, повезло кооперативу с главным агрономом по химизации!

Мы спрашиваем о том, как ведутся в кооперативе научные ис-

но то, что она использует отходы воды из города. Специальные приборы очищают воду, которая за ночь набирается в отстойниках. Утром она идет на поля.

— Сейчас все в кооперативе подчинено одному — в срок и без потерь убрать урожай, — говорит Юнкер. — На полях работаем в три смены. Пшеницы возьмем по тридцать — тридцать пять центнеров с гектара. Неплохо, но бывало у нас и по тридцать восемь с половиной. Дождей было много, запоздало лето. Но зато картофель и ячмень хоть куда.

— Что вас особенно тревожит сейчас? — спрашиваем мы парторга.

— Ох, всегда тревога одна и та же: погода и запчастки. Получу я из-за них когда-нибудь инфаркт! — с шутивым отчаянием говорит он. — Даже ночью думаю о погоде и запчастках. — И уже серьезно продолжает: — Еще была проблема задержать молодежь в селе. Нам это удалось: теперь даем работу и жилье. Растим свои кадры — в кооперативе три десятилетия. Недавно мы организовали новый отдел, ведающий подготовкой молодых специалистов. После десятилетки ребята

— Красиво идут! — с гордостью говорит Гюнтер Юнкер.

Направляемся через поле к одной из машин. Товарищ Юнкер делает знак комбайнеру остановиться. Мотор смолкает, и на землю прыгает светловолосый семнадцатилетний паренек. Даже не верится, что это он управлял сейчас так красиво идущей машиной.

Ганс Фродель — один из лучших учеников механизаторов. Отец его тоже специалист сельского хозяйства — директор соседнего народного объединения. И Ганс мечтает поступить в сельскохозяйственный институт.

Мы говорим, что залюбовались его отличной работой. Юноша краснеет от похвалы.

— Это меня научила фрау Тиман. Она преподавала землеобработку, — говорит он и с мальчишеской гордостью прибавляет: — А сейчас я работаю с Манфредом Бидером — нашим самым лучшим бригадиром!

— Будущее республики, за работу, перекур окончен! — подает голос Манфред Бидер, и мы понимаем, что интервью с третьим нашим знакомым из «Зеефельда» окончено.

Гюнтер Юнкер, секретарь парткома кооператива «Зеефельд».

ИХ ИЗБРАЛ НАРОД

**Л. ЛЕРОВ,
фото А. НАГРАЛЬЯНА,
специальные корреспонденты
«Огонька»**

В СТРОЮ!

Дворец строила вся республика, может, поэтому и назвали это великолепное здание, поднявшееся в центре Берлина, Дворцом республики. Здесь заседает Народная палата ГДР — высший орган государственной власти.

...Лифт поднимает на пятый этаж. Навстречу мне шагает человек с глубокими приметами времени на лице, но с удивительно молодыми глазами. Не скажешь, что ему 82 года.

Его биография — это биография рабочего класса Германии, рассказ о героических классовых битвах, боевых революционных традициях немецкого пролетариата, что и поныне живут в делах тех, кто строит сегодня новую жизнь. Человек этот — Ганс Ендрецкий, председатель фракции Объединения свободных немецких профсоюзов (ОСНП) в Народной палате.

— Как я стал коммунистом? — Он задумался и не сразу ответил.

— Я был одним из одиннадцати детей в бедной рабочей семье, обитавшей на севере Берлина. С утра разносил газеты, помогая матери, а после школьных занятий был просто мальчиком на побегушках. Дома я прислушивался к жарким спорам отца с друзьями. Отец мой, рабочий типографии, был социал-демократом и профсоюзным деятелем. В двенадцатом году его принесли домой израненного саблями — за участие в антивоенной демонстрации. Вот тогда я начал понимать, кто есть кто...

Вместе с отцом он ликовал, когда в 1912 году социал-демократы направили в рейхстаг 110 депутатов.

— Тогда мы еще не понимали, что ликовать рано, не понимали, что правые вожди социал-демократов оправдывали ориентацию на парламентскую борьбу, уводили рабочих от классовых битв с империализмом. Это была увертюра к искусно разыгранной позе «опере» — 4 августа 1914 года социал-демократическая фракция в рейхстаге голосовала за военные кредиты кайзеровскому правительству. Таков был первый урок, преподанный мне и отцу, — что такое буржуазный парламентаризм. А потом война, незабываемый год 1918-й. Я стал коммунистом, и отец тоже. Он был в партийной группе, возглавляемой Вильгельмом Пиком.

...60 лет в строю борцов за дело рабочего класса. Ученик Тельмана и Пика, он стойко выдержал все испытания тюрьмами, концлагерями.

Я беседую с ветераном в его рабочем кабинете, а у меня такое ощущение, будто Ендрецкий стоит на трибуне, он говорит страстно, воодушевленно, энергично жестикулируя. Ему не раз приходилось сражаться с «рыцарями» буржуазной прессы и их хозяевами. Спорил он яростно, ожесточенно. Особенно когда речь шла о демократии, народовласти. Ссылался на Советский Союз, ГДР, на свою жизнь.

— Еще до прихода фашистов к власти мне довелось представлять Компартию Германии в прусском ландтаге. Когда коммунисты требовали от парламента амнистии политзаключенных, выступили в защиту безработных, против ликвидации демократических свобод, на нас обрушились фракции всех партий, включая социал-демократическую. Несмотря на мою депутатскую неприкосновенность, особый суд упрятал меня на шесть месяцев в тюрьму.

Сколько раз меня лишали слова или вовсе не давали его — бунтарь! Это когда прусский ландтаг принимал закон о разоружении красных фронтовиков. Заметьте — фронтовиков, а не фашистов, гитлеровцев.

На депутата нападали фашистские молодчики. Порвали ухо, перебили нос... Но когда с трибуны ландтага раздавался голос протеста депутата Ендрецкого, его укоряли: «Вы забываете о демократии».

— С подобным заявлением встречаются сегодня коммунисты в ФРГ, — замечает он.

А какая сила убежденности в словах Ганса Ендрецкого, разоблачающего тех, кто пытается оклеветать дружеские отношения ГДР и СССР!

— Созидая развитое социалистическое общество, мы имеем бесценное преимущество — опираемся на братскую помощь и опыт Советского Союза! Идеи взаимного доверия, политической сплоченности наших партий, нерушимого единства глубоко укоренились в умах и сердцах более двух миллионов коммунистов ГДР, большинства ее граждан. Продвигаясь вперед, республика пользуется компасом, проверенным Октябрем.

Мой собеседник считает нужным напомнить, что руководящей политической силой строительства развитого социалистического общества в ГДР является Социалистическая единая партия Германии, марксистско-ленинская партия рабочего класса и всего трудового народа.

— К испытанным принципам ее политики, — подчеркивает Ендрецкий, — относится сотрудничество с четырьмя другими демократическими партиями, представляющими различные слои населения. В Народной палате — депутаты от всех пяти партий и четырех крупных общественных организаций, среди которых на первом месте профсоюзы.

ОСНП, — продолжает он, — имеет свою фракцию в Народной палате и обладает правом вносить на ее рассмотрение законопроекты. Мы внесли на обсуждение Народной палаты проект Кодекса законов о труде. Несколько месяцев более пяти миллионов человек обсуждали его на заводах и фабриках. Они внесли почти 148 тысяч предложений и замечаний, из них 39 553 были учтены при подготовке окончательного текста Кодекса.

Депутат Народной палаты Ганс Ендрецкий часто бывает у своих избирателей в Нойбранденбургском округе. Молодежь расспрашивала его о Договоре ОСВ-2, делилась впечатлениями о фильме «Великая Отечественная» — это не должно повториться. Он беседовал с крестьянами прямо на пастбище, с рабочими — в цехе, у станков.

— Были жалобы, просьбы, трудные вопросы. Я должен на все ответить! По совести! Депутат обязан откровенно высказываться и откровенно требовать.

...В 1948—1953 годах Ганс Ендрецкий возглавлял партийную организацию Берлина.

— Вы знаете об «активистах первого часа»? — спросил он меня.

— Да, я беседовал с ними и весной сорок пятого, когда был в Берлине в качестве военного корреспондента, и в сорок шестом. Я видел стены с пустыми окнами, рухнувшие мосты, искореженное железо, руины центра столицы, немецких детей, которых кормили наши солдаты...

— И немцев, — продолжал Ендрецкий, — начавших строить новую жизнь, немцев, которые не успели снять полосатые робы с тю-

ремным номером! С помощью Советского Союза «активисты первого часа» строили дома, заводы, школы, а главное, искали путь к искорененной фашизмом душе немца. Они учили его вновь думать, трудиться во имя добра. Шел труднейший процесс перевоспитания, основательного преодоления прошлого. Мне в ту пору очень помогли опытные советские коммунисты. Они были рядом...

Ендрецкий называет их имена, рассказывает, какой волнующей была встреча с ними в Москве — он приезжал с делегацией на празднование 60-летия Октября.

— Если увидите кого-нибудь из них, скажите, что Ендрецкий по-прежнему в строю, укрепляет народную власть в ГДР.

ХОЗЯЙКА ГОРОДА

Среди многих фактов, приведенных Гансом Ендрецким в нашей беседе о народовласти, был и такой: в ГДР каждый четвертый бургомистр — женщина! Я поехал к одной из них, поехал в районный центр Потсдамского округа, в Хенигсдорф. Ему 600 лет, он живописно раскинулся на берегу реки Хафель. На месте рыбацкой деревни вырос индустриальный город с двумя крупными комбинатами. На одном варят сталь, на другом строят локомотивы.

Среди новых улиц — Рижская и Волгоградская. Так их пожелали назвать сами жители. От здешних строителей электропоездов крепкие нити дружбы, научно-технического сотрудничества тянутся к рижанам, а от металлургов — к волгоградцам. Часто ездят друг к другу в гости, часто встречаются, чтобы вместе решать сложные технические задачи. Город быстро растет, новые микрорайоны строятся так, чтобы лес органически вписывался в жилые кварталы — рубить деревья бургомистр не позволяет! А бургомистр тут — милостивая, улыбающаяся, спортивная сложения Моника Вернер. Она депутат Народной палаты.

— Вы здешняя? — спросил я.

— Нет. Я родилась в рабочей семье под Лейпцигом незадолго до начала войны.

— А каким ветром вас занесло сюда?

Она улыбнулась.

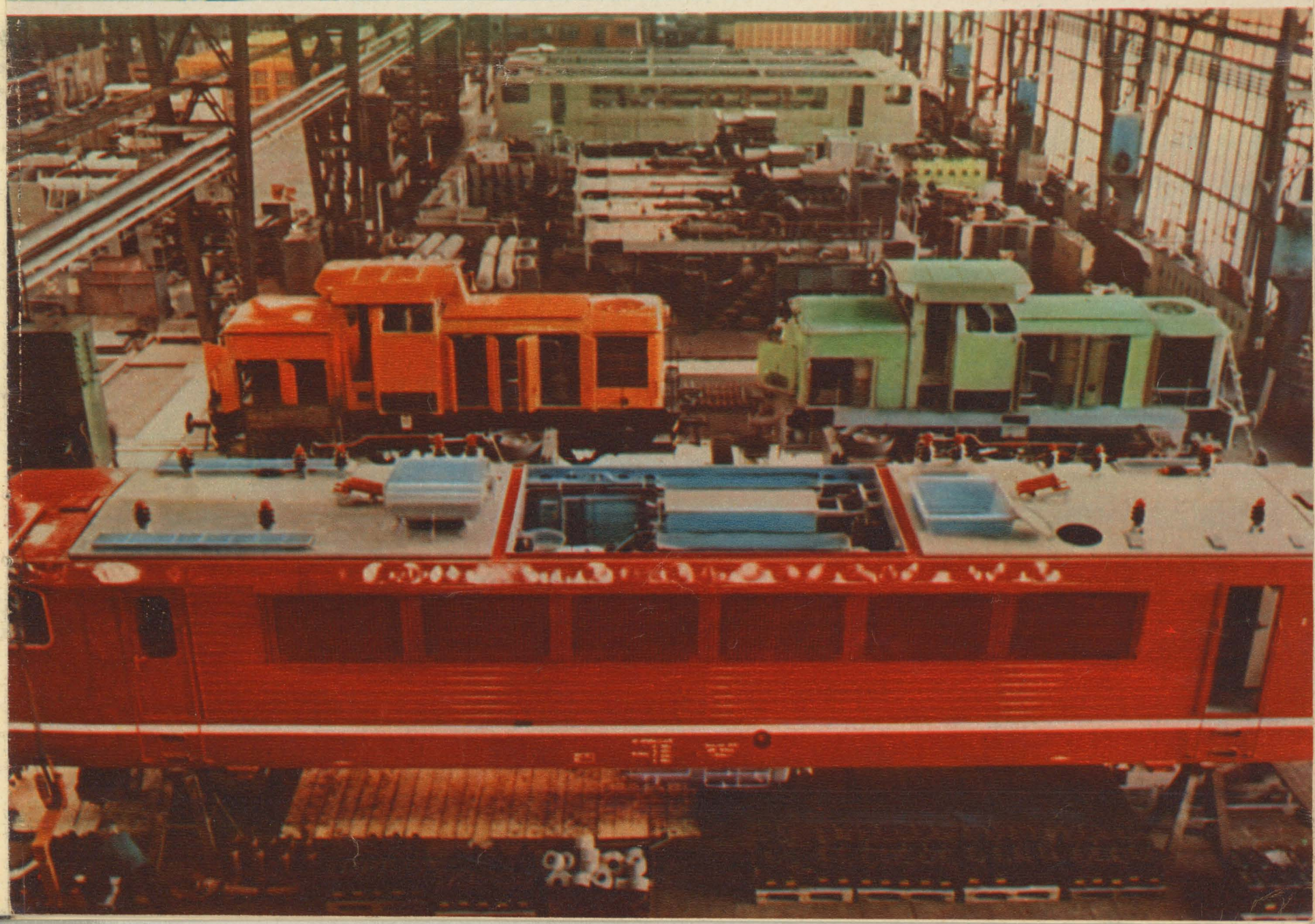
— Этот ветер зовут любовью... Я уже была членом партии, окончила институт, получила диплом экономиста. И вот встреча с Дитером из Хенигсдорфа, мастером локомотивостроительного завода.

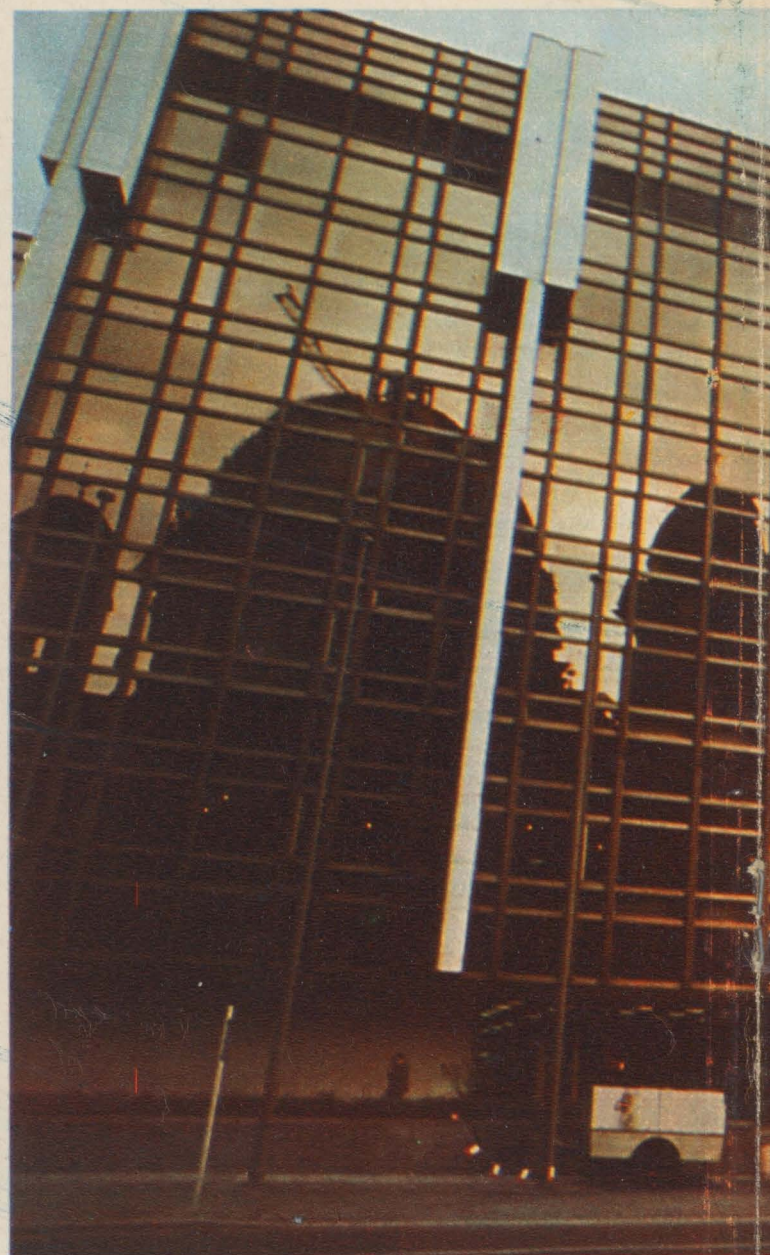
Пожилились, а жили в разных городах. Кто-то из нас должен бросить отчий дом. Кто? Меня не отпускали — я секретарь большой молодежной организации. И работа по профессии была очень интересная. Но любовь есть любовь. Я

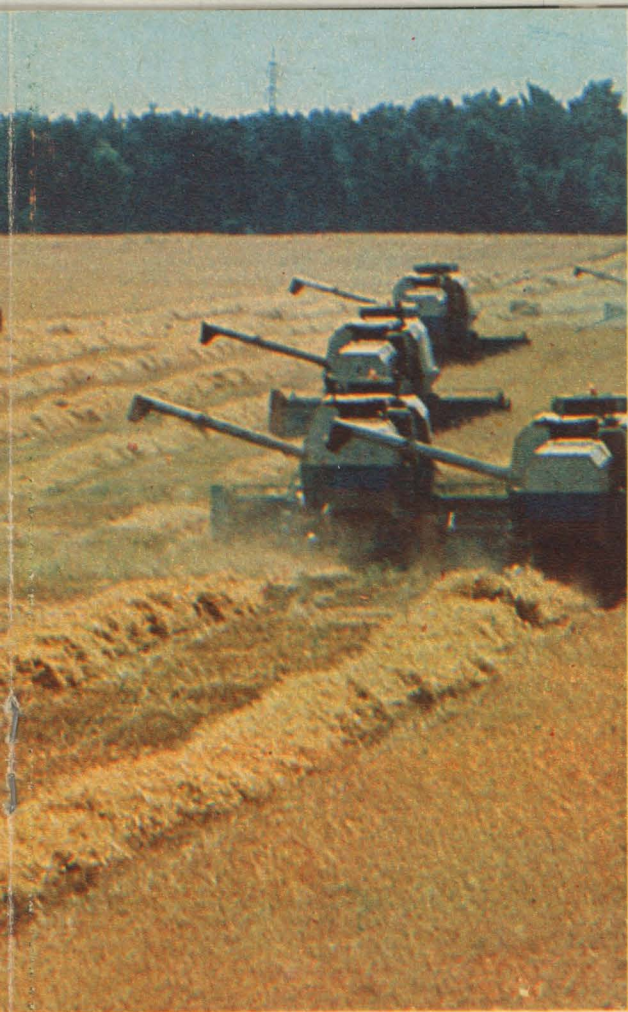
Идет последняя проверка ЭВМ, изготовленной на дрезденском комбинате «Роботрон». * Хенигсдорф. Сборочный цех локомотивостроительного и электротехнического завода имени Ганса Баймлера.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛ'АДКИ:

Удо Такк строит новый район Берлина — Марцан. * Страда на полях сельскохозяйственного кооператива «Зеефельд». * Дворец республики. * Юность ГДР.

понимала — Дитеру труднее покинуть Хенигсдорф, он там заочно учился в институте. Вот и поехала к нему. Я покривлю душой, если скажу, что на «крыльях любви» легко и бездумно оторвалась от дома. Поехала, терзаясь сомнениями, — сейчас это уже кажется смешным: найду ли свое место? Не только рабочее. Я уже не мыслила себя вне кипучей общественной жизни. Вы не подумайте, что я жаждала карьеры. Но я успела усвоить очень важное для члена партии: ему должно быть не все равно, какое место он займет среди строителей новой жизни — в хвосте или впереди колонны. Он призван быть среди тех, кто отыскивает дорогу... А мне почему-то казалось, что в Хенигсдорфе я окажусь в хвосте. Но, видимо, такова действительность республики, что помогает людям подниматься на высоту...

Она говорит обо всем этом смущаясь, краснея, неловко и вспоминать. Но так было.

Моника работала на том же комбинате, что и Дитер. Референт коммерческого директора, потом начальник отдела сбыта, и вдруг неожиданный взлет — ее назначили директором по труду и социальному строительству. Ей сразу по душе пришлась сфера новой деятельности — жилье, здравоохранение, питание, досуг, охрана труда. Тут она была неутомима и непримирима. Вероятно, это и определило желание горожан видеть ее среди депутатов Народной палаты, а потом и на посту «хозяйки» города.

— И как депутат Народной палаты и как бургомистр сегодня я занимаюсь теми же делами, что и на комбинате. Только масштаб другой. В Народную палату меня избирали трижды. Сейчас — член комиссии по социальным проблемам.

Моника вспоминает, какие жаркие споры вела она с начальством, изучая ход жилищного строительства в разных округах; как ее встретили «в штyki» на дрезденском жилищно-строительном комбинате, когда она пожелала глубоко вникнуть в местные условия труда. У нее оказалось много доброжелательных советчиков — рабочих, инженеров. С их помощью она установила, что на комбинате грубо нарушают закон об охране труда. Директора освободили от работы, требования депутатов выполнены!

— На другом предприятии, — рассказывает она, — директор встретил меня с плохо скрываемой иронией: «Подумаешь, приехала учить нас. Вот наша статистика, разбирайтесь». Если верить статистике, то дела шли прекрасно. Но мы, депутаты, выезжаем на места, вооруженные знаниями, — для нас устраивают специальные семинары. А главное, нас поддерживают партийные органы. Благополучная статистика не смогла скрыть прорехи. Через два дня директор разыскал меня, извинился и поблагодарил, что помогли вскрыть и устранить недостатки.

— Видимо, больше всего приходится заниматься делами хозяйственными? — спросил я.

— Не совсем так! Если депутат приехал на завод или в сельскохозяйственный кооператив, он обязательно побеседует с избирателями, ответит на их вопросы, постарается помочь в каких-то личных делах. Это беседы без повестки дня. Бывает, что твой собеседник явно заблуждается в оценке тех трудностей, которые имеются в ГДР, и тогда депутат становится пропагандистом. Мне не раз приходилось оказывать в такой роли. В городе Хойерсверда я оказалась на транспортном предприятии. Стою в плотном кольце людей и отвечаю на довольно острые вопросы. Один рабочий стал возмущаться: «От рабочих требуют повышать производительность, а сами по-настоящему хозяйствовать не могут». Я спросила: «Кто это сам? Разве ваше предприятие не народное?» Он покраснел, умолк. «Что же вы молчите? Говорите, чем недовольны?» И он высказал интересные соображения, как более эффективно использовать транспорт, что скрывается за существующей системой учета по тонно-километ-

рам и почему руководство предприятия не хочет отказываться от этой системы: невыгодно, показатели ухудшатся. А вот государству будет выгоднее... О разговоре с рабочим я рассказала на заседании комиссии Народной палаты. Заседание было бурным, спорили долго. И согласились с мнением рабочего. Вопрос этот поставили перед министерством, и сейчас разрабатывается проект нового порядка учета на транспорте.

Богатый опыт народного депутата помог ей, когда Моника Вернер с комбината переехала в ратушу, когда села в кресло бургомистра. «У нее сейф идей», — шутили друзья. И прежде всего идей, связанных с территориальной рационализацией.

Территориальная рационализация... Еще до поездки в Хенигсдорф я был много слышан о ней, в частности, от коллеги, Фрица Фрамке, редактора журнала «Штадт унд Штаат», освещающего деятельность местных органов власти. Но исчерпывающий ответ на свой вопрос «Что такое территориальная рационализация?» я получил в Госплане республики от Эрнста Хайнца, руководителя отдела, который непосредственно занимается этой проблемой, — новое движение активно поддерживают ЦК СЕПГ, Совет Министров. Суть его в том, чтобы как можно лучше использовать социально-экономические резервы данной территории — округа, района, города. И здесь раскрывается большая потенциальная сила народной власти. Городской совет, например, получил право перераспределять излишки машин, запасных частей, оборудования, в общем, всего того, что порой залеживается на предприятиях мертвым капиталом.

Моника Вернер подробно объясняла мне, как это происходит в масштабах города и района, как координируются усилия предприятий, учредений для блага горожан, для решения социально-экономических проблем, рассказывала, как трудно рождался план такой координации в Хенигсдорфе. Она вспоминала, как дотошно определял меру долевого участия заводов в обеспечении 5000 школьников горячими обедами ее «министр финансов» товарищ Финке (он депутат от Христианско-демократического союза) и как удалось ей убедить хозяйственников, что плавательный бассейн нужно строить не для одного завода, а для города в целом: часть средств дадут городские власти, часть — предприятие.

Бургомистр с гордостью сообщила: «У нас заводские рестораны, спортивные залы открыты теперь для всех жителей Хенигсдорфа». И когда кто-то стал сопротивляться: «Этот спортзал и ресторан моего завода — для моих рабочих», — она тут же обрушилась на него: «Нет вашего завода, есть народное предприятие, где работают люди, живущие в Хенигсдорфе, о благе которых заботимся мы, народные депутаты...» Говорят, в том ресторане по вечерам за кружкой пива горожане частенько добрым словом вспоминают своего бургомистра: «Молодцом, отстояла!»

День защиты детей 1 июня в Хенигсдорфе обычно праздновали на предприятиях. И получалось так: сыну металлурга вручали дорогой подарок, а дочери почтальона — дешевый, ведь почта беднее комбината. Моника Вернер поломала этот порядок. Праздник теперь проводят в школе, и все средства поступают в ее распоряжение.

В сфере территориальной рационализации оказались самые разные дела — большие и маленькие. В районном масштабе создано объединение из 30 предприятий с двумя крупными хенигсдорфскими комбинатами во главе. Руководящее бюро занимается перераспределением свободных резервов — материальных, трудовых. На некоторых предприятиях устаревшее оборудование собирались отправить на свалку. Горсовет предложил: «Передайте маленькому пищевому заводу. У него нужда в таких машинах».

Появилась «биржа излишков сырья и оборудования» с соответствующей службой справок — где что можно приобрести? И без всяких фондов, нарядов. Нелегко было создать эту атмосферу коллективизма. Бургомистру помогли партийные руководители.

— Хлопот, конечно, прибавилось, — говорит Моника Вернер, — но я испытываю большое удовлетворение. На все должно хватить времени...

Мне говорили, что горожане запросто приходят к бургомистру в служебный кабинет, звонят домой, останавливаются на улице, в магазине. Молодожены просят уладить семейные неурядицы, одинокая старушка жалуется — невестка хочет отправить ее в дом престарелых. И во все это надо вникнуть, во всем разобраться.

— Конечно, жизнь у нас не безоблачная, — продолжает бургомистр. — Одному стало тесно в его доме, а другому не всегда легко с домашним бюджетом. В общем, как говорят

Ганс Эндрецкий.

Фото Вольфганга Кюля

немцы, «жмет ботинок». Но у нас не встретишь человека, которого охватывал бы страх за завтрашний день, который не был бы уверен в том, что ему окажут помощь, если она потребуется. Именно это больше всего и поразило журналистов из буржуазной французской газеты, которые приезжали к нам в Хенигсдорф. И еще поразила их территориальная рационализация: «Неужели бургомистр может пригласить к себе главу фирмы и чего-то требовать от него? Такого быть не может!» Я им сказала: «Да, в условиях капитализма такого быть не может; там, где власть у народа, обычное дело».

«У нас это стало обычным...» Я слышал такие слова в городах и селах ГДР от людей разных возрастов, социального положения, когда заходила речь о делах больших и малых, но одинаково добрых, гуманных, прогрессивных, делах, поднятых к жизни народом!

Берлин — Москва.

«Хозяйка» Хенигсдорфа Моника Вернер.

Студентка медицинской школы Беатрис Зайден, секретарь центра молодежной моды Марина Бремер и мужской портной Аксель Хайман демонстрируют моды для юных. * В международном молодежном спортивном лагере. * Новые жилые дома в центре Берлина и старая ратуша. * В Бад-Саарове стоит дом, где жил Горький. Сейчас здесь музей. * Берлинцы отдыхают.

В ГОСТЯХ У ДИТЕРА НОЛЛЯ

Ванда БЕЛЕЦКАЯ,
специальный
корреспондент
«Огонька»

«Тот не писатель, кто не прибавил к зрению человека немного зоркости» — эти слова Паустовского вспомнились мне по дороге к Дитеру Ноллю, известному писателю ГДР. Здесь его книги включены в школьную программу. Советскому читателю хорошо известен его полный безжалостной искренности роман «Приключения Вернера Хольта». В нем писатель показал мучительный путь немецкого юноши от гитлерюгенда к позициям антифашиста, вскрыл сложные, порой противоречивые процессы, проходившие в сознании «потерянного» поколения немцев, отравленных фашистской пропагандой. «Хольт явился для меня индивидуальной антифашистской демократической революцией», — скажет потом Дитер Нолль о своей книге.

...Одноэтажный домик скрыт разросшимся садом. Жители Цигенхальса, где писатель живет не только летом, но и зимой, называют его дачу «Бунгало Дитера». С зеленой лужайки открывается вид на огромное озеро. Ветви ив касаются воды. Лес на другой стороне тонет в утреннем тумане.

Мы приехали раньше условленного срока. Хозяина в доме нет, лишь с озера раздается характерный звук скребка и всплески воды.

— Дитер сейчас придет, он чистит лодку, дальние прогулки по озеру — его любимый отдых, — приветливо встречает нас фрау Нолль.

Через несколько минут появляется хозяин. Ему пятьдесят два года, он сухоощав, строен, подвижен. Одет по-дачному в белые летние брюки, спортивные ботинки, серый джемпер.

Располагаемся под открытым небом в соломенных креслах. Здесь же стоит рабочий стол писателя. Если погода позволяет, он пишет на воздухе.

«Приключения Вернера Хольта» и недавно законченный, но уже очень популярный в ГДР роман «Киппенберг», пока еще не переведенный в нашей стране, зримо показывают процессы, происшедшие в жизни республики за 30 лет.

— Ваши романы автобиографичны? — спрашиваю я у писателя.

— Не ищите меня конкретно ни в одном из моих героев, я — во всех сразу, — улыбается Дитер Нолль. Не торопясь, он раскуривает трубку и продолжает: Хольт был и остается для меня неповторимым. Он вышел из тех исторических условий, которые определяли тогда судьбу целого поколения немцев, в том числе и мою собственную. Однако автобиографическим роман не назовешь. Я не был столь верноподанным фашизму, как Хольт. Мое детство было иным...

Писатель вспоминает родной город Риза в Саксонии, где он вырос в семье небогатого аптекаря. Его мать, еврейка, была изгнана из фашистской Германии. Этого нет в романе, но чертоточки быта семьи провинциального аптекаря узнаются в первом томе «Приключений». Дитер Нолль, как и его герой, учился в фашистской школе, был членом гитлерюгенда. В пятнадцать лет вступает в отряды противовоздушной обороны, воюет на западном фронте, попадает в плен к американцам. Метания и разочарования Хольта знакомы и его автору. К 45-му году Дитер Нолль стал антифашистом. В 46-м — он уже член Коммунистической партии.

Потом учеба в Йенском университете на литературно-философском факультете, работа в газетах, издательствах. Молодой журналист много ездит, жадно вбирает в себя то, что происходит в его возрождающейся стране.

— С особым увлечением я писал тогда очерки и репортажи о рабочем классе. А потом меня заинтересовали сложные процессы, проходившие среди интеллигенции ГДР, ее взаимоотношения с интеллектуалами старого поколения, далеко не всегда понимавшими и принимавшими нашу жизнь и политику, — говорит писатель. — И теперь я люблю выбирать героев своих произведений из среды интеллигенции. Мне кажется, что именно здесь можно наиболее ярко показать борьбу идей. Идеологические сражения нашего времени — мое рабочее поле. Тут я как писатель могу быть полезным партии и народу, стараясь поднимать проблемы, волнующие всех людей независимо от их профессии.

Вернера Хольта в конце второго тома я заставил изучать математику. Честно говоря, была у меня мысль сделать его художником, но, — Дитер Нолль улыбается, — чтобы Хольт совсем не был на меня похож (а критики упрекали в этом), я решил ему дать другую профессию. Теперь немного жалею, но уж ничего не поделаешь. Чтобы превратить Хольта в художника, надо, чтобы он был другим с первого тома.

— Но ведь в жизни так бывает? Ваш сын Ганс тоже изучал математику, но ушел со второго курса и поступил в художественную академию. Я видела его обложку к вашей новой книге «Киппенберг». Разве не мог так поступить и Хольт? Вы не собираетесь писать третью книгу о нем? — спрашиваю я.

— Собираюсь, но не знаю, будет ли это моей следующей работой. — Дитер Нолль на минуту задумывается, молча курит свою трубку. — С самого начала я задумал «Приключения Вернера Хольта» как трилогию. Закончив вторую книгу, так благосклонно встреченную читателем, я смело взялся за третью, но с ужасом увидел, что работа не клеится... Теперь, спустя пятнадцать лет, я понял, почему это произошло: я сам не созрел тогда для нового этапа и психологически, и творчески, и социально. Прошлое довлело надо мной, тащило назад. Чтобы идти дальше и в творчестве и в жизни, мало стать антифашистом, надо превратиться в активного строителя социализма. А я таким человеком тогда еще не стал. И разве по силам было мне сделать им своего героя?

...Речь заходит о документальной киноопере «Великая Отечественная», которую в Советском Союзе, в Америке, а также во многих странах Европы посмотрели миллионы людей. Для Дитера Нолля это не была «неизвестная» война, он хорошо знает ее и по собственному опыту и по книгам. Обширная библиотека писателя больше чем наполовину состоит из воспоминаний крупных военных деятелей и докумен-

тов, научных исследований о войне. Бесчисленные закладки, пометки на книгах показывают, что хозяин постоянно пользуется ими.

— Я видел еще не все серии «Великой Отечественной», но то, что успел посмотреть, безусловно, очень интересно и имеет колоссальное воспитательное значение для молодежи всех стран, — говорит Нолль. — Именно у молодежи — я сужу по собственным сыновьям и их друзьям — этот документальный телефильм пользуется огромной популярностью.

— Фильм сделан талантливо, эмоционально. Над многими сериями я плакала, — признается фрау Нолль.

Писатель высокого мнения о советской литературе, рассказывающей о войне с фашизмом. Особенно его взволновала трилогия Константина Симонова. Образ Серпилина стал его идеалом, показывал, как должен вести себя настоящий коммунист даже в невероятно тяжелых ситуациях.

— Во второй мировой войне у нас, немцев, не было таких личностей, как Серпилин. Они рождены социализмом, и это дает им силы все понять и выстоять. Да, многие годы я находился под впечатлением этой трилогии. За последние десять лет, работая над новым романом «Киппенберг», я пережил глубокий творческий кризис, сам неузнаваемо изменился...

Сейчас о «Киппенберге» очень много говорят в ГДР. Острый, захватывающий, почти детективный сюжет, глубина социальных и нравственных проблем, которые пытается решить писатель, и, наконец, то, что книга рассказывает о величайшем таинстве — любви, — все это привлекло к ней читателей.

— Показывать необыкновенных людей в необыкновенных обстоятельствах — мое традиционное кредо, — продолжает писатель. — В этом я последователь драматургии Лессинга. Ведь типическое в литературе — это отнюдь не усредненное, как любят писать наши враги. Чтобы ярче раскрыть характер героев, их надо ставить в сложные, конфликтные, необыкновенные ситуации. Словом, действовать, как физики, которые, пытаясь проникнуть в сущность материи, дробят ее, сталкивают даже вещество и антивещество. И для меня, честно говоря, было подарком, когда на одной читательской конференции мою героиню назвали необыкновенной.

Главные герои романа — Иохим Киппенберг, крупный ученый-фармаколог, и молодая девушка Ева — любят друг друга. Действие происходит всего в течение четырнадцати дней, но за эти дни Иохим становится совсем другим человеком, переосмысливает заново свою жизнь. Любовь героев трудная, глубокая, полная препятствий, но без нее они не могут жить.

Герой нового романа — сын ра-

бочего. Как ученый и как личность он сформировался в ГДР, проделав обычный в социалистической стране путь от студента рабфака до руководителя лаборатории крупного научного института. Он талантлив, умен, находится в зените славы. Вместе со своими сотрудниками Иохим разработал эффективный способ получения нового лекарства. Однако за свое открытие нужно вступить в борьбу. А у героя не хватает смелости. Не желая портить отношения с начальством, подавшись влиянию старой, оппортунистически настроенной интеллигенции, ученый запирает материалы исследований в сейф. Проходит два года, и вдруг Иохим узнает, что ГДР собирается похитить за границы (и очень дорого!) уже открытую им технологию.

— Моя новая книга — об ответственности человека перед обществом, родиной, перед самим собой, — рассказывает Нолль о романе «Киппенберг». — Иохим незаметно для себя подпадает под чуждое ему, сыну рабочего, влияние. Однако ошибки, слабости — еще не измена. Предателем Иохим Киппенберг не станет никогда. Заблуждаясь, он смутно ощущает, что живет неправильно, но еще не знает, где именно совершил ошибку. Это психологически исходная позиция. И когда его друг, партийный секретарь, говорит, что Киппенберг стоит на голове и видит мир в искривленном виде, мой герой не верит ему.

Иохим — ученый, а ученому, тем более настоящему, нужны факты, которые убедили бы его в сделанных ошибках. Эти факты он получает. Урок жестокий, но Иохим честный, преданный родине человек, и это помогает ему не сломаться, выдержать удар.

— Не так просто увидеть мир правильно после того, как долго видел его вверх ногами, — говорит Нолль. — Но упрощать я ничего не хотел. Из жестокого урока выводы должен сделать не только герой, но и читатель. В этом нравственная сила литературы. Я тоже делал свои выводы и мучился вместе с моим героем... Вот теперь я чувствую, что готов вновь встретиться и с Вернером Хольтом...

— Каким же стал Хольт сейчас, когда ГДР минуло 30 лет? Как живет, какую выбрал профессию? — спрашиваю я.

— Конечно, от героя, с которым расстался в дни молодости, можно ожидать чего угодно, — лукаво улыбается писатель. — Но одно могу сказать определенно: человек, прошедший его путь, не попадет уже на удочку вражеской пропаганды. Совершенно исключено, например, чтобы он переехал в ФРГ, как кое-кто из неустойчивой интеллигенции. — Писатель как бы думает вслух, сам себе задает вопросы. — Стал ли Хольт коммунистом? Не знаю... У нас многие представители интеллигенции, не являясь членами партии, честно работают, любят свою родину — ГДР. Эти люди видят, что будущее за социализмом. Я сказал бы, что им несколько мешает некоторый индивидуализм. Все дело в том, сумеет ли мой Хольт преодолеть его? А по профессии он мог стать, например, астрофизиком, сторонником или даже учеником советского академика Амбарцумяна.

Узнав, что мне приходилось не раз встречаться с президентом Академии наук Армянской ССР Виктором Амазасповичем Амбарцумяном, писатель обрушил на меня шквал вопросов. Бывала ли я в Бюранканской обсерватории? Как она выглядит? Как относятся ученики Амбарцумяна к своему гениальному учителю? Какие новые работы появились там?

— Я считаю Амбарцумяна од-

ним из самых великих умов нашего времени, — восторженно говорит писатель. — Меня поразила его теория изменяющейся Вселенной, где постоянно рождаются и умирают звезды, целые миры, взрываются галактики, происходят гигантские катаклизмы. С точки зрения мировоззрения, философии это глубоко революционная теория. Она не по душе ортодоксам всех мастей. Я преклоняюсь перед этим советским ученым и был бы счастлив побывать в возглавляемой им обсерватории. Это не праздное любопытство. Мне необходимо изучить среду, где, возможно, будет работать мой Хольт. Мечтаю побывать в Армении у Амбарцумяна!

Дитер Нолль много ездит по стране, бывает на заводах, в школах, научных институтах, постоянно встречается с читателями.

— Какая встреча вам больше всего запомнилась?

— Это было в Советском Союзе. Когда «Хольта» перевели на русский язык, я очень волновался, как примут его советские люди, которым столько горя принесла война, — вспоминает писатель. — Я получил из вашей страны очень много писем. Писали лесорубы из Сибири, ученые из Москвы и Ленинграда, школьники из Средней Азии, военнослужащие с Дальнего Востока. Почему советские люди приняли Хольта, поняли своего бывшего врага? Это было для меня тайной, и я отправился в вашу страну.

Встречи с советскими читателями поразили Дитера Нолля. Особенно запомнилась конференция в библиотеке одного из новых районов Москвы. Пришло так много людей, что писатель был просто поражен. Подумал: «Не может быть, чтобы они все читали мой роман». Но после первых же реплик и вопросов понял: читали.

— На этой встрече я понял, что в моей книге советские люди увидели различие между фашистами и немцами. И еще я понял, что Вернер Хольт, прошедший свое хождение по мукам, выполняет очень важную миссию, связующую народы.

— Какие сейчас, на ваш взгляд, главные проблемы стоят перед писателями?

— Человек, как и Вселенная, обладает удивительным свойством изменяться. Тридцать лет назад, когда родилась наша республика, я по молодости многое упрощал. Я думал, да, наверное, и не я один, что хорошие решения, постановления могут заставить человека сразу стать другом. Издали декрет — и исчезла классовая и национальная ненависть, издали другой — нет трусости и лжи. Конечно, сейчас я подшучиваю над собой прежним, но тогда я не подозревал, что изменение людей — превращение их из мелких собственников, к тому же отравленных фашистскими идеями, в строителей социализма — столь сложный, длительный и трудный процесс. Главную задачу писателя я вижу в том, чтобы доступными ему средствами, художественным словом активизировать этот процесс. Ответственность за то, каким будет духовный мир человека, его идеалы, в значительной мере несем мы, писатели.

На моих глазах Германская Демократическая Республика за 30 лет добилась огромных успехов. Но есть еще немало проблем, которые нам предстоит решить. Я хочу участвовать в этом как коммунист, как писатель.

Берлин — Москва.

Десятиклассница Петра Луис (исполнительница роли Юлии) и электромонтер Андре Штухлик (Хозяин кабачка) в сцене из «Двух веронцев».

ПРИЗВАНИЕ

Театр этот расположился в старом помещении бывшего кино, что на Прокауэрштрассе в Берлине. Кроме главного режиссера, кандидата искусствования, артистки Хеллы Лен, ни один его актер не имеет театрального образования. Здесь играют на сцене, делают декорации, ставят пьесы рабочие и учителя, бухгалтеры и инженеры, электромонтеры и переводчики, ученики школ и техникумов, словом, люди самых разных специальностей. Да и возраст артистов тоже весьма разнообразен. Например, дочке мойщиков окон Диане Менцель 8 лет, и она на «отлично» учится во втором классе, а бывший бухгалтер фрау Рут Хоппе уже справил свой семидесятилетний юбилей и давно на пенсии. Но всех объединяет здесь любовь к искусству и настоящая верная дружба.

Когда был создан Берлинский самодельный рабочий театр имени Максима Горького? Как он работает? Какие цели преследует? Что нового готовит к празднику 30-летия ГДР? На эти вопросы отвечает главный режиссер и организатор театра ХЕЛЛА ЛЕН.

— Что такое общественная работа и какова ее польза, знают все. Но при этом иногда забывают, что она должна приносить не только пользу, но и удовольствие. Именно такой формой является для нас наш самодельный театр.

Создан он около двадцати лет назад. А цели тогда были те же, что и теперь — помочь людям более интересно и насыщенно проводить свое свободное время. Это относится и к тем, кто играет на сцене, и к тем, кто приходит смотреть постановки. Кстати, граница здесь весьма условная. Вчерашний зритель часто оказывается нашим завтрашним артистом.

Читки пьес, репетиции, встречи с драматургами, поэтами, композиторами, сама атмосфера самодельного рабочего театра оказывают на людей огромное воспитательное воздействие, пробуждают интерес к литературе, искусству. Молодежь начинает лучше понимать окружающую жизнь, са-

мих себя, а пожилые люди обретают у нас тот коллектив, которого так часто недостает пенсионерам. Но, пожалуй, самое главное то, что в нашем театре — интересно. Именно поэтому идут сюда люди после тяжелого рабочего дня, после учебы, хлопот и домашних дел.

Свои спектакли мы начинаем позже, чем в профессиональных театрах. Это не случайно. Молодые мамы и папы уже укладывают к тому времени малышек спать, школьники заканчивают готовить уроки, вернувшиеся с работы успевают поесть и немного отдохнуть. Хотя, честно говоря, работу в театре мы все считаем лучшим отдыхом.

Что мы ставим на самодельной сцене?

Пьесы, сказки для детей (особенно в каникулы), поэтические музыкальные композиции. К 30-летию республики наши зрители увидят пьесу Альфреда Матуша «По обоим берегам». Она показывает, как родилось и крепло чувство дружбы между немцами и поляками. А также музыкально-поэтическую постановку «Счастье не приходит само» о жизни страны за эти тридцать лет.

Выступает труппа не только в Берлине, но и в других городах республики. Особой честью было для нас принять участие в международном шекспировском фестивале, где мы показали «Два веронца». Вот уже 114 лет такой праздник ежегодно проходит в Веймаре, куда театры многих стран привозят постановки пьес Шекспира. Мы первый и пока единственный самодельный рабочий театр, который выступил здесь в дни шекспировского фестиваля.

Были мы на гастролях в Советском Союзе. Думаю, что скоро опять поедem в СССР: нас пригласили выступить в Риге.

«Огонек» сердечно благодарит посольство Германской Демократической Республики в СССР, отдел печати Министерства иностранных дел ГДР, редакцию журнала «Фрайе вельт», а также всех немецких товарищей, которые принимали участие в подготовке материалов этого номера, посвященных 30-летию ГДР.

КОРОТКИЕ СКАЗКИ

Воробей

Зазнался воробей, надоело ему с другими воробьями дружить, и решил он найти птиц покрупнее.

Полетел он к голубям.

— Давайте жить вместе,— говорит.

— Давай!

Стал он жить с голубями, но за три дня похудел. Голуби быстро едят, а воробью ничего не достается.

Полетел воробей к воронам.

— Давайте жить вместе,— говорит.

— Давай!

Стал он жить с воронами, но еще больше похудел. Вороны еще быстрее едят, а воробью совсем ничего не достается.

Вернулся воробей к воробьям.

— Давайте жить вместе,— говорит.

— А кто тебя гнал, живи, пожалуйста,— говорят воробьи.

Отъелся воробей, поправился и решил, что никуда больше улетать не будет.

Сергей БАРУЗДИН

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА

Сорока

У сороки нос длинный, а хвост еще длиннее.

Любила сорока свой нос в чужие лесные дела совать, а на хвосте новости разные разносить. Особенно неприятные.

Надоело это лесным зверям и птицам. Пригласили они сороку и говорят:

— Надоела ты нам. Убирайся-ка подбру-поздорову!

Нечего делать, полетела сорока в деревню.

И тут за свое. Сует свой нос куда не надо.

Надоело это людям. Пригласили они сороку и говорят:

— Надоела ты нам. Убирайся-ка подбру-поздорову!

Нечего делать, полетела сорока на дорогу.

А по дороге машины несутся в разные концы, да ни одна не останавливается.

С тех пор так и крутится сорока у дороги. Только никаких новостей у нее нет.

Что лучше

Заспорили пальцы между собой, почему это в перчатке они все по отдельному дому имеют, а в варежке только большому пальцу особая квартира предоставлена. И что лучше, перчатка или варежка?

— Пожалуй, это несправедливо,— сказала перчатка.

— Это обдумать надо,— сказала варежка.

А большой палец только удивился:

— Ничего-то вы, братцы, не понимаете. Я в сильный мороз работаю, потому мне и в отдельной квартире не холодно. А вам в мороз вместе надо быть, чтобы не замерзнуть. Потому я предпочтение варежке отдаю!

Шлепанцы

Были шлепанцы хорошие, много лет служили хозяйке, да состарились, истрепались.

— Придется выбросить вас,— сказала хозяйка.

— Не надо! — попросили шлепанцы.

— А что ж делать с вами? Чинила я вас, перчинила, да и из моды вы вышли.

И выбросила их на помойку.

На помойке вороны крутились, сбросили шлепанцы на землю.

Шел мимо еж, остановился.

— Что вы тут загораете? — спрашивает.

— Да вот, выбросили нас,— жалуются шлепанцы.

— А ну-ка, марш за мной! — скомандовал еж.

Протопали шлепанцы в кусты, а там ежиха сидит.

Еж натаскал в шлепанцы сухих листьев.

В один сам забрался, в другой ежиху посадил.

— Послужите,— говорит,— еще людям!

Колесо

Валюсь колесо возле дороги.

Мимо машина проезжала.

— Возьми меня,— попросило колесо.

— Зачем ты мне, деревянное?

Телега ехала по дороге.

— Возьми меня,— попросило колесо.

— Зачем ты мне одно? — говорит телега.

Если бы четыре было.

Шел мальчишка по дороге. С портфелем из школы шел.

«Ну, ему я совсем не нужно», — подумало колесо и все же на всякий случай сказало:

— Не возмешь меня?

— А что! — сказал мальчишка. — Пожалуй!

Взял он колесо, дома на крыше пристроил.

Прилетели аисты, сена натаскали, гнездо

получилось.

Вот и пригодилось колесо для доброго дела!

Волк

и

бурундуки

Шел по лесу волк, а на ветках деревьев бурундуки сидели.

Чувствует волк носом бурундуков, а глазами не видит.

— Вы где, бурундуки? — спрашивает волк.

— Здесь,— говорит один бурундук.

— А какие вы на вид? — спрашивает волк.

— Полосатые,— отвечает другой бурундук.

— А почему вы полосатые? — спрашивает волк.

— Чтобы ты нас не видел,— говорит третий бурундук.

— А почему вас нельзя видеть? — спрашивает волк.

— Чтобы ты нас не съел! Чтoб не съел нас! — закричали бурундуки.

Про медведя

Залез медведь в муравейник.

Возмущился самый главный муравей:

— Что ж ты, мохнатый, делаешь? Опять наш муравейник разоряешь?

Задумался медведь.

Подумав, говорит:

— А как быть? Я вас очень люблю!

— От любви всем хорошо должно быть,— говорит самый главный муравей,— а ты?..

Подумал медведь и отвечает:

— Ну ладно, пойду на пчелиную пасеку. Пчелы не такие обидчивые!

Лиса

Очень захотелось лисе курицу поймать. Пришла она в деревню.

Заходит в один двор, а там корова стоит.

— Ты зачем, лиса, пришла? — спрашивает.

— Да хочу посмотреть, как ты живешь.

— Ну тогда подходи поближе,— сказала корова.

Подошла лиса поближе, а корова как боднет ее. Лиса до самых ворот долетела.

Лиса в другой двор зашла, а там лошадь стоит.

— Ты зачем, лиса, пришла? — спрашивает.

— Да хочу посмотреть, как ты живешь.

— Ну, тогда подходи поближе,— сказала лошадь.

Подошла лиса поближе, а лошадь как ударит ее копытом. Лиса за изгородь отлетела.

В третий двор зашла лиса, а там большая собака лежит.

— Ты зачем, лиса, пришла? — спрашивает.

— Да хочу посмотреть, как ты живешь.

— Ну, тогда подходи поближе, — сказала собака.

Подошла лиса поближе, а собака схватила ее за загривок и в лес понесла.

Поднесла к самой опушке.

— Беги, — говорит, — гуляй, а в деревню больше не наведывайся!

Веревка

Как известно, у веревки два конца. Но вот случилось такое, что поссорился один конец веревки с другим. Решили они жить отдельно и пополам поделились. А из-за чего поссорились, и позабыли.

Пришел человек, взял один конец веревки.

— Мала, — говорит.

Он другой конец веревки взял.

— И эта мала, — говорит.

Обиделись две веревки, которые когда-то одной были:

— Неужели мы ни для чего не годимся?

А человек связал обе веревки в одну.

— Теперь дело, — говорит.

И перевязал веревкой книги.

Поняли концы веревки, что вместе лучше жить, чем поодиночке.

— Теперь, пожалуй, мы ссориться не будем, — говорят.

И живут мирно.

Яйцо

Курица снесла яйцо.

— Спасибо! — сказала яйцо.

Но уже через пять минут:

— Мама, ты не так сидишь!

Курица подвинулась.

Через два часа курица встала, чтобы поклевать зерно.

— Пожалуйста, не уходи! — потребовало яйцо.

Курица вернулась.

— Ты опять не так сидишь! — сказала яйцо.

Курица подвинулась.

Это слышал петух. Он был не очень умен. Но даже он не выдержал:

— Послушайте, любезное, — сказал он. — Яйца кур не учат.

Улитка

Поймал я улитку, принес домой.

— Зачем ты меня домой принес? — спрашивает улитка.

— На улице холодно, сыро, — сказал я. —

А в нашем доме тебе хорошо будет.

— А у меня свой дом есть, — сказала улитка. И уползла.

Гусеница

Гусеница ползала по листу и ела его.

Ее увидел скворец.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— А мне нравится, когда листья с дырочками, — сказала гусеница.

— Почему?

— А дождик через них лучше на землю капает.

— А мне нравится, когда листья похожи на зонтики, без дырочек, — сказал скворец.

И съел гусеницу.

Крот

Перепутал крот ночь и день и вылез из норы, когда солнышко светило.

Ослепило его солнышко, ничего крот не видит.

Подбежал к нему суслик:

— Ты что?

— Ничего не вижу, — говорит крот.

— Давай помогу, — предложил суслик и отвел крота к его норе.

Увидел крот темное подземелье и скорей домой.

— Спасибо тебе, приятель, — говорит.

А суслик ему в ответ:

— Каждому зверю свое время!

Чучело гороховое

Попал мальчишка на гороховое поле, а там чучело стоит. Только вокруг чучела птицы вьются, никто не боится чучела.

— Что ж ты птиц не пугаешь? — спрашивает мальчишка.

— А как их испугаешь, когда они со мной не считаются? — отвечает чучело.

Снял мальчишка с головы кепку и на чучело напаялил.

Птицы сразу разлетелись в разные стороны.

— Вот, оказывается, чего мне не хватало: кепки твоей! — сказала чучело.

Чучело было довольное.

И мальчишка был доволен:

— Носи на здоровье!

Сапоги

Собрались как-то сапоги — самые модные и красивые — и стали хвалиться, кто кого лучше.

Хромовые мужские говорят:

— Ясно, мы!

Женские на каблучках не отстают:

— А на нас посмотрите!

Только кирзовые стоят в сторонке и молчат.

Пошли сапоги по разным дорогам, чтоб свое превосходство доказать.

По лесу шли, по болотам, по грязи.

Первыми сдались хромовые:

— Устали!

Женские тоже захныкали:

— Все каблучки поотбивали!

Только кирзовые идут хоть бы что, и любая дорога им нипочем.

— Странно, — говорят модные сапоги. —

Откуда у вас такая выдержка?

— А мы войну прошли, — говорят кирзовые. — Ни разу солдат не подводили. И сейчас не подведем!

Ежик

Ежик все лето много работал и растерял все свои иголки.

Пошел ежик в мастерскую, попросил:

— Сделайте, пожалуйста, мне новые иголки!

— С удовольствием, — говорят в мастерской, — но у нас сейчас иголок нет. Зайдите через недельку!

Ежик через недельку зашел в мастерскую, и опять то же:

— Не подвезли пока! Еще через недельку!

И еще неделя прошла и еще, а в мастерской все иголок не было. Пришлось ежику заваливаться на зиму спать без иголок.

А весна наступила, проснулся ежик, смотрит, а у него новые иголки выросли.

И мастерская не потребовалась.

УРОДНЫХ ДВЕРЕЙ

Расул ГАМЗАТОВ

●
Я влюбился — дайте мне коня!
Нет преград отныне для меня.
Дайте мне кинжал — в руках моих
Сталь его смягчится в тот же миг.

Я влюбился — дайте спеть, молю!
Так спою — что мир ошеломлю!..
Мне еще б лишь день один прожить —
Смерть меня не сможет устроить...

●
Если утром солнце не светило —
Вечером светить оно не станет.
Но не говорю «Прощай!» надеждам —
Ведь любовь и днем и ночью светит...

Если не цвели цветы весной —
Уж зимой не расцветут подавно.
Но не говорю «Прощай!» любимой —
Ведь любовь цветет в любое время.

●
Когда ты уходишь — так худо
Становится мне в тот же час!
А сердце — как перстень, откуда
Вдруг выпал бесценный алмаз.

Когда ты уходишь — простые
Дела усложняются вдруг.
Глаза мои — гнезда пустые,
Что птицы оставили вдруг.

●
О луна, кто тебя пополам разрубил?
Половина плывет в небесах меж светил.
А другая точь-в-точь — ясно видится

мне —
Проплывает по глади морской в тишине...

Не пойму я, где подлинник, где перевод...
Но на всех языках тебя ночь напролет
Миллионы читают — глаза и сердца —
И не могут никак дочитать до конца.

●
Наверное, наша земля не круглая:
Ведь слишком пути ее кривы!
Один на плечах ее жаждет нести,
Другой ее топчет спесиво.

Наверно, не вертится наша земля —
Войдите в ее положение:
Кто тянет вперед, кто толкает назад
И только мешает круженью.

●
Задумавшись, иду тропой лесной
Под шорох трав вечерний, полусонный.
И вдруг — прозрачный пруд передо мной,
Деревьями лесными окруженный.

Я будто бы проснулся... И внизу
Деревья те же вижу, что в лесу,
Но мне стволов не тронуть на ходу...
Мечты мои — деревья те в пруду...

●
Говорят, если сеять любовь неустанно —
То поднимутся рощи и чащи любви...
Почему же так голо в горах Дагестана?
Вся любовь моя — здесь: назови, позови...

Говорят, от горячей любви непреложно
Тает лед на дорогах и реках всегда...
Так люблю я тебя, что сказать невозможно!
Почему ж холоднее ты снега и льда?..

●
Если ты мне друг — остерегись,
Помолчи и в дружбе не клянись.
В дни скорбей смогу ее узнать я
В твоем взгляде и рукопожатье.

Если ты мне друг — то уклонись
От признаний, в дружбе не клянись.
В дни веселья я услышу это
В песне, что тобою будет спета.

ТВОЕ ИМЯ

Твое я слышу имя — легкий звук!
Как будто бы в окно мое стучится
Какая-то настойчивая птица,
Щебечет: «Жизнь!..»
— «Жизнь!..» — вторит все вокруг.

Твое я слышу имя вновь и вновь:
Как будто бы сбежалась отовсюду
Ко мне вся юность мира — дар и чудо —
И говорит: любовь... любовь... любовь...

Твое я слышу имя в смене дней,
Оно — как бы влюбленных уст касанье,
Как будто твое имя в состязанье
Вступило с солнцем — кто из них светлей...

Твое я слышу имя так подчас,
Как будто приближается к нам осень,
И шелестят созревшие колосья,
На праздник жатвы созывая нас...

Оно доходит до меня порой
Так, как с заставы пограничной прямо
Тревожная доходит телеграмма,
Врывается в привычный мой покой...

Его вблизи я слышу и вдали,
Оно гудит мотором самолета,
Еще не в облаках, еще до взлета,
Еще не оторвавшись от земли.

Твое ловлю я имя на лету:
Оно — как будто солнцем осиянный
Корабль, избородивший океаны,
На радостях гудит в своем порту.

Его я слышу, словно стон ветвей
В ночном лесу под ветра гул и пенье.
Оно — как матерей благословенье,
В дорогу проводивших сыновей.

Ударь-ка палкой по стволу — и лес
Вдруг запоет, зашепчет твое имя.
В скалу брось камень — скалами другими
Подхвачен, зов рванется в даль небес.

Ты б раковину к уху поднесла!..
И твое имя пропоют все воды.
Задень один лишь колокольчик — с ходу
Его повторят все колокола.

В наполненных бокалах — звон и зов
Я имени единственного слышу.
Ежеминутно — громче или тише —
Его нам повторяет бой часов.

Все без него — и пусто и мертво...
Оно — во мне и ныне, как вначале.
Звезда, молитва, что шепчу ночами,
Звучит в биенье сердца моего...

ДЕТИ

Как коротка наша жизнь! —
Слышал я изречение:
Глазом моргнешь — и уж все
Потеряло значение...

Песня одна на пандуре:
Струна оборвется —
Вот и окончена жизнь,
Так уж это ведется...
Жизнь — это слово одно,
Что услышит не каждый.
Точно такой же удел у меня —
Жить не дважды.

Жизнь — обнаженный кинжал,
Тут же вложенный в ножны.
Жизнь — твой единственный вздох:
Повтори, если можно...
Жизнь — это конь,
На котором ты ездил — и, значит,
Снова оседланный,
Он далеко не поскачет...

Только я понял, постиг,
Что все это ошибка:
Что продолжается
Голос, и взгляд, и улыбка.
Жизни — у губ и у глаз наших
Тысячелетья.
Тем же, кто любит, —
Им жить еще дольше на свете!

«ДЖИНСЫ И «ОРБИТА»

Слово, что сказано,
Песня, что нами поется,
Поднятый в гнев кинжал —
На земле остается.
И у пандура —
Того, на котором играю,
Даже у камня, что катится,
Время — без края...

Понял я, понял,
Что есть у всего продолженье,
Новые листья увидав
На ветке весенней,
Понял, увидав,
Как в небе вечернем воскресли
Звезды, угасшие утром...
Но если, но если
Ты сомневаешься —
Клин журавлиный ответит:
Не прерывается жизнь —
Улыбаются дети...

ДОБРОЕ УТРО

Сколько я помню себя, сколько буду я жив,
Четверть столетия и заново — четверть
столетия, —
Встав на рассвете и руку к груди приложив:
«Доброе утро!» — ко всем обращаюсь на
свете.
Доброе утро вам всем — и зимой и весной,
Спящий мой стих и голубка в расщелине
горной.
Доброе утро, аул мой, очаг мой родной,
Ночью погасший, с утра разожженный
проворно.
Будто стою я с живым микрофоном в
руках —
Сердце свое я держу... И с утра
неизменно
К близким и дальним на всяческих
материках
Я обращаюсь, как диктор Земли и
Вселенной.

Доброе утро, ручьи дорогие и родники,
И небеса, что по-вешнему заголубли.
Доброе утро — движениям нежной руки
Матери, тихо качающей колыбели.
Передают, как обычно, погоды прогноз:
Солнце в краю моем. Вьюга беснуется
где-то.

Где-то смеются. А где-то ослепли от слез.
Смешано все на земле, обезумевшей этой.
Доброе утро распахнутым окнам в домах,
Окнам в домах, что раскрыты для радости
настех!

Доброе утро извилистым тропам в горах,
Тропам нелегким, ведущим нас к правде и
счастью.

Доброе утро моим дагестанским горам!..
Доброе утро, Цада, и Москва, и София...
Доброе утро, прекрасные женщины, вам!
Доброе утро, поэты, друзья дорогие!
Доброе утро тебе, мой кунак и сосед,
Вам, голоса и слова, что во мне зазвучали...
День начинается... И повторяю чуть свет:
Доброе утро, восторги мои и печали...

Птицы, крыльями трижды взмахнув,
Ржут встречный неистовый ветер.
Мы летим, полной грудью вздохнув,
Трижды плетью взмахнув на рассвете.
Что же, судьбы подобны у нас:
Легкокрылым похожие у нас:
Мы, родившись в положенный час,
Вдалеке от гнезда умираем.
Невзначай исчезаеи вдали —
На закате и утренней раню:
В небесах, на пространствах Земли,
Среди вздыбленных волн в океане.
Прерываются в сини сквозной
Наши песни: их недопеваем...
На Земле мы родимся одной,
В ста различных местах умираем.

Перевела с аварского
Елена НИКОЛАЕВСКАЯ.

Под таким заголовком в «Огоньке» [№ 23 за 1979 год] была напечатана статья, посвященная джинсам. Она вызвала много откликов читателей, горячо поддерживающих позицию журнала. Редакция получила ответ на выступление журнала от министра легкой промышленности СССР тов. Н. Н. Тарасова. Мы публикуем это письмо.

«Министерство легкой промышленности СССР рассмотрело статью «Джинсы и «Орбита» и сообщает. Производство джинсовых тканей и пошив изделий из них организованы на предприятиях легкой промышленности, начиная с 1973 года. За эти годы выпуск джинсовых тканей постоянно увеличивался. В текущем году будет изготовлено около 115 миллионов метров тканей этой группы.

В зависимости от назначения в СССР и за рубежом джинсовые ткани выпускаются различной массы и степени жесткости.

Эти ткани находят применение в производстве широкого ассортимента товаров для народа: брюк, костюмов, пальто, платьев, юбок, сарафанов, обуви и других изделий.

Правильность принятого Минлегпромом СССР направления на разработку и производство разнообразных джинсовых тканей подтвердила и прошедшая недавно в Москве выставка «Быт и мода-79».

Министерство и впредь будет увеличивать выпуск всех пользующихся спросом населения видов джинсовых тканей.

В 1977 году на Родниковском меланжевом комбинате «Большевик» совместно с ИвНИТИ организован промышленный выпуск ткани «Орбита», которая по своим эксплуатационным свойствам (массе, степени жесткости, плотности, усадке) не уступает многим зарубежным образцам этой группы джинсовых тканей, пользуется неограниченным спросом населения.

Лучшие зарубежные образцы джинсовых тканей, так же как и «Орбита», не обладают свойствами несминаемости и грязеотталкивания, как это утверждает автор.

Ткань «Орбита» вырабатывается из пряжи, окрашенной непрерывным способом, холодными красителями, позволяющими разнообразить колористическое оформление ткани и выпускать ее в широкой гамме цветов — от светлых до более насыщенных тонов, соответствующих требованиям ГОСТа по прочности окраски.

Минлегпром СССР считает нецелесообразным переходить на крашение джинсовых тканей красителями индиго, так как он придает тканям крайне низкие прочностные показатели по крашению. Минлегпром СССР не может согласиться с утверждением автора, что потребителям нравятся только брюки, теряющие свой первоначальный цвет.

Социологические исследования, изучение спроса населения, большая почта, получаемая министерством, — все это показывает, что абсолютное большинство советских людей предпочитает носить красивую, элегантную одежду. Об этом, кстати, очень убедительно говорится в статье «Мода и красота...», опубликованной в журнале «Огонек» № 2 за 1979 год, а также в письмах читателей, напечатанных журналом после этой публикации.

Выступление журнала «Огонек» обсуждено на технологическом совете Родниковского меланжевого комбината «Большевик», ученом совете ИвНИТИ.

Минлегпромом СССР разработаны и утверждены конкретные мероприятия по дальнейшему совершенствованию технологии выработки джинсовой ткани типа «Орбита» и улучшению ее качества.

Предусмотрено, в частности, на основе проведенных ранее в ИвНИТИ исследований создать, испытать и пустить в эксплуатацию специализированную красильно-шлифовальную линию ЛКШ-180, которая позволит вырабатывать джинсовые ткани из однопниточной пряжи с одновременным аппретированием пряжи с целью снижения сминаемости и усадки.

Одновременно усилен контроль за существующей технологией производства ткани «Орбита» на Родниковском меланжевом комбинате «Большевик». Комбинату выделены дополнительные фонды на дефицитные текстильные вспомогательные материалы, позволяющие строго выдерживать утвержденный технологический режим».

От редакции.

Для того, чтобы вылечить болезнь, надо для начала признать ее существование. Судя по ответу министра легкой промышленности СССР Н. Н. Тарасова, никакого джинсового дефицита и вызванной им спекуляции не существует. Нет никакой джинсовой проблемы. Министерством она решена легко — с помощью простого арифметического действия: к двум миллионам метров «Орбиты» прибавили сто тридцать миллионов метров легких хлопчатобумажных и синтетических тканей и внесли их в графу — джинсовые. Этому как раз был посвящен фельетон, напечатанный не так давно в «Правде», — «Джинсы с косичками».

Не согласны работники министерства и с пожеланиями потребителей красить «Орбиту» красителями индиго, сославшись в подтверждение на «социологические исследования». Редакция попыталась ознакомиться с этими исследованиями. Однако ни помощник министра В. П. Пряников, ни заведующая отделом ассортимента и качества А. И. Леонова, ни другие сотрудники министерства не смогли предоставить нашему корреспонденту такой возможности, не смогли даже указать, где находятся труды социологов, указанные в письме.

В письме министра не говорится и о том, собираются ли текстильщики увеличить плотность «Орбиты», будут ли на костюмах фирмы «Рабочая одежда» фирменные пуговицы, эмблемы и ленточки...

Словом, ответ, полученный редакцией, никак не назовешь исчерпывающим. Думается, что поставленный в журнале вопрос: «Нельзя ли создать настоящие советские джинсы?» — остается открытым.

В заключение приведем одно из многих писем, пришедших в редакцию после публикации материала «Джинсы и «Орбита».

* * *

Я представитель той возрастной группы, которая именно «отрывает с руками» заграничные «штанишки» у расторопных спекулянтов по дорогой цене. Вращаясь в обществе сверстников, а иногда и просто стоя у прилавка, слышу такие суждения: «Вот понавыпускали... а кто их носить будет?» Это о так называемых джинсах из легких хлопчатобумажных тканей. Я на стороне художника-модельера В. И. Сазонова. Если выпускать наши, отечественные джинсы, так с фирменными советскими этикетками и пуговицами, с ленточками и прочим. И об окраске джинсовой ткани. Считаю, что ее нужно красить индиго, таково желание покупателей.

Пора бы тут перейти от слов к делу. Никто не поверит, что в нашей стране нельзя создать поточную линию по изготовлению советских джинсов. Остается только пожелать успеха вам, дорогие текстильщики, модельеры, начальники, подчиненные — всем, кому мы обязаны будем выпуском советских фирменных джинсов.

П. ВЕРЛАН

Магадан.

ПИСЬМО АННЫ СНЕГИНОЙ

Юрий ПРОКУШЕВ

В нашей литературной науке всесторонне и глубоко исследованы такие классические поэмы эпохи Октября, как «В. И. Ленин» и «Хорошо!» В. Маяковского и «Двенадцать» А. Блока. Новая работа известного критика и литературоведа, лауреата Государственной премии РСФСР имени Горького Ю. Л. Прокушева посвящена «Анне Снегиной» — выдающейся октябрьской поэме С. Есенина. Мы публикуем одну из глав этой работы в дни восьмидесяти-четырехлетия великого русского советского поэта.

* * *

Зане созрел во мне поэт
С большой эпической темой,
Сергей Есенин.

Почти каждый в своей жизни рано или поздно переживает минуты духовного озарения, когда встают в памяти живые картины прошлого, особенно те незабываемые мгновения, когда в сердце вспыхнул впервые светлый огонь любви; или те, едва ли не самые счастливые дни, когда наиболее полно чувствуешь кровное единство с родной землей, которая тебя породила, поставила на ноги, и тогда открывается с наибольшей ясностью та истина, что судьба твоя с первых сознательных шагов неотделима от судьбы народной.

В эти взволнованно-светлые минуты бытия ты готов без колебаний отдать Родине, народу все самое дорогое, что имеешь, чем ты один лишь вправе распоряжаться: твою любовь и жизнь.

Вместе с тем, как это порой ни прискорбно сознавать, далеко не каждый способен рассказать обо всем виденном и пережитом так, чтобы это личное стало для миллионов соотечественников, для людей других стран и наций как бы их жизнью, их радостью и болью, их судьбой и надеждой.

Со всей определенностью следует особо подчеркнуть, что только глубоко национальный художник способен через себя, через свое авторское «я», мир своих мыслей и чувств раскрыть характер своего народа и выразить пафос своего времени.

Онегин, добрый мой приятель,
Родился на берегах Невы,
Где, может быть, родились вы
Или блистали, мой читатель;
Там некогда гулял и я;
Но вреден север для меня...

Сколько гроз отшумело над родиной Пушкина! Сколько исторических потрясений — и каких! — пережила Россия с той поры, когда в памяти сердца поэта, в далекой южной ссылке, за тысячи верст от его Петербурга, впер-

вые так явственно обозначилась Пушкину судьба его героя, родившегося «на берегах Невы». Тогда-то, вдалеке от шумной светской жизни, от первых литературных успехов и встречи со славой, вдали от лицейских друзей, в которых было так много характерного, онегинского, зажили самостоятельной жизнью бессмертные строки «Евгения Онегина», покоряющие нас и сегодня естественностью и простотой.

Спустя сто лет по-пушкински, «легко» и «просто» впервые зазвучали в русской литературе другие, знаменитые ныне стихи:

Село, значит, наше — Радово,
Дворов, почитай, два ста.
Тому, кто его оглядывал,
Приятственны наши места.
Богаты мы лесом и водью,
Есть пастбища, есть поля.
И по всему угодию
Рассажены тополя...

Они были рождены памятью сердца поэта «другой судьбы», за тысячи верст от его родных «рязанских раздолей» и также под звездным южным небом.

* * *

В первой четверти XX века октябрьская поэма Есенина — «Анна Снегина», подобно пушкинскому «роману в стихах», стала своеобразной художественной энциклопедией народной жизни, особенно русского крестьянства в эпоху грандиозных революционных преобразований России и всего мира.

Сентябрь 1924 года. Есенин предпринимает поездку на Кавказ, вторую в своей жизни. Он еще не знает, что на этот раз пробудет здесь почти полгода, что эта поездка на юг станет как бы его, есенинской, болдинской осенью.

Здесь Есениным будут написаны многие «маленькие поэмы»: «Письмо к женщине», «Русь уходящая», «Русь бесприютная», «Письмо деду», «Ответ», «Стансы», «Метель», «Весна», «На Кавказе», «Поэтам Грузии», «Баллада о двадцати шести», поэма «Цветы», стихи из цикла «Персидские мотивы»; здесь будет создана лучшая, «вершинная» поэма — «Анна Снегина». В Баку, Тифлисе, Батуме Есенин впервые опубликует двадцать семь своих новых произведений. Все это — за полгода! Если бы за этот короткий срок была написана лишь одна поэма, подобная «Анне Снегиной», то и тогда это, естественно, вызвало бы наше восхищение и преклонение перед талантом ее автора. Создать в такие сжатые сроки такие поистине классические произведения мог только гениальный художник.

Трудно представить то волнение, которое испытывал Есенин, когда держал в руках рукопись только что оконченной поэмы «Анна Снегина», на последней странице которой была обозначена дата ее рождения: «Январь 1925. Батум».

Поэма была напечатана в четвертом номере «Красной нови» за 1925 год.

«Радостный, он пришел ко мне с номером журнала, еще пахнущим типографской краской, — вспоминает жена поэта Софья Андреевна Толстая-Есенина. — Раскрыл журнал и начал читать:

Село, значит, наше — Радово,
Дворов, почитай, два ста.
Тому, кто его оглядывал,
Приятственны наши места...

И прочитал... всю поэму. Я сидела не шелохнувшись. Как он читал!

В своих комментариях к поэме она же подчеркивает: «Анна Снегина» в значительной степени автобиографична. В ней определились некоторые моменты из личной биографии поэта и революционные события в Петрограде и в деревне, очевидцем и участником которых был сам Есенин».

Об обстановке в дни революции в родном селе поэта — Константинове — рассказывает сестра поэта Е. А. Есенина:

«1918 год. В селе у нас творилось бог знает что.

— Долой буржуев! Долой помещиков! — несло со всех сторон.

Каждую неделю мужики собираются на сход. Руководит всем Мочалин Петр Яковлевич, наш односельчанин, рабочий коломенского завода. Во время революции он пользовался в нашем селе большим авторитетом. Наша константиновская молодежь тех лет многим была обязана Мочалину, да и не только молодежи. Личность Мочалина интересовала Сергея. Он знал о нем все. Позднее Мочалин послужил ему в известной мере прототипом для образа Оглоблина Прона в «Анне Снегиной» и комиссара в «Сказке о пастушонке Пете».

В 1918 году Сергей часто приезжал в деревню. Настроение у него было так же, как и у всех, — приподнятое. Он ходил на все собрания, подолгу беседовал с мужиками.

В пейзаже поэмы, лирических сценах «Анны Снегиной» также по-своему отразились константиновские впечатления поэта.

«За церковью, у склона горы, на которой было старое кладбище, — вспоминает младшая из сестер поэта. А. А. Есенина, — стоял высокий бревенчатый забор, вдоль которого росли ветлы. Этот забор, тянувшийся почти до самой реки, огораживавший чуть ли не одну треть всего константиновского подгорья, отделял участок, принадлежавший помещице Кашиной Л. И., имени которой вплотную подходило к церкви...»

Л. И. Кашина была молодая, интересная и образованная женщина, владеющая несколькими иностранными языками. Она явилась прототипом Анны Снегиной, ей же было посвящено Сергеем стихотворение «Зеленая прическа»...

Конечно, Л. И. Кашина явилась для поэта лишь одним из прототипов его героини. После революции жизнь ее сложилась совершенно по-иному, чем судьба Анны Снегиной.

Сын Лидии Ивановны, Георгий Николаевич Кашин, рассказывает, что в 1917 году его мать «передала свой дом в Константинове крестьянам, а сама стала жить в Белом Яру, в усадьбе на луговой левой стороне Оки, выше Константинова... Сергей Есенин не раз бывал в Белом Яру. В двадцатые годы усадьба сгорела... В 1919 году Лидия Ивановна прочно обосновалась в Москве. Работала переводчицей, машинисткой и стенографисткой».

И еще следует подчеркнуть особо: лишь «на расстоянии», после того, как Советская власть прочно утвердилась в русской деревне, открылась поэту великая правда Ленина. Характерна в этом отношении одна из «ключевых», кульминационных сцен «Анны Снегиной», когда радовские мужики настойчиво «пытают» своего земляка, героя поэмы, о самом главном и насущном для них в революции:

Скажи:
Отойдут ли крестьянам
Без выкупа пашни господ?
Кричат нам,
Что землю не троньте,
Еще не настал, мол, миг.
За что же тогда на фронте
Мы губим себя и других?
И каждый с улыбкой урюмой
Смотрел мне в лицо и в глаза,
А я, отягченный думой,
Не мог ничего сказать.
Дрожали, качались ступени,
Но помню
Под звон головы:
«Скажи,
Кто такое Ленин?»
Я тихо ответил:
«Он — вы».

«Он — вы». Это и ответ героя «Анны Снегиной» крестьянам и в еще большей степени ответ поэта самому себе. Это великое открытие поэтом для себя сути, существа Ленина, народности его революционного дела, его бессмертных идей.

Ленин, большевики впервые в истории крестьянской Руси посмотрели на мужика как на единственно реального и надежного союзника рабочей России в пролетарской революции. Вот что приводит Есенина вместе с трудовой крестьянской Русью к правде Ленина, к новому, революционному берегу.

Едва ли не первым в мировой поэзии имен-

Измаил Менгс. 1688—1764. АВТОПОРТРЕТ.

Дрезденская картинная галерея.

Адриан ван де Вельде. 1636—1672. НА ВЫГОНЕ. 1659.

Дрезденская картинная галерея.

но Есенин рассказал об объективном, исторически закономерном пути трудового крестьянства к пролетарской революции.

Октябрь в деревне — главная тема «Анны Снегиной». С революционными событиями 1917 года самым тесным и непосредственным образом связана судьба ее главных героев: помещицы Анны Снегиной, весь хутор которой во время революции крестьяне «забрали в волюсть с хозяйкой и со скотом»; крестьянина-бедняка Оглоблина Прона, борющегося за власть Советов и мечтающего побыстрее открыть коммуны «в своем селе»; старика мельника и его жены — доброй, ворчливой хлопотуньи; рассказчика-поэта, земляка Прона, влеченного революционной бурей в «мужичьи дела». Отношение Есенина к своим героям проникнуто глубочайшим лиризмом и нескрываемой, тревожной озабоченностью за их легкие судьбы:

Я думаю:
Как прекрасна
Земля
И на ней человек.
И сколько с войной несчастных
Уродов теперь и калек!
И сколько зарыто в ямах!
И сколько зарокот еще!
И чувствую в скалах упрямых
Жестокую судорогу щек.

В отличие от первых произведений, воспевающих преображенную крестьянскую Русь как единое целое, в «Анне Снегиной» поэт показал разных «мужиков»: крестьяне-труженики, особенно деревенская беднота, горячо приветствуют Советскую власть и идут за Лениным; есть среди крестьян и такие, которых, по глубокому убеждению Прона, «надо еще варить»; есть закоренелые собственники, вроде «отвратительного малого» — возницы; есть крикуны и бездельники, как Лабутя, ищущие в революции «легкой жизни».

По-разному воспринимают ломку старых устоев и другие герои поэмы. Анна Снегина, когда-то мечтавшая вместе с юным поэтом о славе, выбита революцией из привычного уклада жизни. На что-то надеясь, она отправилась искать счастья на чужбину, но надежды растаяли, и осталась только мечта об утраченной родине:

«...Я часто хожу на пристань
И, то ли на радость, то ль в страх,
Гляжу средь судов все пристальней
На красный советский флаг.
Теперь там достигли силы.
Дорога моя ясна...
Но вы мне по-прежнему милы,
Как родина и как весна...»

Долгое время об «Анне Снегиной» было принято говорить только как о лирической поэме, хотя очевидно, что источник ее художественной силы не только в глубокой лиричности, но и в эпической масштабности изображаемых событий.

Герой поэмы объединяет ее эпическое и лирическое течение в единое художественное целое. Взволнованный рассказ-воспоминание о юношеских встречах «с девушкой в белой накидке», о неожиданном свидании с Анной в «радовских предместьях» в дни революции, о ее письме «с лондонской печатью», полнотоски по родине, во многом определяет лирическую тональность поэмы, усиливает ее драматизм.

Последняя встреча героя поэмы с Анной Снегиной происходит для нас как бы незримо. Но от этого значение ее несколько не снижается, а даже, наоборот — возрастает, становится заглавно-ключевым.

Встреча эта открывает нам в, казалось бы, уже хорошо знакомом по предыдущим главам лике и характере Анны Снегиной едва ли не самое главное и существенное, а именно: чувство родины, которым до краев наполнена ее истстрадавшая душа. Чувство это помогает героине сохранить себя как личность при всех ошибках и заблуждениях, личностно, достойную самого искреннего, живого соучастия к ее судьбе, сложившейся в годы революционных потрясений столь трагически печально.

В самом деле, еще раз вдумавшись в строки лондонского письма нашей героини, по «легкости» слога, поначалу, казалось бы, такого «беспечного». Оно не только проникнуто горьковатыми, словно полынью, раздумьями-воспоминаниями о безоблачно-счастливых днях юности, но и наполнено мудрым прозрением будущего России. Вместе с тем в нем суровая,

бескомпромиссная оценка своей собственной жизни: «Теперь там достигли силы. Дорога моя ясна...»

В путях и перепутьях по чужим землям и весам Анна Снегина не растеряла, не утратила в сердце главного — верности родине.

Неотступная мечта хоть на мгновение оказаться рядом с родиной в чужой, далекой стране приводит ее в порт, на пристань. Цель одна-единственная. Еще раз ощутить волнение и тревогу от встречи с родиной, с живой ее частицей — входящим в гавань пароходом из Советской России.

Конечно, все не так просто! Есенин прекрасно это сознает. Красный флаг с серпом и молотом, на который с каждым разом «все пристальней», со скрытой надеждой смотрит Анна Снегина, и радует ее как знак родины и вместе с тем по-прежнему еще и страшит.

Это естественно. Героине поэмы памятно все то, что она лично пережила в дни революции. Хотя она тогда и не ответила на прямой вопрос, обращенный к ней:

«Скажите,
Вам больно, Анна,
За ваш хуторский разор?»
Но как-то печально и странно
Она опустила свой взор.

Это «странное» молчание было вызвано не только невосполнимыми личными утратами и потерями. Несомненно, есть здесь и еще одно немаловажное обстоятельство. Как умный, честный, по-своему проникательный человек, Анна Снегина где-то в глубинах своего сознания чувствует и другое: историческую справедливость и неизбежность народного «возмездия». Это прозрение позволит ей позже, в эмиграции, преодолеть «обиды» на Советскую власть.

С каждым годом новая Россия становится для Анны Снегиной все ближе. Мечты, думы о родине, теперь, пожалуй, единственное, что еще как-то согревает ее душу на этой грешной земле. Трагизм и драматизм судьбы Анны Снегиной как личности незаурядной все время нарастает. Все яснее она осознает, что ей практически нет возврата в прошлое. Все более недоступно далекими становятся для нее «радовские предместья»: там кипит иная жизнь. Оттого-то так настойчиво ищет она любого случая, любой зацепки в окружающей действительности, которые хотя бы на время поддержали ее морально и укрепили духовные связи с родиной.

Вот почему особенно дорого ей все то, что напоминает о России; вот почему, видя судно под советским флагом, она не в силах скрыть волнения; вот почему в минуты душевного одиночества она настойчиво пробуждает в своей памяти, как последнюю надежду, мечту-воспоминание о юном поэте, который так «пылко» был когда-то в нее влюблен и который, оказывается, по его собственному признанию, навсегда сохранил это чувство, несмотря на все превратности судьбы:

Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет,
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»
Далекое, милое было.
Тот образ во мне не угас...
Мы все в эти годы любили,
Но мало любили нас.

Теперь, на чужбине, для Анны Снегиной все роднее и ближе становится именно образ этого человека, любовь которого она в те далекие годы отвергала как бы шутя, да и позднее, когда эта любовь могла бы вспыхнуть «вторым огнем», постаралась, как ей казалось в ту пору, «мудро» ее погасить.

Да, сложен мир человеческих отношений, сложны, порой почти просто логически необъяснимы стихийные порывы людских сердец, движения наших душ, временами таких странных и почти не управляемых. Вот и Анна Снегина, узнав, что человек, который был в нее влюблен, жив, что он и сегодня в России, отправляет на родину взволнованное письмо. С надеждой, вверяя бумаге «всю грусть», она, быть может, впервые решает сказать ему открыто, что и ей тоже многое памятно и дорого:

Там часто мне снятся ограда,
Калитка и ваши слова.

А главное, сказать ему, что он значит для нее, особенно теперь:

Но вы мне по-прежнему милы,
Как родина и как весна.

Конечно же, и мы, да и сама Анна Снегина, прекрасно понимаем, что такое письмо прежде всего было необходимо для нее лично. Оно, как якорь спасения ее души, каждая его строка — сокровенная исповедь перед близким человеком, перед своей совестью и прежде всего перед родиной, которую она любит до боли сердечной и которую в силу классовых предрассудков покинула, к сожалению, в дни революции.

Что же касается героя поэмы, то он к словам старого мельника о письме, которое тот почти два месяца тому назад «приволок» для него с почты, относится поначалу несколько

иронически: «Конечно! Откуда же больше и ждать!» Но вот письмо прочитано. Открытость сердца Анны Снегиной, ее исповедальный рассказ, наконец, явно неожиданное признание, что отныне образ его неотделим для нее от образа весны, образа родины, — все это невольно заставляет нашего героя многое вспомнить и как бы пережить заново. Он понимает: такие письма не пишутся случайно, «беспричинно». От равнодушия, с которым он поначалу воспринял лондонское послание, не осталось и следа. Перед ним волнующе-зримо встала прекрасная пора юности: живые, озаренные картины тех солнечных дней на какое-то мгновение отогрели его устало-одиночью душу: и все, вплоть до мелочей, окружающих его теперь в радовских местах, как-то само собой явственно напомнило ему то далекое время, когда все казалось таким прекрасным:

...По-прежнему с шубой овчинной
Иду я на свой сеновал.
Иду я разросшимся садом,
Лицо задевает сирень.
Так мил моим вспыхнувшим взглядам
Погорбившийся плетень.
Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет.
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»
Далекое милое было!..
Тот образ во мне не угас.
Мы все в эти годы любили,
Но, значит,
Любили и нас.

Поэма закончена. С нескрываемой грустью расстаемся мы с героями Сергея Есенина, которых за это время успели не только хорошо узнать, но и искренне полюбить, как почти живых, реальных людей, наших добрых «знакомых незнакомцев». Что там говорить: душа наша прикипела теперь к ним навсегда. О них мы будем охотно вспоминать и рассказывать. И что еще весьма примечательно: после встречи с героями поэмы «Анна Снегина», после всего того, что мы пережили вместе с ними, мы начинаем как-то более пристально вглядываться в себя, в прожитые нами годы; мы чувствуем, как окрыленнее становится у нас на душе.

Неодолимо притягивает нас сердечная доброта есенинских героев, их честность, мужественность, любовь и гражданская верность родине.

Правда, нам так и не дано знать, получил ли Анна Снегина ответ из России на свое письмо, в котором столько чистоты, столько красоты женской души, что, читая его, невольно вспоминаешь знаменитое письмо пушкинской Татьяны к Онегину. Наконец, не суждено нам узнать и того, будет ли Анна Снегина снова писать своему радовскому адресату. Скорее всего нет! Все, что ей было необходимо сказать, она уже сказала. Поэма завершена автором и завершена гениально просто и мудро.

Поэзия ведет вечный бой за Человека!

Великие художники всегда великие гуманисты. Как негасимый огонь, пронесут они через века свою неколеблемую любовь и веру в Человека, в то, что будущее его светло и прекрасно. По своей творческой сути, по своим убеждениям и идеям они великие мыслители и революционеры духа; они постоянно и настойчиво вслушиваются в биение народного сердца, в могучее дыхание своей родины, чутко улавливая при этом нарастающие раскаты эпохальных бурь и потрясений. Все это и делает их позицию бессмертной и вечной. Таков безымянный автор «Слова о полку Игореве», таковы Пушкин, Лермонтов и Некрасов, наши Маяковский и Блок, таков Есенин...

Ныне становится все очевиднее, что Есенин в годы революции, находясь в постоянных, тревожных раздумьях о будущем «полевой» Руси, о том, «куда несет нас рок событий?», был предельно обеспокоен завтрашним днем всего человечества. Ему, как когда-то Льву Толстому из Ясной Поляны, из своего «знаменитого села» Константинова открывался до самых дальних далей весь современный окружающий его мир, в вечном борении человеческих страстей, непримиримости добра и зла, света и тьмы, богатства и нищеты, мир, охваченный революционной октябрьской бурей. Лик этого мира встает перед нами зримо в строках классической поэмы Сергея Есенина — «Анна Снегиной».

Владимир НИКОЛАЕВ

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Эта история началась давно, в конце прошлого века, она типично американская, но старые, хотя и до сих пор очень прочные корни ее уходят далеко за океан, в землю Сицилии.

Бедность и бесправие большинства населения этого средиземноморского острова, богатство и власть меньшинства — общий, разумеется, закон для общества, в котором правит капитал. Но вопиющая несправедливость веками царивших на Сицилии порядков усугублялась тем, что власть издавна опирались на хорошо организованные вооруженные банды. Богатые платили наемным убийцам из числа местных жителей, а те расправлялись с кем было приказано. Такая несложная система действовала безотказно, поскольку существовала с давних пор и в нее были вовлечены не только богатые и бандиты, но и представители официальной власти, с потрохами купленные или насмерть запуганные.

Да, все это имело силу извечно устоявшихся традиций, было скреплено не только деньгами и страхом, но и кровью, родством, круговой порукой. И все это оформлено в одну тайную организацию под названием мафия. Ее неистребимая сила заключалась в том, что это была не столько организация, сколько образ жизни, своеобразный сицилийский уклад.

Главный закон мафии — омерта, по которому любой человек погибает от ее же карающей руки, если выдает властям членов организации или же пробалтывается о ее делах. Омерта распространяется не только на членов мафии. Итальянский журналист и историк Франческо Маркеше пишет:

«Омерта — это мсть тем, кто выдает «братьев» или подозревается в предательстве, мсть, обычно равнозначная приговору к смерти. Под действие омерты попадают и те, кто не является членом мафии, но по тем или иным причинам оказался свидетелем ее преступлений. Они должны молчать». А у мафии есть еще такой принцип над всеми ее законами: «Молчат только мертвые свидетели».

Но обвинения в измене не всегда выдвигались (и выдвигаются по сей день) обоснованно, в предательстве обвинялись во имя сведения личных счетов, в борьбе за власть в рядах мафии, для захвата земли и имущества соседа.

В прошлом веке, когда волны эмигрантов из Европы одна за другой накатывались на Америку, в эту казавшуюся обетованной землей прибыли и сицилийцы, в том числе и члены мафии. Американские источники указывают, что эта миграция бандитов через океан началась в 60-х годах XIX столетия. Почему так случилось? Причины, надо думать, разные. Были, наверное, среди гангстеров-эмигрантов и такие джентльмены удачи, которые рассчитывали поживиться за океаном, разжиться там больше, чем у себя на родине. Другие могли бежать от мести, третьи — от бедности (и среди бандитов преступные доходы никогда, разумеется, не делились поровну). Возможно, руководители мафии направили тогда своих эмиссаров на разведку за океан. Ведь и сицилийская мафия под напором все меняющего времени вынуждена была приспосабливаться к ритму девятнадцатого века, не могла не идти в ногу с наступающим повсюду капитализмом. Постепенно деятельность деревенской сицилийской мафии распространилась на города, ее сельскохозяйственная специфика начала растворяться в новых формах гангстеризма (контрабанда наркотиков, индустрия азартных игр и т. п.), а главное — организация стала исподволь, но активно вмешиваться в политическую жизнь.

Так что первые сицилийские эмигранты из рядов мафии прибыли в США уже не такими заскорузлыми и узколобыми сельскими бандитами, какими были на острове их коллеги в прошлом. А главное — они прибыли в Соединенные Штаты с богатым опытом строжайшей дисциплины и конспирации, с опытом эффективно работающей подпольной организации. Правда, было бы крайне ошибочно вести от-

Рисунки Е. ШУКАЕВА

Мафия:

ГОСУДАРСТВЕ

счет организованной преступности в США с момента прибытия туда сицилийских бандитов.

Как известно, конец прошлого века в США был ознаменован бурным развитием капитализма. Наряду с промышленностью, наукой и техникой не менее бурно прогрессировали и многие неизбежные для нового несправедливого строя пороки, в том числе и преступность. Отколовшиеся от сицилийской мафии бандиты прибыли в Соединенные Штаты уже тогда, когда там было более чем достаточно их собратьев по уголовщине. Любопытно, что банды делились главным образом по национальному признаку — ирландские, еврейские, мексиканские и т. п. Они раньше сицилийцев начали свою преступную деятельность в США, но ни у одной из них не было такого опыта, какой уже накопился у пришельцев с далекого средиземноморского острова. Не было такой организованности, спайки, круговой поруки, кровного родства, устоявшихся преступных традиций, заменявших закон и мораль.

Разделенные по национальному признаку банды жестоко соперничали между собой, на эту кровопролитную войну у них уходило не меньше сил, чем на войну с законом. И в этих непрекращающихся схватках опыт и закалка сицилийцев играли решающую роль. Как и на своем острове, они сплотились в преступную организацию по образцу сицилийской мафии. Вначале она называлась «Черная рука», затем — «Коза ностра» («Наше дело»).

Шантаж и вымогательство были той сферой уголовщины, в которой специализировалась «Черная рука». Не брезговали ее члены и элементарным грабежом. Они быстро набрали силу в США, эти сицилийские головорезы.

Преступная организация гангстеров безжалостно уничтожала и уничтожает всех своих врагов. Но дело и в том, что они сами постоянно уничтожают друг друга, как пауки в банке, как скорпионы. Будучи непосредственным продуктом, незаконнорожденным отпрыском капиталистического общества, они унаследовали от него все его характернейшие уродливые черты. Одна из них — бесконечная, неустанная погоня за прибылью (как главная цель всей жизни!) в условиях жесточайшей, прямо-таки волчьей конкуренции. Разница между миром легального бизнеса и миром бизнеса преступного в одном: в первом конкурента убивают долларом, во втором — пулей.

Американские исследователи организованной преступности в Соединенных Штатах считают, что она окончательно консолидировалась и выросла в единую всеамериканскую организацию в период так называемого «сухого закона», с 1920 по 1933 год. Запрещением на легальную продажу крепких напитков ловко воспользовались гангстеры-спекулянты, баснословно при этом наживаясь. В жестокой борьбе за прибыли, за рынки сбыта верх одержали силы, берущие свое начало от первых эмигрантов-бандитов из Сицилии. Их окончательное оформление в организацию, постепенно охватившую всю страну, несколько не нарушило ее основной закон конкуренции в борьбе за власть, а значит, и за доллары. Именно во времена «сухого закона», когда подпольный гангстерский синдикат «Коза ностра» чудовищно разбогател и набрал силу, разразилась в 1930 году так называемая «Кастелламаре-дель-Гольфо» (по имени сицилийского городка Кастелламаре-дель-Гольфо, откуда были родом многие из основателей «Козы ностры»). Кровопролитная битва началась в тот момент, когда некий Джузеппе Массерия, самый главный в то время уголовный деятель, решил взять единолично в свои руки всю власть в гангстерской организации. Его ближайшими коллегами (и конкурентами!) были Сальваторе Лючиано, Дон Вито Дженовезе, Сальваторе Маранзано, Аль Капоне... Первые двое были самые верные друзья и помощники Массерия, Аль Капоне возглавлял преступный мир в Чикаго, его звали «Королем Чикаго», Сальваторе Маранзано был таким же хозяином в Нью-Йорке.

В ходе борьбы за единоначалие в верхнем эшелоне организованной уголовщины Массерия попытался убрать кое-кого из своих ближайших сподвижников-конкурентов, те, разумеется, были против такой постановки вопроса и убили Массерию в ресторане. Главой «Козы ностры» после этого стал Сальваторе Маранзано. Он-то и довел до конца то, о чем мечтал Массерия, то есть реорганизовал

структуру «Козы ностры» и построил ее столь прочно, что она существует в таком виде до сих пор. Будучи всеамериканской преступной корпорацией, организация была поделена на «семьи» по территориальному признаку (в настоящее время таких «семей» насчитывается в США двадцать шесть). Такое четкое деление было сделано не столько ради организационного порядка, сколько ради раздела всеамериканского преступного рынка на зоны влияния, зоны добычи. Такая мера по идее должна была бы в будущем предотвратить кровавую междоусобную борьбу внутри самой «Козы ностры», но, увы, и после реорганизации грызня между ее лидерами продолжалась.

Бывшие помощники Джузеппе Массерия, его ближайшие сподвижники Сальваторе (Лаки) Лючиано и Вито Дженовезе, только что предавшие своего босса, точно так же разделились и со своим новым хозяином, с Маранзаном. Правда, справедливости ради надо сказать, что и в том и в другом случае Лючиано и Дженовезе наносили и превентивный удар: если бы не они убрали своих боссов, то те убрали бы их. Если Массерия был застрелен в ресторане, то Маранзано — дома. Несколько профессиональных убийц из личной охраны Лючиано под видом сыщиков из полиции с фальшивым ордером на обыск проникли в дом Маранзано, всадили в него несколько пуль и к тому же перерезали ему горло. В тот же день в развернувшейся междоусобной войне пало еще сорок членов «Козы ностры». Новым лидером «Козы ностры» стал Сальваторе Лючиано по кличке Лаки («Счастливец»). При нем была создана некая видимость коллегиального руководства — так называемая комиссия, в которую входили «боссы» крупнейших «семей», но Лаки Лючиано фактически был «боссом всех боссов». Но и при таком единоначалии борьба за власть в верхнем эшелоне «Козы ностры» продолжалась. В ходе ее Лючиано еще раз подтвердил свою кличку Лаки («Счастливец»): его не убили, в результате междоусобной борьбы он в 1946 году отбыл в изгнание проживать на грабленные миллионы. Преступным королем в США стал Фрэнк Костелло, правда, поначалу ему мешал другой гангстерский босс, Вито Дженовезе, но вскоре последний был вынужден убраться восвояси, на родину, за океан, чтобы не рисковать своей жизнью. Пересидев на родине несколько лет и основательно подготовившись к битве за трон «босса всех боссов», Вито Дженовезе вернулся в США, и в 1957 году его киллер убил Фрэнка Костелло. Дженовезе наконец-то возглавил преступный синдикат.

Как и многие его предшественники, Дженовезе начал с формальных попыток умиротворения, он стал инициатором «общенационального съезда» лидеров «Козы ностры». Уже ко времени этого съезда «боссы» «Козы ностры» и их ближайшие подручные не то чтобы сами вышли на свет божий из преступного подполья, нет, их вытащила оттуда на всеобщее обозрение сама американская жизнь. Будучи миллионерами, они и жили, как положено миллионерам, — в особняках, поместьях, имели много прислуги (вернее, личной охраны) и т. п. Ко всему прочему при их капиталах и могуществе они имели большое влияние не только в своей преступной среде, их связи простирались в деловые и общественные сферы. Пресса и другие средства информации без конца и не без зависти смаковали их богатство и образ жизни. Одним словом, этим «боссам» в США закон, как правило, не писан.

Но вот что любопытно. Своеобразная реклама «боссам» «Козы ностры» как незаурядным, а главное, богатым личностям отнюдь не затрагивала их могущественной тайной организации. Они в общественном мнении страны существовали как бы сами по себе, вне рамок их преступного синдиката, которого в общем-то вроде и не было! Да, утверждали летописцы американской уголовщины, преступность имеется, есть и крупные гангстеры, но вот организованной преступности как таковой нет и никакого всеамериканского бандитского синдиката тоже нет! Такое ловко создаваемое мнение (создаваемое, надо думать, за немалые деньги «Козы ностры») долгое время разделялось как неофициальными, так и официальными источниками. Даже сам Эдгар Гувер, шеф Федерального бюро рас-

следований, долгое время упрямо утверждал, что в США нет организованной преступности. А ведь, казалось, в США нет и не может быть более осведомленного человека, чем Гувер. Он почти полвека возглавлял ФБР при четырех демократических и четырех республиканских администрациях при восьми президентах подряд! Пока делал свою уникальнейшую, неповторимую карьеру этот шеф ФБР, в те же годы развивалась, набирала свою чудовищную силу «Коza ностра», а Гувер ее почему-то не замечал. В последующих главах нашего повествования мы проясним некоторые аспекты такого, мягко говоря, странного поведения директора ФБР. А что касается преступной корпорации, то она не зевала и полностью использовала в своих интересах если не благосклонность, то благожелательное невнимание со стороны закона в лице ФБР.

Бывший министр юстиции США Р. Кларк в своей книге «Преступность в США» пишет:

«ФБР достаточно медленно переключало свое внимание на организованную преступность. Это вызывает удивление, ибо трудно представить себе более естественного противника. «Коza ностра» десятилетиями развивалась в Соединенных Штатах широкую деятельность, прежде чем ФБР признало, что она существует. И только к концу пятидесятих годов оно изменило свою позицию».

Этому вынужденному изменению есть объяснение. Как говорится, сколько веревочке ни виться, а конец будет. И, несмотря на всю строжайшую конспирацию в рядах «Козы ностры», несмотря на попустительство со стороны властей (в лице ФБР хотя бы), существование всеамериканского преступного синдиката в конце концов перестало быть тайной.

Некий Джозеф Валахи, один из сподвижников уже известного нам гангстерского «босса» Вито Дженовезе, попал в тюрьму, но не за то, что был членом «Козы ностры», а за обыкновенную уголовщину, которая ни с каким подпольным синдикатом судьями не связывалась. Если бы не стечение обстоятельств, Валахи в свое время вышел бы на свободу и продолжал бы свое безбедное существование в «Козе ностре». А обстоятельства были таковы. Его заподозрили в том, что он стал осведомителем ФБР. По свойственным преступной корпорации традициям Валахи дали понять, что он разоблачен и обречен. Даже факт его пребывания в тюрьме отнюдь не гарантировал ему безопасность. Он знал, что месть «Козы ностры» не знает преград, причем ей в тюрьме убрать врага еще легче, ибо обреченная жертва оттуда никуда не денется, а приказ корпорации охотно выполнит кто-либо из заключенных (в обмен на благодарность, деньги, благосклонность «Козы ностры» или же просто в страхе перед ней, в страхе за свою собственную жизнь в случае неповиновения).

Так вот Валахи со дня на день ждал покушения на его жизнь. Старый гангстер хорошо знал обычаи своей организации и был уверен, что ее приговор попытается привести в исполнение кто-либо из заключенных. Запуганный и затравленный, он во время прогулки по тюремному двору вдруг решил, что один из его коллег вот-вот убьет его. Возможно, так оно и было, а быть может, просто не выдержали нервы. Валахи схватил валявшуюся на земле железную трубу и убил ею подошедшего к нему заключенного. За это убийство суд приговорил Валахи к смертной казни. Но тот умирать не хотел. И выторговал себе жизнь. Он рассказал властям о «Козе ностре», и за это смертный приговор был заменен ему пожизненным заключением.

Валахи сразу объяснил своим тюремщикам, в какой опасности находится его жизнь, и был тут же переведен в военный форт, где и начал свою исповедь о «Козе ностре». Последняя, кстати, весьма дорого оценила голову предателя: один миллион долларов был обещан тому, кто заставит замолчать Валахи. Но даже «Коза ностра» не удалось проникнуть за ограждения военного форта, где Валахи к тому же сидел в бетонном бункере под усиленной охраной.

В такой своеобразной творческой обстановке и была записана исповедь Валахи. Она заняла свыше одной тысячи страниц! Американский журналист Питер Маас создал на ее основании книгу «Записки Джо Валахи». В ней он пишет:

«Коza ностра» по-итальянски означает «На-

ше дело». Валахи объяснил его как «Это дело наших». После такого признания Валахи пропало, и он начал обрисовывать сложную структуру этой преступной организации. Но он все время страшно боялся, и его мысли перескакивали с одного предмета на другой. «Ведь это только вопрос времени,— заявил он.— «Коза ностра» рано или поздно, а все равно до меня доберется».

Свой рассказ Валахи начал с таких взволнованных сентенций:

«Коза ностра» похожа на государство в государстве! Она огромна. Что может получиться хорошего, если я даже и расскажу вам о ней? Вас никто не будет слушать. Никто не поверит!»

Но пришлось поверить... И вот из области предположений и беллетристики тема «Коза ностры» по праву вошла в реальную американскую жизнь. Факты оказались сильнее всемогущего Гувера, директора ФБР, десятки лет закрывавшего глаза на организованную преступность.

Откровения Валахи никак не отразились на судьбе «Коза ностры», гангстерская фирма продолжала процветать и вести свой весьма специфический образ жизни. Просто о ней стали теперь говорить как о явлении вполне осознанном, а не как о досужих вымыслах авторов детективных историй. Стал очевиднее зловещий механизм ее кровавых междоусобиц, ее деловой хватки, ни в чем не уступающей большому легальному бизнесу по жестокости и размаху операций. Как бы подытоживая эпизод с Джо Валахи, бывший специальный агент ФБР Уильям Тернер писал еще при жизни Гувера: «ФБР прячет голову в песок, как только дело касается организованной преступности, и прикрывает свою бездеятельность дутыми цифрами. В течение сорока лет под главенством Эдгара Гувера ФБР и организованная преступность процветают совместно».

Итак, волей или неволей пришлось ФБР завести досье на «Коза ностру». Там теперь скопилось немало любопытных документов. Например, вот магнитофонная запись беседы гангстеров, тайно сделанная детективами из ФБР (в ней речь идет о провинившемся коллеге бандитов по имени Уильям Джексон):

«— А помнишь, как Джексон висел на железном крюке для мясных туш? Он был так тяжел, что крюк погнулся. Он висел трое суток, пока не сдох».

— Хи-хи! Надо было видеть его при этом! Как слон! А когда Джими ткнул его электрическим проводом!

— Да, он тогда завертелся! А мы облили его водой, чтобы ток бил еще сильнее. Как он завизжал!

— Это что! Наша машинка для растягивания людей еще лучше. Кладешь на нее парня и растягиваешь цепями до тех пор, пока его суставы не затреещат. Помнишь того типа, который при этом так потел, что буквально иссушил себя. Он тогда без конца хотел воды, воды. Я думаю, он и умер от жажды».

И еще из той же записи:

«— Сторонись этого места! Слишком много ребят погибло именно здесь. Там есть такая печь позади дома. В ней их всегда сжигают».

— Да, там сожгли Оливера, Вилли, Маленького Гарольда, Томми...

— Я сам тащил в печь на цепи Маленького Гарольда».

В этой записи, тайно сделанной агентами ФБР, речь идет о поместье мистера Боардо в Ливингстоне (штат Нью-Джерси). Это ветеран из ветеранов «Коза ностры», потому и живет он в старинном замке, окруженном парком. Но главная достопримечательность его поместья в другом — в многофигурной скульптурной композиции, сделанной из камня и к тому же пестро раскрашенной. Боардо сам придумал эту композицию, и ему воздвигли ее за его же деньги. В центре восседает на коне сам хозяин поместья в окружении своих ближайших родственников, которые обошлись без коней, а торчат просто на постаментах. Это, наверное, редкий случай — человек при жизни сам себе соорудил памятник. Но мало этого! Мы, пожалуй, не ошибемся, если скажем, что факт этот прямо-таки уникальнейший. Дело в том, что мистер Боардо не просто ветеран-гангстер, он по профессии палач. Именно он приводит в исполнение приговоры «Коза ностры», об этом и рассуждали

рядовые бандиты, когда их тайно записали на пленку.

Памятник, на наш взгляд, символизирует нечто большее, чем наглость и отсутствие вкуса. Это, можно сказать, монумент не только в честь гангстера Боардо, но и в честь шефа ФБР Гувера в частности, и в честь американского закона вообще. Это символ безнаказанности гангстеров-миллионеров и бессилия перед ними американской Фемиды.

После признаний провинившегося гангстера Валахи ФБР охватил некоторый шок, а потом, чуть оправившись после него, мощная организация Гувера якобы развила бурную деятельность по искоренению вдруг обнаруженного порока. Деятельность эта сопровождалась рекламным шумом и треском, то есть проходила под типичный американский аккомпанемент. Любопытно, что в 1972 году журнал «Тайм» писал: «Многие американцы уже были наполовину убеждены властями, что с «Коза нострой» покончено». «Тайм» начал рассуждать об этом в связи с тем, что тогда в США разразилась очередная гангстерская война, якобы уничтоженные ФБР преступные силы вновь громко заявили о себе автоматными очередями и пистолетными выстрелами.

Когда рассеялся пороховой дым, оказалось, что за всем этим взаимострельбанием стоял один зловещий режиссер — Карло Гамбино, «босс» одной из пяти нью-йоркских «семей». Говорят, что это именно он и спровоцировал очередную гангстерскую войну. И вот в результате того, что были убраны важнейшие конкуренты, Карло Гамбино наконец стал «боссом всех боссов» в «Коза ностре». Ему тогда уже перевалило за семьдесят, но, как видим, почтенный возраст не помешал гангстеру поставить и разыграть очередную драму на пестрой сцене американской жизни.

Пожинать плоды своей кровавой интриги Карло Гамбино пришлось недолго: осенью 1976 года он умер в Нью-Йорке в возрасте 74 лет. Умер, как ни странно, в своей постели, самым естественным образом. Его смерть и похороны стали в США сенсацией № 1. Все органы информации уделили этому событию огромное внимание. Весь цвет «Коза ностры» присутствовал в собрании на отпевании главного бандита страны, событие это привлекло туда же и цвет американской прессы, телевидения и радио.

Вскоре после ухода Карло Гамбино в мир иной в рядах преступного синдиката снова разгорелась борьба за власть, за опустевший трон «босса всех боссов». Разгорелась не только в Нью-Йорке, но и по всей стране, опутанной зловещей сетью «семей» «Коза ностры». И снова загремели выстрелы, и десятки гангстерских лидеров погибли от рук своих же коллег.

Постепенно к трону «босса всех боссов» начал пробиваться один из ветеранов организации, Кармин Галанте, хозяйничавший в нью-йоркской вотчине «Коза ностры». Известно было, что он миллионер, что на его совете убийства по меньшей мере ста человек, что живет он под личиной respectable буржуа, мелкого бизнесмена, в самом центре Нью-Йорка, в районе Манхэттен. Действительно, любопытный пример мимикрии, когда гангстер принимает личину и окраску окружающего его общества. Он, видите ли, всегонавсего владелец небольшой химчистки, правверный католик, специалист-любитель по выращиванию помидоров и, конечно, горячий патриот, при нем попробуй покритиковать власти или американский образ жизни! Все эти и многие другие сведения в изобилии сообщались всеми средствами информации США, когда стало известно о том, что Кармин Галанте вззошел на трон «Коза ностры». В газете «Нью-Йорк таймс», например, информация по этому вопросу заняла почти целую страницу, а в газете «Санди ньюс» — несколько страниц. Здесь были и блюда, какие предпочитает старый гангстер, и его любимая собака (сам ее воспитывает), и подробнейшая справка о его характере и привычках (один из самых свирепых «боссов» в истории «Коза ностры»), и редкая расчетливость Галанте, и его пристрастие к спорту (даже за тюремной решеткой активно им занимался), и его всегда высокие связи с сильными мира сего (в свое время убивал врагов фашистского диктатора Бенито Муссолини по его личной просьбе). Журналисты отмечали и многие другие фак-

ты, например, описывали золотого цвета роскошный автомобиль, в котором за водителя была его двадцатилетняя дочь Нина. Правда, как только Нина попала на страницы прессы, Галанте тут же изменил этой своей привычке: у него появилось несколько сменных шоферов.

Да, образ жизни гангстерского босса в США не укладывается в наше представление о нормальном человеческом общежитии. Но про этот весьма странный образ жизни можно поведать и еще более удивительные факты.

В 1978 году Кармин Галанте временно находился за решеткой по обвинению в торговле наркотиками. Сидел он в тюрьме в самом центре Нью-Йорка. Причем охраняли Галанте не только надзиратели, но и его собственные телохранители из его же «семьи», то есть гангстерской банды. Да, да, ежедневно стража впускала в тюрьму вооруженных до зубов гангстеров, и они занимали свои сторожевые посты у камеры, в которой сидел Кармин Галанте. Отстояв смену, одни гангстеры покидали тюрьму, другие заступали там на вахту. Так и пребывал «босс всех боссов» «Коза ностры» за решеткой под двойной охраной — полицейской и бандитской. Представьте себе картину: стоят на страже плечом к плечу полицейские и гангстеры! Правда, надо сказать, что задачи у тех и других были разными. Надзиратели, как им и положено, следили, чтобы Галанте не сбежал, а вот его телохранители следили за тем, чтобы их босса в тюрьме не убили. Дело в том, что главный соперник Галанте в борьбе за власть Аньело Делакроче отдал приказ своим палачам убить старого гангстера. Такой приказ может испугать даже Галанте. Ведь Делакроче тоже один из самых видных лидеров «Коза ностры». При Карло Гамбино он был вторым человеком в организации. Казалось бы, логично, чтобы он занял место «босса всех боссов», к тому же Делакроче являлся членом высшего коллегиального органа власти в «Коза ностре» — так называемой комиссии. Как и многие лидеры преступного синдиката, он начинал как наемный убийца, палач, приводивший в исполнение приговоры «Коза ностры», так что дело это ему знакомо и его приказ убить соперника, повторяем, не мог не обеспокоить Галанте и его приближенных. Вот они и охраняли своего босса даже в тюрьме, с разрешения властей, разумеется.

Все эти сложные маневры в борьбе за трон «Коза ностры» завершились тем, что Кармин Галанте был выпущен из тюрьмы и в июле 1979 года его убили на воле по типично гангстерскому образцу. Он обедал в ресторане со своими телохранителями. Вдруг туда вошли четыре человека в масках и буквально прошли Галанте автоматными очередями. Как и положено в таких случаях, убийцы тут же скрылись, и след их простыл.

Как можно видеть из истории «Коза ностры», такого рода конкуренция — это более или менее общий закон, движущий преступной корпорацией. Недаром журнал «Тайм» констатирует: «Коза ностра» рассматривает убийство как инструмент своего бизнеса». Вот еще любопытное высказывание прессы по поводу междоусобной войны в гангстерских рядах:

«Любое предположение на тот счет, что, убивая друг друга, члены мафии в конечном счете перестреляют самих себя и тем самым освободят американское общество от его наиболее отвратительного проявления, является абсолютно неверным. В действительности большая война выступает признаком кризиса большого роста. Организованная преступность расцветает мрачным цветом в ужасающих масштабах. Мафия перекидывается на новые сферы экономической и социальной жизни общества, она охватывает новые районы США, она применяет новые, более современные методы».

В самом деле, «Коза ностра» сегодня — это гангстерский синдикат. Во главе преступной фирмы мы видим своего рода совет директоров, так называемую «комиссию», состоящую из девяти боссов крупнейших «семей». Вся страна поделена на двадцать шесть районов, в каждом из которых заправляет одна «семья». При этом надо отметить, что на один Нью-Йорк приходится сразу пять «семей», их боссы, как правило, и заседают в «комиссии». Общее число членов гангстер-

ПРОДОЛЖЕНИЕ МОЛОДОСТИ

— Свои стихи и поэмы я пишу, вглядываясь в судьбы близких мне людей, в события и даты, которые определили мою биографию. События эти были настолько значительными, что припадая к ним накрепко и произведения мои без них просто немислимы...

В канун 60-летия Сергея Сергеевича Наровчатова, известного советского поэта, главного редактора журнала «Новый мир», я беседую с ним у него дома, в рабочем кабинете.

— Вот почему, — говорит он, — я никогда не приму четыре стены моей комнаты за четыре стороны света, иначе моя молодость постучится мне в окно и напомнит о других просторах. В своих вещах я выкладываюсь весь, оглядываясь на пережитое вместе с моим поколением. Границы этого достаточно широки, чтобы вместить и горести и радости. Но поэзия ломает эти широкие рамки, и тогда чувства, бушевавшие в нас на смертных полях войны, очищенные и подтвержденные на живых просторах мира, заново переживаются людьми племени «младого, незнакомого». Вот почему почти все, что я сказал от первого лица, относится к моим сверстникам-поэтам.

И действительно, в одной из самых первых автобиографий, написанных сразу же после войны для сборника «Молодая Москва», начинающий поэт заметил: «Молодость прошла весело и бурно». Это сказано так уверенно и решительно, будто за плечами автора целая жизнь. А прожил он на свете к тому времени только четверть века. Что же стоит за этим «весело и бурно»? Цитирую: «Родился на Волге, учился на Колыме, работал на Большом Ферганском канале, воевал в Финляндии и на шести фронтах Отечественной войны. С детства любил расстания. Шестнадцатилетним парнем по неделям пропадал в тайге, ночевал у костров, охотничал, ловил рыбу. Возвращался черный, отощавший. Едва ли не первые стихи написаны мною об охоте на медведя, в которой сам участвовал. В июне 1937 года, окончив школу, поехал в Москву. Вместе со своими ближайшими друзьями ушел в декабрь 39-го года добровольцем на фронт. Был бойцом легкоколенного батальона, участвовал в рейдах по вражеским тылам, обморозился, лежал в госпитале в Удмуртии. В 1941 году окончил два института: Литературный и ИФЛИ. В первые дни Отечественной войны я снова ушел на фронт. День Победы встретил на Эльбе. На фронте вступил в партию. Планов много. Осуществление их зависит лишь от меня, так как возможности для этого есть».

Я напомнил Сергею Сергеевичу эту давнюю автобиографию и спросил, осуществились ли эти планы молодости, может ли он ответить «да!» сегодня, спустя почти четыре десятилетия.

— Что же сказать, я старался, работал, писал, всегда был в строю, в меру своих возможностей выражал время, себя, своих друзей. Недавно вышел у меня трехтомник, куда вошли все основные мои вещи: стихи, поэмы, книга «Необычное литературоведение», воспоминания.

Заговорили о современной литературе.

— На мой взгляд, за последнее время увеличилось писательское воздействие на жизнь. Писатели сейчас чаще берутся за острые темы, находят новые, неожиданные решения самых злободневных проблем. Увеличилось проникновение художника в духовный мир человека. Считаю, что литература сейчас интересная. И без всякой ложной скромности замечу, что многое из интересного в прозе, в поэзии, в публицистике проходит через журнал «Новый мир». В статьях и обзорах можно встретить ссылки на публикации нашего журнала. Но так же как ни о всей советской литературе в целом, так и ни о той ее частице, которая представлена в «Новом мире», не скажу, что это сплошь хорошие произведения. Бывают всякие, но все они добрые, вечные.

— Кстати, что будет напечатано в первых номерах журнала в будущем году?

— Очень интересный роман Даниила Гранина, новая вещь Валентина Катаева, посвященная двадцатым годам, гражданской войне. И снова вернулись к теме войны в творчестве самого С. Наровчатова и писателей его поколения.

— На Западе недоумевают: зачем вы столько пишете о войне? Не лучше ли о ней забыть? Ведь столько прошло лет. Нет, не лучше! И пишем мы не для того, чтобы мушкетировать зло, а чтобы напоминать людям, читателям всех стран о гуманистических принципах нашей литературы.

Заспорили о Валентине Распутине. Как мог человек, не переживший войны, так глубоко написать о дезертире в «Живи и помни». Я спросил: «А как же ваш Василий Буслаев? Ведь он из времен древнего Новгорода?»

— Но мне была понятна та эпо-

ха, потому что многое пережило мое поколение. И мне захотелось «погулять» по двенадцатому веку, напомнить людям о необыкновенной личности русского богатыря, который, попробовав перескочить через вечевой колокол, лишается своей забубенной головы. Общество и человек — вот идея этой поэмы, исторической по материалу, но современной по своим задачам.

— Сергей Сергеевич, но как же тогда быть, допустим, поэтам Юрию Кузнецову и Николаю Зиновьеву, вашим ученикам, которые, родившись в годы войны, так своеобразно чувствуют философию того великого времени?

— Видите ли, если с возрастом происходит утеря известной части эмоций, то дистанция времени помогает в осмыслении и охвате событий, в возможностях их более углубленной оценки — нравственной, психологической, поэтической. И еще, поэты, родившиеся после войны, имеют право на свое отличное от нашего видения этой войны, на оригинальное ее восприятие.

С. Наровчатов рассказывает о своих учителях, о тех, кто дал ему дорогу в литературу. С особенной теплотой говорит о Николае Тихонове. Вспоминает, как еще до войны мечтал с ним познакомиться, но случай представился в начале сорок третьего года, когда 2-ю Ударную армию, в которой служил молодой поэт, перевели под Ленинград. Прошло с тех пор много лет, но Сергей Сергеевич помнит невероятное напряжение, пережитое им в минуты свидания с Н. Тихоновым. Кресло против кресла — и прямо перед облаченным в военную форму юношей полыхает голубой пламень внимательных и требовательных глаз замечательного поэта. «Я читал стихи самозабвенно», — вспоминает С. Наровчатов, — и, наверное, покался ему с лучшей стороны. Во всяком случае, подпись Тихонова на его одномомнике, подаренном мне, оказалась оглушающе хороша. Она меня поддерживала всю войну да и после, долгие годы оставалась одной из самых заветных оценок моей поэзии».

Поскольку я беседую с хозяином огромной библиотеки, не могу не заговорить о книгах. Их количество превышает пятнадцать тысяч.

— Сергей Сергеевич, гляжу на обилие книг в вашей квартире и вам не в обиду хочу спросить: что

вы думаете о пользе книжности, начитанности писателя?

— Мне трудно себя представить без библиотеки, без книг, к которым я пристрастился с самого отрочества. Однажды в Алушке на старой даче наткнулся на остатки бывшей библиотеки. Эта находка отчасти и пробудила во мне страсть к книгам. А вообще читать я выучился трех лет. Между прочим, дед мой в Хвалынске Саратовской области, где я родился, работал библиотекарем, а мать — библиографом в библиотеке имени Ленина. То, что книги могут иссушить ум поэта, придумали невежественные люди.

Да, сам С. Наровчатов всегда остро чувствовал время, в котором жил. С первой своей книги «Костер» (1948 год) он как бы придал своему творчеству характер барометра времени. Отгремели залпы войны, солдаты и поэты вернулись домой, думая о наступившем мире. И вдруг, вспоминает С. Наровчатов, как обухом по голове — речь Черчилля в Фултоне. Да что же это такое — только отовоевали, победили, и снова призывы к оружию. И молодой поэт делает лейтмотивом своей первой книги тему интернационализма, верности боевому братству. Более того, заглавное стихотворение «Костер», ставшее хрестоматийным, открывает новую тему для всей послевоенной поэзии.

И вот так, о чем бы ни писал С. Наровчатов, он помнит и видит, какое нынче «тысячелетие на дворе». Это касается и исторических его поэм, и циклов стихов, и литературной публицистики, и ответственного «капитанства» у руля крупного современного журнала.

Феликс МЕДВЕДЕВ

Фото А. Козьмина

ского синдиката очень невелико — около пяти тысяч человек. Это боссы «семей», их советники, их заместители, «лейтенанты» и «солдаты». Учитывая малый численный состав организации, можно понять, почему даже «солдаты», не говоря уж о «лейтенантах», люди весьма состоятельные, а лидеры синдиката и их ближайшее окружение, как правило, миллионеры.

Мне, разумеется, не довелось побывать в штаб-квартире «Коza ностры», но я не раз бывал в главных офисах крупнейших американских фирм и банков, знакомился с их работой, потом писал о них. Та структура преступного синдиката, которая сейчас существует, удивительно напоминает четкую организацию крупнейших американских корпораций. А последние, надо сказать, умеют вести свои дела. И поэтому гангстеры, оставшись верны многим своим сицилийским традициям, с пользой для себя переняли организационный опыт американских бизнесменов.

Но и при всей своей четко налаженной деятельности преступная корпорация была бы не в силах охватить всю огромную страну, если

бы у нее не было активных помощников. Их насчитывается немало — около ста тысяч человек, в основном преступники, пока не принятые в ряды «Коza ностры». Это торговцы наркотиками, сутенеры, ростовщики, организаторы игорного бизнеса и прочие уголовники, выполняющие (не без выгоды для себя, разумеется) поручения членов организации. Такая система, кстати, делает «Коza ностру» более неуязвимой, а членов ее — почти неуловимыми, поскольку первыми обычно попадают уловники, окружающие организацию, а не ее активные члены, которые поэтому имеют время и возможность прятать концы в воду. Наконец, преступный синдикат имеет тесные связи с политическим и деловым миром, с полицией, с лучшими адвокатами страны и т. п. Многие видные представители этих кругов находятся на содержании у гангстеров.

В итоге мы имеем явление поистине феноменальное: «Коza ностра» развила преступную деятельность такого огромного масштаба, что ее годовой доход составляет 50 миллиардов долларов! Это по весьма скромным

оценкам федеральных властей в Вашингтоне. Что же такое эти 50 миллиардов? Во-первых, по размеру это одна десятая часть государственного бюджета США. Во-вторых, ни одна американская корпорация не получает таких доходов и даже близко к ним не подходит. Так, прибыли крупнейшей, первой по доходам в США корпорации «Эксон» — всего немногим больше двух с половиной миллиардов. В-третьих, ежегодный доход «Коza ностры» превышает прибыли всех автостроительных монополий США, вместе взятых. Наконец, сумма эта превышает стоимость всех акций, продающихся на нью-йоркской бирже в течение года.

Журнал «Гарвард бизнес ревью» пишет, что мафия стала отраслью индустрии, имеющей наивысшие темпы роста. И, наконец, эксперт по «Коza ностре» из газеты «Нью-Йорк таймс» Николас Гэйдж пишет, что преступный синдикат стал «самым мощным объединением в Америке».

Государство в государстве!

Продолжение следует.

ПРОТИВ МРАКОБЕСИЯ

О преступной практике сионизма, его плановых попытках направить в свое русло течения и явления политической и экономической жизни написано немало. Новая книга известного советского писателя и публициста Цезаря Солодаря подробно анализирует методы, с помощью которых международный сионизм стремится завлечь в свои сети еврейскую молодежь, сделать ее наследником и проводником одной из самых бесчеловечных идеологий в истории цивилизации.

Сионистским правителям Тель-Авива молодежь необходима в чисто «практических» целях. Никогда не прекращавшаяся военная экспансия сионизма стоила жизни десяткам тысяч обманутых им молодых людей, в том числе тем, кто, попав на крючок ловцов человеческих душ, покинул и предал свое социалистическое Отечество. Другим десяткам тысяч уготовано «освоение» захваченных арабских земель, участие в кровавых расправах над исионным населением Палестины в его родном доме.

Цезарь Солодарь. Темная завеса. М., «Молодая гвардия», 1979, 239 стр.

Классическим провокационным приемом сионизма, взятым на вооружение еще во времена «отца» этой идеологии Теодора Герцля, является искусственное раздувание антисемитизма, гнусного явления, прямо противоречащего духу социалистического интернационализма. «Антисемитизм», — пророчествовал Герцль, — будучи мощной и скорее подсознательной силой, не принесет еврейям вреда. Я считаю его движением, полезным для развития еврейской индивидуальности». Это, так сказать, теория.

А вот практика. Некто Бенцион Вайншток из Бендер стал жертвой именно такого инспирированного антисемитизма. Орудовавшие в молдавском городе сионистские зазывалы активно досаждали ему антисемитскими звонками и вынудили в конце концов выехать в Израиль. В «земле обетованной» Вайнштоку хватило здравого смысла разобраться в случившемся, и сейчас, перебравшись в Италию, он бомбардирует жену и сына письмами: умоляет помочь ему вернуться на Родину. Таких примеров немало.

Как ни тщатся сионисты выдать созданное ими государство Израиль за «бесклассовое, надклассовое или внеклассовое», капиталистический Израиль остается капиталистическим. Вот почему трудящиеся Израиля, борющиеся за свои права так же, как и их братья по классу во всем мире, все чаще задумываются о путях выхода из кризиса, в который завел страну воинствующий сионизм. И наряду с борьбой за свои права они все активнее включают в борьбу за ликвидацию зависимости Израиля от иностранных монополий и империалистиче-

ских держав, за установление справедливого мира между Израилем и арабскими государствами, за предоставление гарантированного равенства арабскому населению, справедливое решение проблемы палестинских беженцев, прекращение репрессий и национальной дискриминации. Эту борьбу возглавляет и направляет их авангард — Коммунистическая партия Израиля.

Деятельность самоотверженных вожаков израильских трудящихся, о которой впервые так полно и доходчиво рассказывается в рецензируемой книге, позволила многим простым израильтянам, и прежде всего молодежи, сорвать «темную завесу», которой пытались отгородить их от жизни сионистские заправилы. И плечом к плечу с коммунистами сражаются за лучшее будущее израильские комсомольцы — те, о которых с особенной теплотой пишет автор.

Его молодые герои приходят к познанию истины самостоятельно и, овладев ею, отстаивают свои идеалы на переднем крае борьбы. Несмотря на неслыханно трудные условия жизни и борьбы, комсомол Израиля крепнет день ото дня, а прорех в сионистской сети, опутавшей молодежь страны, становится все больше. Только за несколько месяцев перед XI съездом ИСМИ число комсомольцев в Израиле выросло на 22,5 процента.

Главы о комсомольцах — светлый заключительный аккорд книги, повествующей об одном из самых страшных расистских государств мира.

А. ГРЕЧУХИН

РАСТВОРИМОЕ СЧАСТЬЕ

Николай ЕЛИН,
Владимир КАШАЕВ

Я не знаю, любите ли вы супы из концентратов. Всякие люди бывают.

Сергей Борисович Ядрицын с женой Тамарой эти супы не любили. Но уважали. За простоту в общении. К тому же Тамара Петровна мастерица была. Она такие щи из концентратов могла приготовить — как в ресторане! Такие же горячие! А по времени даже быстрее. В ресторане так быстро только для ревизора готовят.

А в этот день, о котором идет речь, все вообще молниеносно получилось. Только Тамара Петровна баночку со щами распечатала и содержимое ее растворила в кастрюле с водой, как вдруг повалил из кастрюли густой пар.

— Гляди-ка, никак уже готово! — обрадовался муж. — Давай разливай по тарелкам, есть охота...

Но тут оказалось, правда, что он поспешил, потому что в это время пар сгустился и принял очертания худощавого старичка с такой же худощавой бородой и в пышной чалме.

— Салам алейкум, почтеннейший! — поклонился старичок Ядрицыным. — Да продлит аллах ваши дни и да увеличит вам зарплату! Я великий джинн Мульон, король всех джиннов. Вы освободили меня из заточения, выпустили из этой тесной и неудобной банки, куда много-много лет назад обманом завлек меня и запечатал мой заклятый враг, джинн Перман, родственник директора консервного завода, да пропадет аппетит у них обоих! И вот теперь я хочу вас отблагодарить и сделать счастливыми! Я всемогущ, и для меня это не составляет никакого труда...

Тамара Петровна, правду сказать, здорово растерялась, поскольку такие щи она много раз

покупала и никогда ничего подобного отсюда не появлялось. Посмотрела она жалобно на мужа.

— Сережа, — говорит, — что же это такое?.. Ничего не понимаю.

А Сергей Борисович, надо отдать ему должное, первым в себя пришел и решил на этом деле руки погреть.

— А это, — отвечает он, — Точка, мой тебе подарок ко дню рождения, который у тебя через три недели состоится. Я эту баночку с сюрпризом по знакомству купил в магазине подарков. Выбери теперь себе, что пожелаешь! Этот человек все для тебя сделает! Что хочешь из-под земли достанет!

Притихла Тамара Петровна, поверить боится. Наконец, осмелев, немощно, прикинула и спрашивает:

— Не могли бы вы мне, товарищ Мульон, достать такую шубу, как у моей сослуживицы Раевской? Ей муж из-за границы привез...

— Нет, клянусь аллахом, шубу не могу, — отвечает джинн. — Это не мой профиль.

Тамара Петровна разочарован-

но губы поджала, но виду не подала.

— Ну тогда, — говорит, — хотелось бы мне такие австрийские сапожки, как у нашего главбуха Галины Лукьяновны...

— Сапожки? — помрачнел джинн. — С сапожками вряд ли получится... У меня в обувном мире знакомств нет.

Тамара Петровна хмыкнула презрительно и от джинна отвернулась.

— Да ты погоди сердиться, — успокаивает ее муж, которому обидно стало за свой подарок. — Попроси еще что-нибудь, только не очень дефицитное. Ты же видишь, товарищ пожилкой, ему в очередях стоять трудно...

— Ну, может, хоть из косметики что-нибудь? — с угасающей надеждой спрашивает супруга. — Английскую помаду или там духи французские, такие, как у секретарши нашего директора...

— О горе мне! — расстроено воскликнул джинн. — Этого я тоже не могу сделать!

— Знаете что, папаша, — сказал уязвленный Сергей Борисович, — полезайте обратно в свою банку, я вас обратно в магазин отнесу. Какой же вы король джиннов, если сделать ничего не можете!

— Я могу самое главное, — обиженно возразил джинн. — Могу сделать человека счастливым. Вот, к примеру, ваша супруга, почтеннейший, хотела бы иметь такую шубу, как у какой-то там Раевской. Но я спрашиваю вас, зачем эта шуба нужна Раевской, если она выглядит в ней, как верблюд в сарафане!

— Вы находите? — с робкой улыбкой повернулась к нему Тамара Петровна.

— Это бросается в глаза каждому, кому аллах послал стопроцентное зрение! — пожал плечами Мульон. — Клянусь здоровьем моих врагов, если бы у меня была такая жена, как эта Раевская, и такая шуба, я бы держал их в разных помещениях! Они несо-

вместимы, как Аполлон и подаг-ра!..

— Это вы правы, — оживилась Ядрицына. — У нас многие так думают...

— Аллах в полной мере наградил их объективностью, — важно кивнул джинн. — Что же касается сапог, которые подарил вашей Галине Лукьяновне ее муж, то, между нами говоря, с такими некрасивыми ногами, как у нее, только и ходить в сапогах. В этом ее единственное спасение...

— Вы тоже заметили? — обрадовалась Тамара Петровна. — А я уж никому про это не говорила, думала, может, мне это только кажется...

— О скромнейшая из смертных! — Джинн воздел руки к потолку. — С вашей скромностью может сравниться только ваша неблагодарность, да прославится в веках они обе! Умоляю вас во имя аллаха: не приобретайте себе таких сапог, ибо глуп тот, кто любит не драгоценным алмазом, а скрывающим его футляром из бархата.

— Правда? — зарделась Ядрицына, незаметно косясь на свои ноги в шлепанцах.

— Это такая же правда, как и то, что секретарше вашего директора в ее тридцать лет не дашь и сорока, да и то благодаря заграничной косметике, без которой она выглядела бы на пятьдесят. Представляю себе, как она завидует тому, что вы вполне можете себе позволить обходиться без иностранных помад и натилок...

— Да мне эта дребедень ни к чему! — расцвела Тамара Петровна. — Ой, ну что же вы стоите! Сергей, принеси из спальни кресло! Не видишь, товарищ устал с дороги. А я пока сбегаю в магазин за тортом. Вы у нас такой редкий гость.

— А чего тебе туда мотаться? — удивился муж. — Нам товарищ джинн может, не сходя с места, любой торт достать. Верно я говорю?..

— Торт — это не проблема, — мягко возразил джинн, — но я ведь уже объяснял, почтеннейший, что не занимаюсь всякой ерундой, как другие джинны. Но они почитают меня за своего короля, ибо я единственный среди них, кто умеет сделать человека по-настоящему счастливым...

«Сестричка Катя».
Художник Ф. Демин.

ХУДОЖНИК ИЗ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ

По утрам тихо в Ясной Поляне. Причудлива игра света и теней в заповедном парке. А за рекой Воронкой — необъятные просторы, ширь синюющих далей, лес, взбегающий на крутоверх. Как хочется взять в руки кисть и писать, писать горячо, истово! Сегодня Федор Нестерович лишен этой радости творчества: жена, Тамара Николаевна, на работе, дочь учится в другом городе. А сам он не может носить тяжелый этюдник. Ушиб позвоночника еще в раннем детстве на всю жизнь сделал его инвалидом, не раз приковывал к больничной койке на долгие годы.

Впечатления детства и юности, проведенные на Орловщине, в тургеневских местах, на яснополянской земле обострились, приобрели свое счастливое продолжение. Не попади он сюда, нашел бы он в себе силы приобщиться к искусству, стать художником? Как тонко и чутко угадал доктор Игорь Петрович Чулков, чем явится для Федора Демина Ясная Поляна, когда вопреки правилам разрешил поселиться на территории больницы.

Это было тридцать лет назад. Тяжело больной учащийся Елецкого художественного училища впервые приехал лечиться сюда, в костно-туберкулезное отделение. Главный врач яснополянской больницы, ныне заслуженный врач РСФСР, Герой Социалистического Труда И. П. Чулков, человек широкой эрудиции, горячий почитатель литературы и искусства, сумел разглядеть одаренность больного, поощрял его стремление к творчеству.

Рисовать лежа было трудно, но Демин научился этому с первых лет своей болезни. Воспитывал силу воли, стараясь идти напере-

кор болезни, делая невозможное возможным. Зачитывался книгами о людях, чья жизнь была подвигом. Как-то в дневнике написал слова, сказанные Юлиусом Фучиком о том, что никакая буря не вывернет дерева с крепкими корнями.

В борьбе с недугом, за возможность жить и работать творчески он никогда не был одинок, всегда встречал людей, стремившихся ему помочь, внушить веру в собственные силы.

Сейчас Федор Нестерович Демин — член Союза художников СССР. Созданные им полотна: пейзажи, натюрморты, портреты — утверждают жизнь и мир, добро и счастье. Его живопись отличается свежестью и яркостью красок, словно сама природа бросила на холст живое разноцветье, наполнив его светом, воздухом, глубиной.

Особенно увлеченно работает художник в жанре портрета. Встречи с людьми обогащают его, вызывают творческий подъем. Медицинская сестра Катя Баринава с удивительным терпением и сердечностью ухаживала за больными в яснополянской больнице. Лицо сестрички Кати — так все ее называли — поразило художника. Он сделал рисунок с натуры, а спустя много лет возвратился к нему и написал «Сестричку Катю» уже маслом.

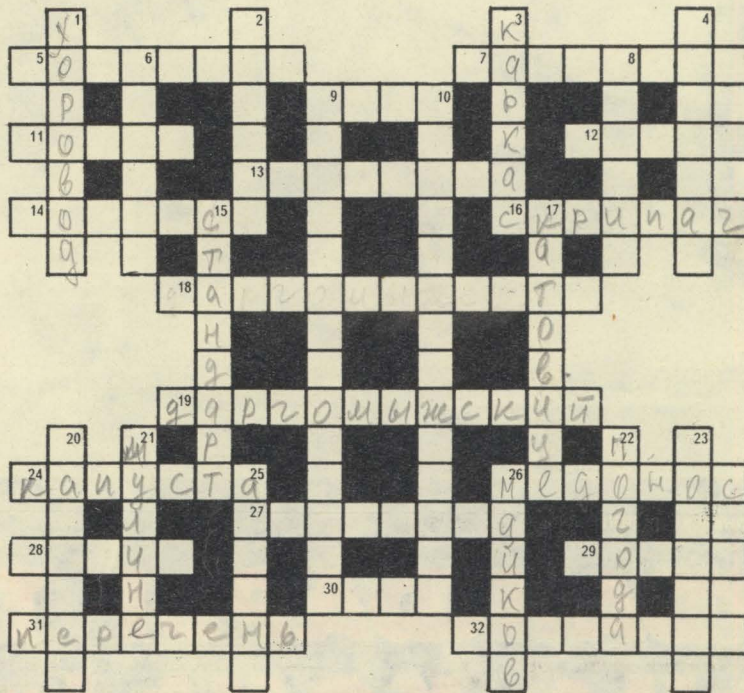
В последние годы Федор Нестерович не раз участвовал в крупных — всесоюзных и республиканских — выставках. Сейчас в запаснике у художника около двухсот произведений живописи и графики, которые он собирается показать на персональной выставке.

З. ДМИТРИЕВА

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Определенная ступень, стадия развития. 7. Гармонический или мелодический оборот, завершающий музыкальное произведение. 9. Река в Западной Европе. 11. Возвышенность в центре Молдавии. 12. Шеренга. 13. Актриса Малого театра, одна из первых народных артисток Республики. 14. Порт в Кении. 16. Музыкант. 18. Высокочувствительный электроизмерительный прибор. 19. Русский композитор XIX века. 24. Овощ. 26. Растение, цветы которого выделяют нектар. 27. Коллегиальный орган, выполняющий определенные функции. 28. Двустворчатый морской моллюск. 29. Частица электромагнитного излучения, света. 30. Драматический образ, воплощаемый актером. 31. Список, каталог. 32. Персонаж «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях» А. С. Пушкина.

По вертикали: 1. Массовый народный танец. 2. Парнокопытное животное, обитающее в саваннах Африки. 3. Остов сооружения. 4. Композитор, автор оперы «Виндзорские проказницы». 6. Тропическая птица, зобатый аист. 8. Металл. 9. Навигационный прибор летательного аппарата. 10. Рассказ А. П. Чехова. 15. Типовой образец по размерам, форме, качеству. 17. Административный центр воеводства в Польше. 20. Спутник планеты Юпитер. 21. Крученый шелк, пряжа разных цветов. 22. Состояние атмосферы в определенном месте. 23. Сорт печенья. 25. Ударение в слове, особенность произношения. 26. Русский поэт XIX века.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 40

По горизонтали: 5. Березина. 6. Лезгинка. 8. Парад. 9. Слюда. 10. Астра. 12. Ларни. 14. Кабардинка. 16. Балансир. 17. Референт. 18. Кулебяка. 21. Ветатрон. 26. Катапульта. 27. Атлас. 29. Тонна. 30. Аорта. 31. Фляга. 32. Аппалачи. 33. Аэростат.

По вертикали: 1. Нерпа. 2. Ландшафт. 3. Пластика. 4. Финал. 5. Бруслика. 7. Амундсен. 11. Рифма. 13. «Анчар». 14. Красноярск. 15. Арифметика. 19. Увертюра. 20. Елена. 22. Трюмо. 23. Оппонент. 24. Сказание. 25. Вольфрам. 28. Сазан. 29. Такса.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Берлин, Александерплац. Часы «всемирного времени» — излюбленное место встреч.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Дрезден. Знаменитый Цвингер.

Фото А. Нагряльяна

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ [заместитель главного редактора], И. В. ДОЛГОПОЛОВ [главный художник], Д. К. ИВАНОВ [ответственный секретарь], Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ [заместитель главного редактора], Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456. Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформление — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 17.09.79. Подписано к печати 02.10.79. А 00726. Формат 70×108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 762 000 экз. Изд. № 2299. Заказ № 1179.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865. ГСП, Москва, А-137. улица «Правды», 24.

Гонки колесниц.

ЩАЩААРЫ ТРУБЯТ «НА КОНЬ!»

Фото И. ГАВРИЛОВА

Как разнообразен и прекрасен мир коня! Чубарые и вороные, гнедые и соловые, серые в яблоках и караковые. Самые крупные в мире лошади, шайры, достигающие в холке двух метров, и самые маленькие, «фальгелья», выведенные в Аргентине, ростом около полуметра.

И все же во все времена кумиром людей были лошади верховые и беговые. Их воспевали поэты, их прославляли менестрели, они становились героями произведений выдающихся писателей. И надо быть благодарным польским друзьям, которые порадовали зрелищем романтическим, кра-

сочным, эффектным, показав советским зрителям конное ревию, в котором занято сразу семьдесят элитных лошадей, слитых в одно целое с замечательными наездниками, каскадерами, поистине мастерами своего дела.

Турнир ловкости и силы открывают оруженосцы. На полном скаку соскакивают они с лошадей, а потом, отталкиваясь от земли, вновь взмывают, как птицы, вверх. Еще миг — и, словно подстреленные, всадники неподвижно свешиваются с круп. Зрители замирают, но вдруг, казалось бы, совершенно безвольные, расслабленные тела

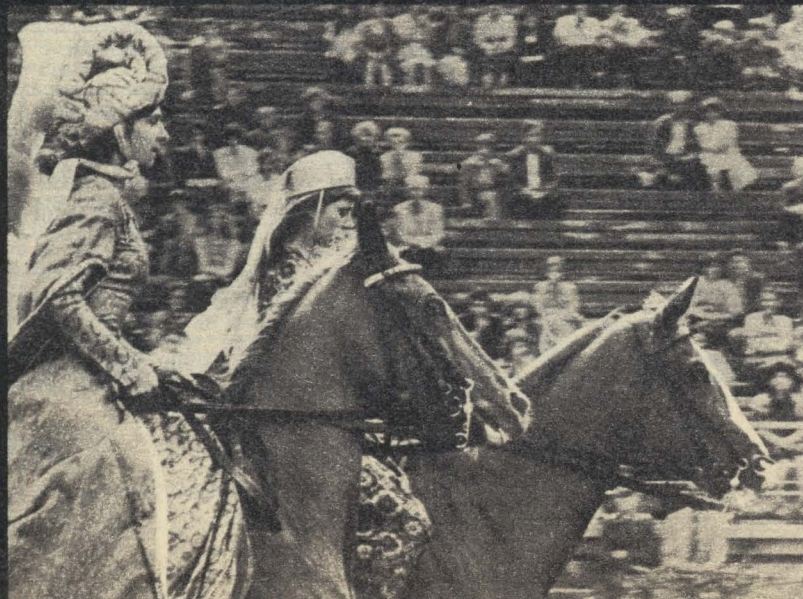
наездников наливаются упругой силой. Мгновение — и они снова в седле. А затем те же трюки бесстрашные кавалеристы проделывают уже с завязанными глазами.

Начинаются поединки рыцарей. В их руках щиты и копья. Вихрем мчатся навстречу друг другу всадники, сгибаясь в «смертельной» схватке. И, видя, как стремительно летит на землю побежденный, невольно отдаешь должное его отваге.

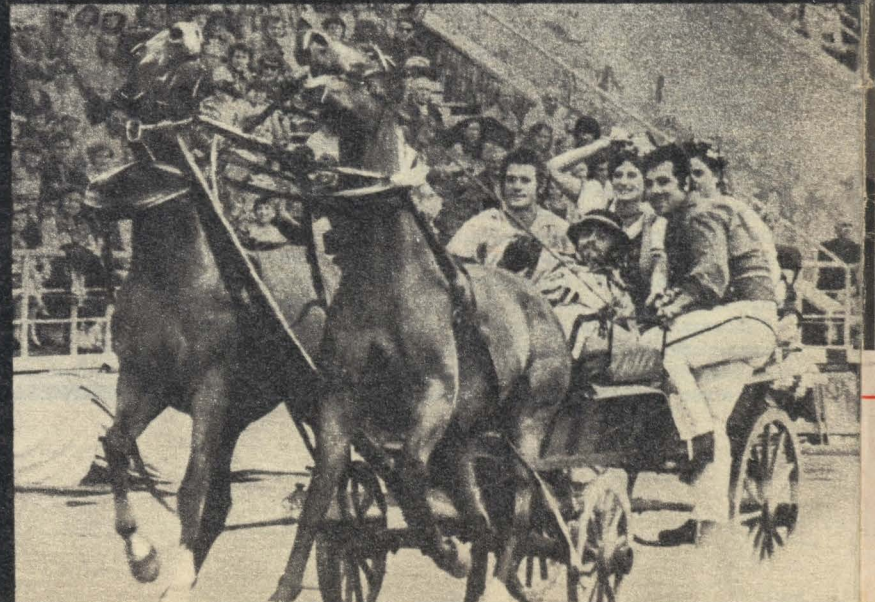
Ревю переносит нас в античный мир. На беговой дорожке торжественный кортеж. Впереди амазонки, гладиаторы, несущие копья. На двух боевых греко-римских колесницах — квадригах — бойцы. Они разгоняют лошадей и с ходу поражают копьями стоящие на специальных подставках щиты (кстати, точно такие же состязания проводились когда-то на Олимпийских играх в Древней Греции). Амазонка увенчивает победителя лавровым венком.

На очереди девятнадцатое столетие, именно тогда появилось дамское седло и женщины стали полноправными участницами конных охот с борзыми. Очаровательные амазонки и их кавалеры демонстрируют перед нами подлинное, виртуозное искусство верховой езды: парами, четверками они отважно преодолевают барьеры.

Амазонки.

Польская бричка.

От аристократических забав действие переходит к народным увеселениям. Одетые в колоритные национальные костюмы, выезжают на дорожки пароконные брички краковяков и горцев. Они знакомят нас с «курьерской почтой» — старинной народной игрой: кто быстрее соскочит с летящей на полном аллюре запряжки, возьмет на «дереве» курьерскую сумку и передаст ее другому почтальону...

...Развешаются по ветру шелковые гривы, отливают на солнце золотом крупы коней. Асы-наездники Мечислав Ярош и Юзеф Бсяновский демонстрируют трюки «высшего пилстажа»: перескок с коня на коня на полном галопе и завал — падение лошади вместе с всадником. А потом тот же Ярош и Лешек Мусял удивляют мастерством еще более высокого класса в «Венгерской почте». Это самобытное народное состязание зародилось давным-давно в Венгрии, когда почтальоны, завязнув с почтовой каретой, выпрягали лошадей и продолжали путь верхом. Такая езда требует огромного мастерства в управлении лошадьми, сочетающегося с мужеством и отвагой: посудите сами, легко ли, стоя на двух конях, заставить повиноваться себе летящую впереди тройку! Две пятерки — гнедые и серые — с таким азартом, удастью, ошеломляющей дерзостью промчались перед трибунами, что зрители устроили наездникам настоящую овацию.

Польша — страна давних конных традиций. Польские кавалеристы — гусары и уланы — были в свое время законодателями европейских мод в ратном деле.

Мы рассказали лишь о некоторых эпизодах этой романтической конной феерии,

Средневековый рыцарь.

Осадка лошади на полном галопе.

Зрители.

подаренной нам гостями из Польши. Хорошо подобранная музыка, живой комментарий еще больше подчеркнули очарование ревью, поставленного с большой элегантностью и отменным вкусом (режиссеры Рихард Петрусский и Збигнев Прус-Невядомски).

Добрый прием оказали ревью зрители Москвы и Ленинграда, Риги и Пскова, Новгорода и Калининграда. Любителей конного спорта оно порадовало новой встречей со своими любимцами, а многих наверняка заставит полюбить благородных четвероногих, отдать должное тем, кто так искусно подчиняет их своей воле.

Вик. МАРЬЯНОВСКИЙ

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663

